
ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

№ 2 (16)

2014

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –
ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

д.ю.н., профессор Гилянский Я.И. (СПб, РГПУ им.Герцена)
д.ю.н., профессор Готчина Л.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
к.философ.н. Позднякова М.Е. (Москва, Институт социологии РАН)
д.с.н., профессор Егорышев С.В. (Уфа, ВЭГУ)
д.с.н., профессор Невирко Д.Д. (Красноярск, СЮИ ФСКН России)
д.ю.н., профессор Нигматуллин Р.В. (Уфа, УЮИ МВД России)
д.с.н., профессор Коробов В.Б. (Москва, Академия управления МВД России)
д.ю.н., профессор Дубровин С.В. (Москва, Московский университет МВД России)
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР Малков В.П. (Казань, КЮИ МВД России)
д.тех.н., профессор Минниханов Р.Н. (Управление ГИБДД МВД по РТ)
д.пед.н., профессор В.Ф. Габдулхаков (К(П)ФУ)
д.ю.н., профессор А.Г. Безверхов (Самара, СГУ)
д.с.н., профессор В.В. Балахонский (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент Зиннуров Ф.К., начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент Миронов С.Н., заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

д.пед.н., к.ю.н., профессор Казанцев С.Я., начальник кафедры криминалистики
д.ю.н. Алиулов Р.Р., начальник кафедры адм. права, адм. деятельности и управления ОВД
д.с.н., профессор Комлев Ю.Ю., начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии
д.э.н., профессор Хадиуллина Г.Н., профессор кафедры экономической теории, правовой статистики, математики, информатики
д.пед.н., профессор Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
к.ю.н., доцент Гарафутдинов М.Р., начальник кафедры уголовного права
к.филос.н., доцент Фаткуллин Ф.Ф., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
к.и.н., доцент Кабиров Д.Э., начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела
к.пед.н., доцент Хрусталева О.Н., начальник редакторского отделения

Выходит с 2010 года ежеквартально.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-50418 от 29 июня 2012 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования.

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Корректоры Н.А. Климанова, О.Н. Хрусталева

©Казанский юридический институт МВД России. Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Подписано в печать 16.06.2014 г. Формат 60x84 1/8 Усл.печ.л.13,85 Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 200 экз. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>CONTENTS</i>	4
<u>СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ</u>	
Зиннуров Ф.К., Красильников В.И., Гайфутдинова А.М. Педагогическая коррекция начальной стадии девиантного поведения подростков	6
Уразаева Г.И. Профессиональная деформация сотрудников полиции в аспекте эмоционального выгорания: социально-психологические условия, механизмы, особенности, факторы	14
<u>ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО</u>	
Андреев М.В. Концептуальные основы понимания проблематики межкультурного диалога в политико-правовой доктрине западной Европы и США	21
Федорович Д.Ю. Вопросы совершенствования межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с конвенционными преступлениями, посягающими на свободу личности	28
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО и КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Варыгин А.Н. О «ситуационной» преступности и ее особенностях	34
Бытко С.Ю. О явных и латентных функциях уголовного права	39
Шалагин А.Е. Актуальные направления профилактической деятельности органов внутренних дел на современном этапе	44
Галахов С.С., Кубякин Е.О. Специфика молодежного сознания и социально-групповой самоорганизации в механизме формирования молодежного экстремизма	49
Демидова-Петрова Е.В. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних как одного из видов преступности в Российской Федерации	57
Грачев С.И., Товашов А.В., Завьялов А.И. Проблемы и особенности использования информационно-пропагандистского фактора в системе антитерроризма	62
Шайдуллина Э.Д. Уголовно-правовые меры борьбы с незаконным производством и оборотом алкогольной продукции в зарубежных странах	66
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Юнусов А.А., Неганов Д.А. Обеспечение законности в стадии возбуждения уголовного дела	71
Фатхуллин Р.Р., Миролюбов С.Л. Актуальные вопросы возбуждения уголовного дела по пенитенциарному преступлению	79

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Мингазизова Г.Г.

Образовательные возможности мультимедийных технологий в развитии коммуникативной компетенции обучающихся. 84

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Грачева В.В.

Устав Организации Объединенных Наций как правовой фундамент международного сотрудничества в борьбе с терроризмом 88

Трибуна Молодым

Астишина Т.В., Маркелова Е.В.

Проблемы расследования преступлений, связанных с мошенническими действиями, совершенных с использованием средств сотовой телефонной связи 94

Мифтахова М.М.

Явление прецедентности как языковой феномен 99

Буланова А.В.

Применение наглядности как средства создания коммуникативной мотивации при обучении русскому языку как иностранному 104

Усманов И.Ш., Коротина Е.А.

Проблемы реализации конституционных норм социального государства 108

Соболева М.М.

Обеспечение и защита прав и свобод человека в деятельности полиции России: проблемы взаимодействия полиции и институтов гражданского общества 112

Тагиров З.И.

Регионально-правовой компонент как актуальная потребность ведомственной профессиональной подготовки в образовательных организациях МВД России 117

Гильметдинова З.М.

Лоббизм в российской и зарубежной практике 122

ЮБИЛЕИ

ЯКОВУ ИЛЬИЧУ ГИЛИНСКОМУ - 80 ЛЕТ! 127

НАУКА ТРЕБУЕТ ВСЕГО ЧЕЛОВЕКА: к 55-летию со дня рождения доктора педагогических наук, доцента генерал-майора полиции Фоата Канафиевича Зиннурова 129

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Итоговая всероссийская конференция института «Проблемы национальной безопасности: вопросы теории и практики» 132

ABSTRACTS AND KEY WORDS 134

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 138

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ..... 140

CONTENTS

<u>CONTENTS</u>	4
<u>SOCIOLOGY OF DEVIANT ACTIVITIES</u>	
Zinnurov F.K., Krasilnikov V.I., Gaifutdinova A.M. Pedagogical correction in an deviant behavior of teenagers	6
Urazayeva G.I. Professional deformation of police officers in aspect of emotional burning out: social and psychological conditions, mechanisms, features, factors	14
<u>STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW</u>	
Andreev M.V. Conceptual bases of comprehension of peculiarities of cross-cultural dialogue in the political and justice doctrine of Western Europe and the USA	21
Fedorovich D.U. Issues of improvement of interstate cooperation in the sphere of fight against the conventional crimes which are encroaching on a personal freedom	28
<u>CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY</u>	
Varygin A.N. On the «situational» criminality and it`s features	34
Bytko S.U. On the manifest and latent functions of criminal law	39
Shalagin A.E. Current directions of preventive activity of the bodies of internal affairs at the present stage	44
Galakhov S.S., Kubyakin E.O. Specifics of youth consciousness and social and group self-organization in the mechanism of formation of youth extremism	49
Demidova-Petrova E.V. Current state and tendencies of crime of minors as one of types of crime in the Russian Federation	57
Grachev S.I., Tovashov A.V., Zavyalov A.I. Problems and features of informational propaganda factor in anti-terrorism system	62
Shaidullina E.D. Criminal law measures against illegal production and turnover of alcoholic products in foreign countries	66
<u>A CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS</u>	
Yunusov A.A., Neganov D.A. Law enforcement in stage of criminal proceedings	71
Fatkhullin R.R., Mirolyubov S.L. Current issues of initiation of criminal proceedings on a penitentiary crime	79
<u>HUMANITIES</u>	
G.G. Mingazizova Educational opportunities of multimedia technologies in development of communicative competence of students	84

INTERNATIONAL COOPERATION AND FOREIGN EXPERIENCE

Gracheva V.V.

The United Nation charter as the legal base of the international cooperation in fight against terrorism 88

TRIBUNE for the YOUNG

Astishina T.V., Markelova E.V.

Problems of investigation of crimes connected with fraudulent actions with use of cellular communications 94

Miftakhova M.M.

Precedent as language phenomenon 99

Bulanova A.V.

Application of visualization as means of creating a communicative motivation in teaching Russian as foreign language 104

Usmanov I.M., Korotina E.A.

Issues of realization of the constitutional norms in social state 108

Soboleva M.M.

Providing and protection of the rights and freedom in russian police activity: problems in interaction between police and civil society 112

Tagirov Z.I.

Region legal component as actual need of departmental training in educational organizations of ministry of internal affairs of Russia 117

Gilmetdinova Z.M.

Lobbying in russian and foreign practice 122

ANNIVERSARIES

Jakov Gilinsky is 80! 127

The science demands all person: To the 55th anniversary of the doctor of pedagogical sciences, professor, major general of police Foat Kanafievich Zinnurov 129

SCIENTIFIC LIFE

Final All-Russian institute conference «Problems of national security: in theory and practice» 132

ABSTRACTS AND KEY WORDS 134

INFORMATION FOR AUTHORS 138

NOTICE TO AUTHORS 140

Ф.К. Зиннуров

В.И. Красильников

А.М. Гайфутдинова

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

В статье проведен анализ генезиса, условий, тенденций, специфики и причин проявления начальной стадии девиантного поведения подростков. Обусловлена осознанность важности приобретения ими социальных навыков, способствующих безопасности процесса социальной адаптации в обществе; актуализации процесса социального самоопределения, системы ресоциализации и нравственного оздоровления и оказания им своевременной помощи.

Ключевые слова: девиантность, поведение, подростки, профилактика, правонарушения, преступления, комплексы.

Актуальность изучения начальной стадии девиантного поведения заключается в необходимости поиска коренных отличий в поведении адаптивных и дезадаптивных подростков, что может позволить выявить и наметить пути возвращения девиантных подростков к нормальной социальной адаптации. Отклоняющееся, или девиантное, поведение формируется, как ответное поведение на социальные условия, при этом не обязательно вызванные самим поведением подростка, а чаще семейными отношениями, нормами в семье, депривацией потребностной или эмоциональной сферы жизни и взросления ребенка. На протяжении всего развития научной школы – девиантологии – представления о девиантности подростков постоянно меняются, поскольку появляются новые причины, меняются сущность, содержание, основные признаки данного явления. Как правило, начальная стадия девиантного поведения подростка объясняется сочетанием результатов неправильного развития личности и неблагоприятной ситуации, в которой он оказался. В связи с этим актуально привлечение средств социально-культурной деятельности в коррек-

ции девиантности, связанной с поиском наиболее эффективных социально-культурных моделей выравнивания социального сознания, определяющего основные направления деятельности и поведения подростков. Современное общество испытывает потребность в научно-теоретическом и практическом обосновании целостных представлений о состоянии девиантного поведения личности. Прогрессирующая тенденция непрерывного роста различных проявлений девиантного поведения, их объективность и неизбежность ставят перед обществом, конкретными службами и педагогами в качестве основных задач поиск эффективных форм, методов и технологий работы с дезадаптированными подростками, связанных с концентрацией усилий, направленных как на реабилитацию ребенка, так и на предупреждение отклонений от социальных норм. Вместе с тем современная действительность настоятельно требует дальнейшего развития и усовершенствования методологической базы для решения данной проблемы.

Ежегодно растет количество правонарушений и преступлений, совершаемых деви-

антными подростками, отмечается рост насильственных и корыстных преступлений, значительное число подростков совершают общественно-опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности. Количество подростков, которых выделяют как учащихся с девиантным поведением, к сожалению, с каждым годом возрастает, потому что увеличивается число провоцирующих факторов, способствующих формированию отклонений поведения. Особую остроту эта проблема приобрела сегодня в нашей стране, где все сферы общественной жизни претерпевают серьезные изменения, происходит девальвация прежних норм поведения, нравственных устоев. Рассогласование между ожидаемыми нормами поведения и реальными, повышает напряженность в обществе и готовность подростка изменить модель своего поведения, выйти за пределы сложившейся нормы. В условиях острой социально-экономической ситуации существенные изменения претерпевают и сами нормы, зачастую исчезают культурные, морально-нравственные ограничения, ослабевают система социального контроля. В связи с этим вопрос о девиантном поведении подростков в современной науке остается достаточно актуальным, девиантное поведение остается в центре внимания социологов, педагогов, психологов, медиков, работников правоохранительных органов. Причина этого отклонения лежит в особенностях взаимосвязи и взаимодействия человека с окружающим миром, социальной средой и самим собой. Поэтому важно рассмотреть основные понятия и теории девиантного поведения, основные подходы, понять его сущность и факторы, которые, как катализаторы, влияют на динамику данного поведения. [1, 5, 7, 12]

Цель исследования: теоретическое и экспериментальное обоснование современных педагогических условий коррекции ранней стадии девиантного поведения подростков средствами социально-культурной деятельности.

Объектом исследования является коррекция ранней стадии девиантного поведения подростков средствами социально-культурной деятельности.

Предмет исследования: педагогические условия коррекции ранней стадии девиантного поведения подростков средствами социально-культурной деятельности.

В исследовании выдвигается гипотеза, что коррекция ранней стадии проявления девиантного поведения подростков средствами социально-культурной деятельности будет эффективна при реализации следующих педагогических условий:

- необходимости использования современных социально-культурных методик, обеспечивающих формирование личности подростка с его включенным участием в различные мероприятия и развитием базовых целеполагающих качеств личности;

- обеспеченности вовлечения девиантных подростков на ранних стадиях проявления девиантности в социально-культурную деятельность, связанную с формированием психологических установок на социальное и творческое саморазвитие и самоактуализацию;

- реализации целевых мультикомпонентных программ по профилактике алкоголизма, табакокурения и наркотизации подростков и индивидуальных программ реабилитации несовершеннолетних, связанных с адаптацией их в обществе и организацией их досуга.

Предмет исследования и выдвинутая гипотеза позволили сформулировать следующие задачи:

1. Раскрытия сущности и специфики проявления ранней стадии девиантного поведения подростков.

2. Выявления и обоснованности современных тенденций зарождения начальной стадии девиантного поведения подростков.

3. Выявления средствами опытно-экспериментальной проверки эффективности педагогических условий коррекции начальной стадии девиантного поведения подростков.

4. Разработки и апробирования эффективной политической, социальной и культурной моделей коррекции начальной стадии девиантного поведения подростков.

5. Обоснования специфики организации деятельности государственных органов и общественных организаций на ранней стадии девиантного поведения подростков.

Научная новизна исследования характеризуется:

1. Обоснованностью актуальности профилактики девиантного поведения подростков на начальной стадии, когда происходит формирование внутреннего мира подростка, в соответствии с изменяющимися условиями жизни, обусловленного сочетанием результатов неправильного развития личности и неблагоприятной ситуации, в которой он оказался, а также недостатками воспитания, социальной и психологической дезориентации и дезадаптации, выраженных в проблемах самой личности, его болезни, отставания в учебе, недостаточной уверенности в себе, одиночества и непонятности другими.

2. Выявлением современных тенденций проявления начальной стадии девиантного поведения подростков: государственно-политической, социально-педагогической, социально-экономической, нормативно-регулятивной, социально-правовой, семейно-бытовой, социально-культурной, морально-этической и др.

3. Выявлением и обоснованием следующих направлений организации социально-педагогической деятельности, которые будут способствовать коррекции девиантного поведения подростков: организации общения девиантного подростка в клубной среде; формировании здорового образа жизни; профилактической работы, которая направлена на устранение причин дезадаптации подростка в обществе; помощи подростку в преодолении сложившихся в его поведении стереотипов и образцов поведенческих реакций в ответ на воздействие внешних факторов и под влиянием индивидуально – личностных и психологических особенностей; формировании у подростков способности самостоятельно и осознанно выбирать свой жизненный путь, активно отрицая те способы поведения, которые вызывают неизбежный конфликт личности с социумом; ориентации на проведение всех предупредительных и реабилитационных мер в отношении подростка вне отрыва его от привычной социокультурной среды; стимулировании гражданской активности в этой сфере, привлечении к ней

дополнительных участников и финансовых средств; укреплении престижа традиционной семьи, повышение ее психолого-педагогической культуры; психологизации воспитательно-профилактической и охранно-защитной деятельности; ведущей роли социально-педагогической помощи в коррекции девиантного поведения подростков;

4. Раскрытием педагогических условий коррекции ранней стадии девиантного поведения подростков. Организации летнего отдыха, оздоровления и занятости детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Работы мультимедийных центров с привлечением ведущих специалистов-психологов и психотерапевтов. Вовлечением девиантных подростков в деятельность, связанную с формированием психологических установок на социальное и творческое саморазвитие и самоактуализацию. Реализации целевых мультикомпонентных программ по профилактике алкоголизма, табакокурения и наркотизации подростков. Реализацией индивидуальных программ реабилитации несовершеннолетних, связанных с адаптацией их в обществе и организацией их досуга. Организация и привлечение к работе общественных воспитателей-добровольцев, осуществляющих работу с трудными подростками.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается использованием в современной социально-культурной и педагогической практике методических рекомендаций по работе с девиантными подростками; исходными научно-теоретическими позициями, опирающимися на психологические, педагогические, социологические, социально-культурные аспекты организации коррекционной работы с девиантными подростками; анализа практики работы комплексных центров социального обслуживания населения, комиссий по делам несовершеннолетних, психологических центров, центров внешкольной работы, а также применением комплекса методов, адекватных целям и задачам исследования, внедрением в эксперимент выявленных педагогических условий; апробацией разработанной социально-культурной модели; проведением научных исследова-

ний в единстве с практической социально-культурной работой.

Теоретическая значимость исследования обоснована целостной научной идеей, которая позволит объединить и иерархизировать отдельные социально-культурные ситуации в единый целостный педагогический процесс. Освоить и осмыслить девиантными подростками важнейшие социально-политические ценности с учетом систематичности и последовательности аналитических, профилактических, комплексно-методических, просветительских и диагностических процедур, обеспечивающих непрерывность и преемственность в осуществлении социально-педагогической деятельности с подростками на ранней стадии девиантности. Исследование позволит обеспечить интеграцию обучающихся, развивающих и воспитывающих аспектов социально-педагогической деятельности, обоснованных и реализованных в организационно-деятельностной работе с девиантными подростками.

Практическая значимость исследования заключается в том, что:

- предложена к рассмотрению социально-педагогическая модель коррекции ранней стадии девиантного поведения подростков средствами социально-педагогической деятельности, ориентированная на повышение общей культуры подростков, усвоение ими базовых духовно-нравственных ценностей, обновление ее содержания и структуры на основе углубления ее гуманистической направленности; всемерное использование педагогического потенциала отечественных национально-культурных традиций и современного передового опыта работы с подростками. Модель содействует формированию устойчивого форматирования реализации досуга, организационно-педагогических и воспитательных подходов к ее осуществлению в интересах создания благоприятных социально-культурных условий для индивидуального развития личности подростка, его духовного мира, нравственных ценностей, развития творческих и социальных способностей;

- материалы данного исследования могут быть использованы педагогами учрежде-

ний, подростковых досуговых организаций и объединений, домами и дворами культуры, спортивными комплексами, образовательными учреждениями, социально-психологическими центрами по оказанию помощи девиантным подросткам, консультационными центрами, службами социальной защиты населения, медицинскими учреждениями при информационной работе с девиантными подростками, детскими домами и приютами, клубными объединениями, культурно-досуговыми центрами.

Современное состояние педагогической и социально-культурной науки в области диагностики и коррекции девиантного поведения подростков характеризуется, прежде всего, стремлением исследователей проникнуть в глубинные процессы, понять их социальную и природную сущность, рассмотреть в единстве все компоненты, влияющие на развитие невосприимчивости психологического механизма, а также стремление совершенствовать поиск путей преодоления девиантности.

Прежде чем рассматривать понятие «начальная стадия девиантного поведения», необходимо выяснить сущность и социально-педагогические причины проявления просто девиантного поведения. На сегодняшний день нет единой точки зрения на определение понятия девиантного поведения, не выяснено, насколько оно является патологическим. Существуют разные подходы к определению девиантного поведения, которые исходят из различного понимания нормы: социологический, биологический и психологический. Одни считают, что речь идет обо всех отклонениях от одобряемых обществом социальных норм, другие предлагают охватывать этим понятием только нарушение правовых норм, третьи – различные виды социальной патологии (алкоголизм, наркотики, убийства). [3, 6]

Коррекция начальной стадии девиантного поведения подростков имеет свою специфику, так как на этой стадии происходит неприятие подростком общепринятых средств педагогического воздействия, а поведение характеризуется нестабильностью эмоционально-волевой сферы и низким уровнем

осознания общечеловеческих ценностей. На эту же стадию приходится наиболее выраженное упрямство, а также немотивированная тяга к перемене обстановки, которой предшествует скука и тоска. В современных условиях серьезно обострились проблемы социальной дезадаптации несовершеннолетних. Девиантные подростки, как правило, занимаются бродяжничеством, попрошайничеством, мелким воровством, систематически употребляют спиртные напитки, токсические и наркотические вещества, не посещают школу, они зачастую становятся жертвами сексуальных преступлений, оказываются вовлеченными в противоправную деятельность, их жизнь и здоровье постоянно находятся под угрозой. [4, 7]

Девиантное поведение имеет сложную природу и обусловлено разнообразными воздействующими факторами. Среди них приоритетное направление принадлежит биологическим факторам – это неблагоприятные физиологические или анатомические особенности организма ребенка (нарушения умственного развития, дефекты слуха и зрения, повреждения нервной системы, телесные дефекты, дефекты речи и др.); психологические факторы – это психопатологии или акцентуации характера, они выражаются в нервно-психических заболеваниях, психопатии, неврастении, пограничных состояниях, повышающих возбудимость нервной системы и обуславливающих неадекватные реакции подростка; социально-психологические факторы выражаются в дефектах школьного, семейного или общественного воспитания, в их основе – игнорирование половозрастных и индивидуальных особенностей детей, приводящее к нарушениям процесса социализации. [8, 9, 10, 11, 13]

В исследовании разработана и апробирована социально-культурная модель, связанная с коррекцией ранней стадии девиантности. Модель направлена на реализацию различных форм и методов активного психологического и социально-культурного воздействия на подростков с целью формирования у них знаний, умений и навыков более эффективного социального функциони-

рования, повышения социальной культуры, оптимизации всех социально-психологических компетенций как субъектов общения, творческой деятельности и социальной адаптации. Воспитательный арсенал модели включает такие методы активного социального воздействия, как индивидуальные реабилитационные программы, мультикомпонентные программы, социально-психологические тренинги, групповые занятия, содействие в оздоровлении детей в летних лагерях; организация бесед, конкурсов, игр, праздников, викторин, клубная деятельность, проведение социально-значимых мероприятий для детей и их родителей, посещение спектаклей, организация экскурсий, арттерапия и др.

В целом, девиантным является поведение, отклоняющееся от установленных обществом норм и стандартов, будь то нормы психического здоровья, права, культуры, морали, а также поведение, не удовлетворяющее социальным ожиданиям данного общества в конкретный период времени, причем одно и то же противоречие может лежать в основе как социально нежелательных форм поведения (преступность, алкоголизм, самоубийство и т.д.), так и социально одобряемых (познавательная активность, творчество, бытовая активность и т.д.). В исследованиях обосновано положение о том, что девиантное поведение подростков является, с одной стороны, результатом разнонаправленных по содержанию и формам реализации процессов, происходящих в обществе, с другой стороны, тех изменений, которые происходят в среде ближайшего окружения: в семье и школе и в сознании личности.

Основными причинами проявления ранней стадии девиантного поведения подростков являются реакция протеста на чрезмерные требования в семье и недостаточное внимание со стороны близких, реакция тревоги и страха на наказания и чтобы избавиться от опеки родителей или воспитателей, а также как следствие жестокого обращения со стороны товарищей. Специфика проявления ранней стадии девиантного поведения подростков проявляется в дифференциации способностей, инте-

ресов, социальных деструкциях мировоззрения, искаженной психосексуальной ориентации, где целеустремленность и настойчивость уживаются с импульсивностью и неустойчивостью. Подростки страдают из-за отсутствия внимания к ним или, наоборот, гиперопеки по отношению к ним, равнодушия матери и сверхсуровости отца, в последнее время появляются подростки «с ключами на шее», которые в течение всего дня полностью предоставлены сами себе из-за высокой занятости родителей. Подростки с девиантным поведением на начальном этапе страдают особенно тяжелыми формами покинутости, страхами, комплексами, отсутствием нормальных социальных потребностей, которые должны были сформироваться через самовоспитание, они инертны, инфантильны, некоторые, наоборот, излишне агрессивны. Следовательно, начальная стадия девиантного поведения в целом предполагает отклонение от принятых в данном обществе, социальной среде, ближайшем окружении, коллективе социально-нравственных норм и ценностей, нарушение процесса усвоения и воспроизводства социальных норм и культурных ценностей, а также саморазвития и самореализации в том обществе, к которому принадлежит подросток. При этом под девиантным поведением на ранней стадии понимается отклонение от принятых в данном обществе норм межличностных взаимоотношений: действий, поступков, высказываний, совершаемых как в рамках психического здоровья, так и в различных формах социальной деятельности. В качестве дополнительных признаков выделяются трудности коррекции поведения и особая необходимость в индивидуальном подходе со стороны воспитателей и внимания сверстников.

Проблемы девиантного поведения подростков и его коррекция требует сосредоточения педагогических усилий, координации воспитательной деятельности педагогов и вовлечения подростков в социально-культурную деятельность. Реальная практика действенного решения социальной проблемы, в том числе и коррекции ранней стадии девиантного поведения, диктует необходи-

мость разработки эффективной социально-культурной модели, обеспечивающей реализацию комплекса методов и приемов работы с девиантными подростками в начальной стадии. [14]

Социально-культурная модель ориентирована на повышение общей культуры подростков, усвоение ими базовых духовно-нравственных ценностей, обновление содержания и структуры социально-культурной деятельности на основе углубления ее гуманистической направленности, всемерного использования педагогического потенциала отечественных и национально-культурных традиций и современного передового опыта.

Разработка модели не может изменить сложившуюся социальную ситуацию, которая оказывает серьезное влияние на процесс формирования девиантного поведения подростков. Однако может содействовать качественной перестройке досуговых действий, организационно-педагогических и воспитательных подходов к ее осуществлению в интересах создания благоприятных социально-культурных условий для индивидуального развития личности подростка, его духовного мира, нравственных ценностей, развития творческих и социальных способностей. [15, 16]

Обозначенные проблемы коррекции ранней стадии девиантного поведения подростков позволили выявить следующие противоречия:

- между высоким воспитательным потенциалом социально-культурной практики в формировании личности, имеющей социальную устойчивость и сформированные ценностные ориентации и отсутствием теоретической разработанности проблемы формирования компонентов мотивационно-ценностной структуры у подростков, находящихся на ранней стадии девиантности;

- между высоким уровнем культурно-досуговой направленности основных ресурсов социальных и культурно-досуговых учреждений по работе с подростками и слабо разработанными методическими и организационными механизмами привлечения подростков на ранней стадии девиантности

к культурно-досуговой деятельности в условиях работы данных учреждений;

- между возможностью использования вариативных, имеющих практическую направленность моделей социокультурной деятельности, обуславливающих коррекцию ранней стадии девиантного поведения подростков и слабо разработанной системой их реализации с учетом новых тенденций и причин зарождения девиантности.

Демократизация и гуманизация общества способствуют созданию условий для достойной человеческой жизни, когда только и может состояться человек как личность. Однако в данное время мы еще довольно далеки от гуманистического идеала, и серьезное беспокойство вызывает увеличение числа трудных подростков, у которых еще можно предупредить причины девиантного поведения, провести его своевременную коррекцию.

Выводы. Начальная стадия девиантного поведения характеризуется проявлением низкой самооценки подростков, что приводит к тому, что стечение обстоятельств и эмоциональный настрой индивида являются решающим в появлении неадекватного поведения. Одновременно изменяется и характер взаимоотношений со сверстниками, появляется потребность в общении с целью самоутверждения, что в неблагоприятных условиях может привести к проявлению ранней девиантности. При этом девиантное поведение подростков является следствием нарушения процесса социализации, следовательно, его коррекция возможна через вовлечение подростков в сферу досуговой деятельности, так как в ней подростки более открыты для влияния и взаимодействия на них самых различных социальных институтов, что позволяет с максимальной эффективностью воздействовать на их нравственный облик и мировоззрение. Основная черта у подростков в качестве девиантного новообразования – отрицательное отношение к учебной деятельности, нежелание учиться – может быть весьма стабильной, в связи с чем наблюдается расслабление воли, нарушение дисциплины, которое может быть стойким и нестойким. На ранних стадиях проявления девиантного поведения

у подростков происходит социальная деградация личности, неумение решать свои проблемы.

В ходе организации коррекционной работы с девиантным подростком на сегодняшний день необходимо сделать акцент на подавлении в нем стремления к негативно-му поведению и модифицировании условий среды, вызывающих девиантное поведение. Это возможно при вовлечении подростков в различные виды и формы социально-культурной деятельности, направленной не только на самореализацию личности, но и на воспитание стержнеобразующих качеств.

Заключение. По результатам исследования можно предположить, что наиболее перспективными тенденциями, которые могут способствовать решению проблемы, можно считать следующие:

- реализация социально-культурных подходов в выявлении и профилактики ранней стадии девиантного поведения;
- анализ и опытно-экспериментальная проверка социально-педагогических причин ранней стадии девиантного поведения;
- концептуальное обоснование системы организации социально-культурной деятельности при работе с неблагополучными семьями в условиях деятельности личностно-ориентированных подходов.

Республика Татарстан уже в течение довольно длительного времени создает собственную социально-культурную систему развития, обусловленную ее традициями, народно-национальным колоритом и культурным менталитетом. В результате усилился темп роста количественных и качественных показателей социального потенциала подростков, они стали более осмысленно относиться к изучаемым процессам и явлениям сквозь призму их ценностно-смыслового анализа и оценки, усилился интерес подростков к социальным проблемам, появилось стремление принять личное участие в их решении, возросла эффективность понимания значимости ценностно-смысловых решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова Л.А. Девиантное поведение и его профилактика: учеб. метод. комплекс. Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. 164 с.
2. Добрунова М.Н. Коррекция девиантного поведения подростков в условиях оздоровительно - образовательных центров: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2008. 178 с.
3. Велев В.П. Особенности самосознания и поведения девиантных подростков: автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2012. 20 с.
4. Волобоев А.Н. Профилактика девиантного поведения подростков, склонных к созданию неформальных графических изображений и надписей: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2009. 23 с.
5. Герлах И.В. Развитие воспитательного потенциала молодежных общественных объединений средствами социально-культурной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 23 с.
6. Гриневич Л.А. Формирование общенациональных ценностей российской молодежи средствами социально-культурной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 22 с.
7. Евдокимова Т.Г. Современные тенденции и особенности девиантного поведения подростков: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Уфа, 2009. 22 с.
8. Зиннуров Ф.К. Профилактика и коррекция девиантного поведения подростков в новых социально-культурных условиях XXI века: монография. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 404 с.
9. Казанцев С.Я., Красильников В.И., Гайфутдинова А.М. Мониторинг профилактики девиантного поведения подростков// Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1. С.11-15.
10. Канина С.Ю. Профилактика девиантного поведения школьников средствами креативности образовательной среды: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2009. 26 с.
11. Качмазов Т.А. Педагогические условия профилактики девиантного поведения подростков в учебно-воспитательном процессе общеобраз. шк.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2009. 19 с.
12. Новик Н.Н. Формирование коммуникативных способностей у подростков с отклоняющимся поведением: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2012. 20 с.
13. Сайкина Л.В. Технологии социально-культурной анимации в процессе коррекции девиантного поведения подростков: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2007. 23 с.
14. Такмакова М.В. Взаимосвязь девиантного поведения подростков и условий обучения в современной школе : автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2011. 21 с.
15. Черникова Н.В. Формирование нравственных качеств у подростков с девиантным поведением: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2007. 23 с.

Г.И. Уразаева

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ СОТРУДНИКОВ
ПОЛИЦИИ В АСПЕКТЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ,
МЕХАНИЗМЫ, ОСОБЕННОСТИ, ФАКТОРЫ**

Статья посвящена синдрому «профессиональной деформации» как проявлению в личности сотрудников полиции под влиянием экстремальных условий профессиональной деятельности таких психологических изменений, которые начинают негативно влиять на осуществление этой деятельности и на психологическую структуру самой личности. Источником формирования синдрома как системного личностного изменения является неблагоприятное психическое состояние эмоционального выгорания, которое, повторяясь со временем и подкрепляясь, усиливается, обобщается и обуславливает деформацию личности в целом, то есть является и ее механизмом.

Ключевые слова: профессиональная деформация, эмоциональное выгорание, сотрудник полиции, экстремальные условия профессиональной деятельности, механизмы профессиональной деформации, особенности профессиональной деформации сотрудников полиции, факторы эмоционального (профессионального) выгорания.

На современном этапе трансформирования социальной структуры российского общества происходящие в нем преобразовательные процессы характеризуются неоднозначными результатами: как улучшением условий жизни людей, так и усугублением тех эффектов, которые усложняют их жизнь, общение, деятельность. В условиях бурных революционно-политических процессов девальвируют идеологические и нравственные ориентиры, сохраняется экономическая нестабильность, конкуренция на рынке труда, социально-психологические стрессы становятся характерным явлением в жизни и на работе, проявляется на высоком уровне феноменология преступлений, совершаемых организованными преступными группами, в том числе с участием несовершеннолетних. [1] В условиях эмоционально напряженной реальности неимоверно возрастают требования, предъявляемые к профессиональным и личностным качествам сотрудников полиции, чья деятельность непосредственно реализуется в системе отношений «человек-человек». Реформа системы Министерства внутренних дел России обнажила не только узковедомственные трудности в ее функционировании и управлении, но и проблемы

в развитии общества, которые обусловлены, прежде всего, человеческим фактором. Убийство человека в ситуации межэтнических столкновений и конфликтов нередко трактуется полицией как бытовое, поскольку общеизвестно, что этническое мироощущение – лишь составляющая в структуре личности в целом. Чем выше уровень развития общества, тем выше уровень развития субъектов, его составляющих, тем устойчивее благоприятные условия предупреждения и разрешения конфликтов, тем более толерантна личность к другим.

Вместе с тем любое действие может иметь обратное действие, предстает перед нами как светлой, так и теневой стороной. Попытка усовершенствовать тот или иной закон может обернуться развалом той системы, для восстановления которой он был задуман («хотели как лучше, а получилось как всегда»). Известно, что введение и законодательное оформление ряда уголовно-правовых норм вызывает их неоднозначное толкование и сложность применения на практике. [2] Преступность, которая предстает количественно в статистических данных и фактах, непосредственно наблюдаемых нами или отраженных СМИ, имеет также

качественную сторону, которая интересует, прежде всего, психологов и криминологов.

Психология исследует причины личностных и поведенческих девиаций, условия формирования преступного поведения. В их ряду – объективные и субъективные факторы, которые определенным образом соотносятся, но каждый из этих факторов оказывает свое действие неминуемо. Непреходящим ценностям противопоставляется индивидуалистическое (эгоистическое) существование. Сегодня публично разрушают сакральность жизни, мотивируя это просветительскими образовательными целями (убийство в феврале 2014 года жи-рафа Мариуса в Копенгагенском зоопарке Дании сопровождалось разделыванием его при посетителях, среди которых были маленькие дети). Подобные антиприме-ры извне неизбежно включаются в процесс формирования отдельной личности и находят отклик в ее сознании и чувствах, отзеркаливаясь в аналогичных по сути ответных реакциях. Внешнее переходит во внутреннее – основной механизм динамики психического - его развития или деформации. Вспоминается «окно возможностей» Овертона: та или иная проблема в обществе может иметь широкий спектр развития – от немыслимого и неприемлемого до стадии актуальной политики, когда идея проникает в массовое сознание и даже закрепляется законодательно. Нет никаких сакральных ценностей. Есть свобода слова, свобода толкования, свобода расчеловечивания. Подобная социальная позиция приносит как личности, так и обществу значительный ущерб, моральный, физический, экономический, которые системно взаимосвязаны.

Сотрудник полиции живет и действует в той же социальной среде, что и тот спец-контингент, с которым ему приходится взаимодействовать. Лица, нарушающие закон и нормы права в ежедневном общении, оказывают на сотрудника полиции постоянное фрустрирующее влияние. «Окно возможностей» отчасти может проявляться в том, что сотрудник начинает говорить и вести себя так, как тот преступник, с которым он общается по ходу расследования уголовного дела, начинает так же мыслить, и вскоре

приемлемыми для него становятся те способы воздействия, которые, по сути, являются неправомерными, преступными.

Функционально служебная деятельность сотрудника полиции предъявляет к его личности постоянно растущие требования, в том числе к ее нравственной устойчивости и надежности. Помимо этого, его деятельность выполняется в экстремальных условиях, характеризующихся ненормированным объемом решаемых задач, эмоционально напряженным характером содержания, организации, критериев оценки и условий деятельности и общения, а также особенностями социальной ситуации, в которой эта деятельность реализуется.

Однако далеко не каждый сотрудник может адаптироваться к постоянно растущим требованиям, эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность и социальную роль в сложных конфликтных ситуациях общения, а потому возрастает вероятность возникновения и развития неблагоприятных психических, в том числе эмоциональных, состояний. Одним из наиболее выраженных состояний, устойчивых и прогрессирующих со временем, но зачастую незаметных для самой личности, является эмоциональное выгорание.

В связи с этим возрастает актуальность исследования выраженности эмоционального выгорания сотрудников полиции, а также разработки программ по его предупреждению и коррекции. Проблема эмоционального выгорания, по нашему убеждению, является одной из главных для сотрудников полиции, работающих в экстремальных условиях психологически напряженной служебной деятельности в современной социальной ситуации ре-формирования Министерства внутренних дел и его подразделений. [3]

По современным представлениям, синдром «эмоционального выгорания» – это сложный психофизиологический феномен, который характеризуется как эмоциональное, умственное и физическое истощение, возникающее в условиях длительной эмоциональной перегрузки. Нам представляется, что источником формирования синдрома как системного личностного изменения яв-

ляется неблагоприятное психическое состояние эмоционального выгорания, которое, повторяясь со временем и подкрепляясь, усиливается, обобщается и обуславливает деформацию личности в целом. Важность глубокого изучения, своевременной диагностики, коррекции состояния эмоционального выгорания для профилактики профессиональной деформации личности сотрудников полиции очевидна.

По мнению психолога А.В. Буданова, профессиональная деформация начинается с того, что сотрудник ОВД «утрачивает истинное представление о нравственном смысле своей профессии». [4] Самое главное здесь, на наш взгляд, в том, что явление профессиональной деформации оказывает негативное влияние на мотивацию поведения сотрудников ОВД как механизм регуляции поведения и деятельности, означает изменение отношения к объекту деятельности. Однако опасность данного явления и в том, что оно распространяется в профессиональном коллективе в целом, [5] и, наконец, являясь формой девиантного поведения, выступает угрозой правовому порядку в современном российском обществе. [6]

Опасность профессиональной деформации не только в том, что она может, в конечном счете, привести сотрудника полиции к уголовной ответственности. Опасность еще и в том, что даже малая степень профессиональной деформации серьезно влияет на эффективность профессиональной деятельности и на человеческие качества, постепенно размывая сложившиеся устойчивые личностные позиции. Основная проблема, по нашему мнению, здесь состоит в том, что профессиональная деформация личности сотрудника объективно и социально обусловлена. Сотрудник, вставший на защиту закона и прав человека, находясь в экстремальных условиях деятельности и общения, провоцируется всей социальной ситуацией на правонарушение и даже преступление. Однако далеко не каждый сотрудник однозначно «ломается» в неблагоприятных условиях его жизненной и профессиональной ситуации. С чего начинается профессиональная деформация и как она происходит – это вопрос о ее социально-психологических ус-

ловиях, личностных факторах и механизмах.

Один из механизмов был назван выше: внешняя нестабильность и социальная anomия воспринимаются личностью и становятся ее внутренними характеристиками.

Другой механизм личностной динамики можно назвать «от простого к сложному, от ситуативного эмоционального – к устойчивому личностному». Анализируя интеграцию как закономерность психического развития, можно понять, что эмоциональное выгорание как устойчивое личностное новообразование складывается из отдельных психологически неблагоприятных психических состояний, приобретает в жизнедеятельности человека, причем, прежде всего, в его профессиональной деятельности как ведущей на данном этапе развития личности. Поэтому когда говорят о «синдроме сгорания», имеют в виду конкретные изменения отношения специалиста к предмету профессиональной деятельности, ее содержанию и формам, к самому себе (изменения мотивации, самопринятия, смыслообразования, осмысленности нравственной составляющей профессиональной роли и стремления к самореализации в ней).

Проблема изучения «выгорания» как феномена отрицательного влияния профессиональной деятельности на личность вызвала активный интерес и устойчивое внимание отечественных психологов в последние годы. Мы не будем в данной статье вдаваться в подробный анализ исследований деформации личности у представителей других профессий, эта задача решается в других научных обзорах.

Необходимо выделить характерную особенность профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел, которую мы могли бы назвать «иррадиацией»: по мере усиления «выгорания» и деформация личности отдельных сотрудников по эффекту заразительности негативно влияют на коллектив в целом. Подобная тенденция существует в массовом восприятии сотрудников полиции (в социальной перцепции, в том числе в СМИ, отдельные факты нарушения сотрудниками полиции профессиональных нравственно-правовых норм генерализуются на всю профессиональную группу). Здесь же

мы констатируем факт реальной динамики этого явления в профессиональной группе. «Профессиональная деформация первоначально начинает проявляться в самой личности, затем через поведение отражается на профессиональной деятельности и ближайшем окружении. Во всяком случае, любому преступлению предшествует нравственная деформация личности, образование у нее на мировоззренческом уровне аморальных нравственных установок». [7]

Другой особенностью профессиональной деформации личности сотрудника полиции, по нашему мнению, является ее псевдофункциональность: профессиональная деформация развивается как механизм психологической защиты личности от травмирующих обстоятельств ее деятельности и окружения.

Третьей особенностью профессиональной деформации личности мы бы назвали многозначность изменений в личности как сложном структурном системном образовании. Профессиональная деформация может усиливать как негативные, так и позитивные тенденции личности. В контексте данной особенности приведем результаты исследования психолога Н.Г. Осуховой. Она выделяет два случая развития эмоционального выгорания. Первый случай: если человек совсем отказывается от собственных интересов и установок и полностью растворяется в другом, направлен на его убеждения и ценности, проникается его заботами и событиями, изменяет себе. [8] Второй случай: человек настолько консервативен и непроницаем по своему складу, что просто не подпускает других к себе, общается с ними формально на уровне шаблонов, стереотипов, масок ролей. Можно обозначить это субъективное явление следующим образом: если раньше этот человек не любил людей, то теперь он начинает их ненавидеть.

В целом все указанные изменения в личности свидетельствуют о ее внутренней нестабильности, сензитивности к любым внешним воздействиям. Поэтому к настоящему времени в отечественной психологии распространяется подход рассмотрения «выгорания» как дезадаптационного феномена. Психолог В.Е. Орел указывает на возможность развития синдрома психического вы-

горания как своеобразной интегративной реакции на дезадаптацию субъекта к профессиональной среде. Обобщив исследования по проблеме в зарубежной психологии, он справедливо, на наш взгляд, представил факторы выгорания двумя группами: индивидуальные (личностные) и организационные (ролевые и организационные). [9] В отечественной психологии достаточно полное представление о факторах выгорания дает и классификация В.В. Бойко, которая тоже включает две группы: внутренние и внешние факторы. [10]

Итак, причины или факторы эмоционального выгорания можно разделить на две группы:

I. Индивидуальные (внутренние) факторы – обусловлены индивидуальными, социально-демографическими и личностными характеристиками человека. Так, В.В. Бойко отмечает наличие зависимости эмоционального выгорания от характеризующей человека эмоциональной ригидности. [10] Естественно, эмоциональное выгорание как средство психологической защиты возникает быстрее у тех, кто менее реактивен и восприимчив, более эмоционально сдержан. Психолог В.Е. Орел обнаружил в зарубежных исследованиях данные о тесной связи выгорания и личностной выносливости, которая понимается как способность личности быть высокоактивной каждый день, гибко реагировать на различного рода изменения, осуществлять контроль за жизненными ситуациями. [9]

В работе В.Е. Орла показано, что из всех социально-демографических характеристик наиболее тесную связь с выгоранием имеет возраст. Стаж работы специалиста, гендерные различия также являются значимыми параметрами возникновения эмоционального выгорания, но данные об их влиянии в исследованиях противоречивые, поэтому отдельно останавливаться на них не будем.

Исследователь В.В. Бойко называет фактором «выгорания» интенсивную интериоризацию (восприятие и переживание) обстоятельств профессиональной деятельности, характерную для людей с повышенной ответственностью за порученное дело, исполняемую роль. По нашему мнению, здесь

изменяются не только характерологические особенности специалиста, но и главная составляющая личности – направленность как система мотивации, самопринятия, смыслообразования, осмысленности профессиональной роли и стремления к самореализации в ней. По нашему мнению, ее роль в динамике выгорания является определяющей.

II. Организационные (внешние) факторы - обусловлены особенностями профессиональной деятельности: условия работы, содержание труда, социально-психологические показатели. Среди организационных факторов можно выделить следующие причины «выгорания»: чрезмерный уровень напряжения и объём работы, особенно при нереальных сроках её выполнения; физическое изнеможение, недостаточный отдых и отсутствие нормального сна; эмоциональная насыщенность и когнитивная сложность коммуникации, психологически трудный контингент, с которым имеет дело сотрудник в общении.

Как видим, выгорание является результатом сложного взаимодействия личностных особенностей человека, отношений в профессиональной среде и семейной жизни, а также переживаний успеха и неудач. Таким образом, синдром возникает в результате кумулятивного системного влияния множества внешних и внутренних стресс-факторов, обуславливающих дезадаптивность личности в профессиональных и жизненных ситуациях. Научная проблема, на наш взгляд, заключается в том, что эмоциональное выгорание формируется как закономерное явление в своем социально-психологическом значении: обусловлено объективно социально-неблагоприятными влияниями **неадекватности** содержания деятельности, критериев ее оценки и условий ее организации и реализации, которые провоцируют у сотрудника **состояние острой или хронической неудовлетворенности** собой, выполняемой деятельностью, другими людьми. Это состояние переживается как очевидный факт собственной дезадаптивности, которую сотрудник пытается компенсировать отклоняющимися действиями, направленными на других либо на себя. Формы подобной компенсации могут быть чрезвычайно разнообразны, но выбираются те, которые при-

емлемы в обществе и привычны для самого человека (алкоголизм, наркомания, игровая зависимость, нарушения служебного долга и этики поведения, нарушения правовых норм).

Таким образом, вопрос о соотношении факторов, обуславливающих либо определяющих эмоциональное выгорание личности специалиста, мы решаем вслед за классиком отечественной психологии С.Л. Рубинштейном следующим образом: «внешнее действует через внутреннее» (методологический принцип детерминизма). Внешние неблагоприятные воздействия экстремальных условий профессиональной деятельности будут иметь эффект, лишь преломляясь через неустойчивые или не сложившиеся личностные образования. По нашему мнению, сформировавшаяся личность специалиста-профессионала (обладающая устойчивой нравственной направленностью, разумной интеллектуальной оценкой происходящих событий и, самое главное, развитой рефлексией и потребностью в саморазвитии), не подвержена эмоциональному выгоранию и профессиональной деформации личности в целом. Социальная направленность личности сотрудников полиции (их сердечность, позитивная эмоциональность, стремление к справедливости) является положительным примером для других, обеспечивает сохранение жизни и эффективного функционирования органов внутренних дел как системы.

Хочется подчеркнуть, что в современных условиях реформирования органов внутренних дел необходимо создавать благоприятные условия для качественной социализации личности сотрудника полиции и предупреждения явления профессиональной деформации. [11, 12, 13] Так, например, сегодня каждый сотрудник полиции получает реальные возможности для профессионального роста и развития мастерства, в том числе на этапе профессионального обучения в вузе МВД России. [14] Реализуется его законное право на бесплатное высшее образование в процессе профессионального обучения и дополнительное образование в организациях, осуществляющих образовательную деятельность и образовательные программы высшего образования.

В целях укомплектования органов внутренних дел высококвалифицированными

специалистами Министерство внутренних дел Российской Федерации осуществляет профессиональную подготовку сотрудников органов внутренних дел, которая включает в себя специальное первоначальное обучение, периодическую проверку на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, подготовку специалистов в учебных заведениях, повышение квалификации и переподготовку. [15] По нашему мнению, уровень и качество организации вышеупомянутых условий формирования и развития личности сотрудника будут в значительной мере определять его стремление «соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации, уважать и соблюдать права и свободы человека и гражданина, добросовестно выполнять приказы начальников и возложенные на него служебные обязанности». [16]

Подытоживая наше исследование, сформулируем основные выводы.

1. Профессиональная деформация сотрудника ОВД представляет собой изменение профессиональных возможностей и личности сотрудника в асоциальную сторону, возникающее в экстремальных условиях его деятельности, характеризующихся эмоционально напряженным характером содержания, организации, критериев оценки и условий деятельности и общения, а также особенностями социальной ситуации, в которой эта деятельность реализуется.

2. Основная проблема состоит в том, что профессиональная деформация личности сотрудника объективно и социально обусловлена. Сотрудник находится в условиях противоречивой требовательности: профессиональная система заинтересована в максимальной его надежности и устойчивости, однако объективно требуемое содержание деятельности лежит за порогом его психофизических возможностей.

3. Эмоциональное выгорание формируется как закономерное системное явление в своем социально-психологическом значении. Условиями его возникновения являются объективно и социально-неблагоприятные влияния ненормированного объема и содержания деятельности, условий ее организации и реализации. Ведущим фактором возникновения

эмоционального выгорания личности является состояние острой или хронической неудовлетворенности собой, выполняемой деятельностью, другими людьми. Это состояние переживается как очевидный факт собственной дезадаптивности, которую сотрудник пытается компенсировать отклоняющимися действиями, направленными на других либо на себя. Формы подобной компенсации могут быть чрезвычайно разнообразны, но выбираются те, которые приемлемы в обществе и привычны для самого человека (алкоголизм, наркомания, игровая зависимость, нарушения служебного долга и этики поведения, нарушения правовых норм).

4. Эмоциональное выгорание как личностное состояние – явление неоднозначное: с одной стороны, показатель профессиональной деформации, которая негативно отражается на служебной деятельности; с другой – механизм психологической защиты, который позволяет регулировать психику и защищать ее от негативных эмоциональных воздействий, психофизических перегрузок.

5. Явление эмоционального выгорания рассматривается нами как **психологический механизм профессиональной деформации личности. Механизмы развития профессиональной деформации:** 1) интериоризация - от внешнего к внутреннему (внешняя нестабильность и социальная аномия воспринимаются личностью и становятся ее внутренними характеристиками); 2) интеграция психики - «от простого к сложному, от ситуативного эмоционального – к устойчивому личностному».

6. Профессиональная деформация имеет специфические **особенности** в своем развитии, такие как: иррадиация профессиональной деформации от отдельных сотрудников на профессиональную группу, псевдофункциональность как защита личности (не самая оптимальная) от психотравмирующих обстоятельств, многозначность изменений в личности и др.

7. Существует множество **факторов**, способствующих развитию или торможению выгорания, которые по своей природе могут быть индивидуальными (внутренними) и организационными (внешними).

ЛИТЕРАТУРА

1. Калашников И.В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых организованными преступными группами с участием несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук (12.00.08). М., 2011. 183 с.
2. Баранчикова М.В. К вопросу о квалификации розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции // Вестник КЮИ МВД России. 2014. № 1 (15). С.41-45.
3. Рожков Олег Анатольевич. Мотивационные детерминанты профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы: автореферат дис. ... канд. психолог. наук: 19.00.06. Рязань, 2013.
4. Буданов А.В. Работа с сотрудниками ОВД по профилактике профессиональной деформации. М., 1992.
5. Китаев-Смык Л.А. Выгорание персонала. Выгорание личности. Выгорание души // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 2 (33). С.41-50.
6. Уразаева Г.И. Мотивация преступлений, совершенных сотрудниками полиции // Преступность в регионах Российской Федерации: общее и особенное: материалы международной научно-практической конференции // Вестник Казанского юридического института МВД России. Спецвыпуск. 2013. С.266-270.
7. Марьин М.И. и др. Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел: методическое пособие; под общей ред. В.М. Бурькина. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2004. С.4-50
8. Осухова Н.Г. Профессиональное выгорание, или Как сохранить здоровье и не «сгореть». М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2011. 56 с.
9. Орел В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С.90-101.
10. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М., 1996. 256 с.
11. Уразаева Г.И. Проблемно-ориентированный анализ обучения психологии в вузах МВД России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 3 (5). С.77-81.
12. Уразаева Г.И. Стратегия психологической подготовки сотрудников полиции в процессе профессионального обучения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 2 (8). С.98-102.
13. Мальцева Т.В. Влияние реформирования системы органов внутренних дел на психологические особенности будущих полицейских // Психолого-педагогические технологии в правоохранительной деятельности (Васильевские чтения – 2013): материалы всероссийской научно-практической конференции: В 2-х частях. Часть II. Санкт-Петербург, 30-31 мая 2013 года / сост. В.М. Статный. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. С.45-50.
14. Зиннуров Ф.К. Основные направления совершенствования подготовки кадров в Казанском юридическом институте МВД России в условиях реформирования органов внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 2 (8). С.16-19.
15. Постановление ВС РФ от 23.12.92 № 4202-1 (ред. от 25.11.2013 с изменениями, вступившими в силу с 25.11.2013) "Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (в ред. Указа Президента РФ от 24.12.93 № 2288, Федеральных законов от 30.06.2002 № 78-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ (ред. от 31.12.2005), от 01.04.2005 № 27-ФЗ, от 02.03.2007 № 24-ФЗ, от 25.12.2008 № 280-ФЗ, от 22.07.2010 № 156-ФЗ, от 22.07.2010 № 157-ФЗ, от 22.07.2010 № 159-ФЗ, от 07.02.2011 № 4-ФЗ, от 21.11.2011 № 329-ФЗ). Ст. 7. Профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел: <http://www.referent.ru/1/67383>.
16. Присяга сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Утверждена Постановлением Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1: <http://www.referent.ru/1/67383>

М.В. Андреев

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ
ПРОБЛЕМАТИКИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА
В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И США**

В статье рассматриваются актуальные аспекты общественно-политической доктрины в отношении межкультурного диалога. Внимание сосредоточено на проблеме, актуальной для стран Европы и США, – проблеме межкультурного диалога, его эффективности в различных областях: миграционных процессах, коммуникациях, науке, культуре, образовании, спорте и др. Особое внимание в статье уделено межрелигиозному диалогу как ведущей части диалога межкультурного, социально-политическим аспектам. Критически с точки зрения практической применимости рассмотрены европейские базовые документы в области межкультурного диалога, в частности Белая книга Совета Европы. В работе делается вывод о необходимости актуализации отдельных аспектов межкультурного диалога, институционализации межрелигиозного диалога в виде специального форума для согласования единых взглядов на актуальные проблемы развития международных отношений в условиях глобализации.

Ключевые слова: взаимодействие культур, народов и религий, межкультурный диалог.

Современная международная действительность объективно уже не может развиваться в стереотипах мышления времен «холодной войны», борьбы одной цивилизации за существование вопреки другой. Учитывая вызовы глобализации, проникающих взаимозависимости и транспарентности, усиливающейся миграции населения в мире подобное стереотипное мышление способно взорвать мир изнутри. В связи с этим не вызывает сомнения необходимость актуализации проблем, связанных с межкультурным диалогом в современном общественно-политическом пространстве. Зарождение идей толерантности в отношении к представителям других культур и ценностных идеалов присутствует практически по всех традиционных религиях, является их идейным стержнем. Веротерпимость и культурное многообразие веками осознавалось как залог развития общества.

Основной тезис, который сегодня звучит и пропагандируется практически на всех универсальных международных площадках, прежде всего институтах ООН: «После крушения биполярного миропорядка, разделявшего мир по идеологическим линиям,

диалог между культурами и цивилизациями приобретает основополагающее значение в международном сообществе».[1]

Почему нарастает внимание к этой проблеме? В последние десятилетия усиливается культурное многообразие, прежде всего на европейском континенте как наиболее развитой и относительно благополучной части света, и как следствие – нарастающий поток мигрантов и беженцев. С другой стороны, объективные возможности развития межкультурных коммуникаций, развитие СМИ в условиях глобализации актуализируют проблемы сохранения культурной идентичности. Такая ситуация приводит к тому, что необходима не только актуализация проблем, но и нахождение эффективных средств и методов разрешения возникающих противоречий, прежде всего, превентивных мер устранения конфликтной составляющей межкультурного взаимодействия. Мир изменился, закрытость внутренней политики и видимость реализации прямых мер усиления национальной безопасности отдельных государств – более не защита от угроз, а лишь иллюзия безопасности.

От многонациональных государств к многонациональной Европе

Белая книга Совета Европы

Исторически так сложилось, что феномен развития многих многонациональных государств различен. На разных основах, вокруг различных идей народы начинали формировать единое государство. Однако практически для всех государств, прежде всего, значительных по территории и со сложными отношениями на границе, важнейшим фактором было обеспечение внешней безопасности, диалог и согласие между народами во имя достижения развития и защищенности от внешних угроз. Такое же целеполагание движет сегодня и всеми народами Европы в осознании необходимости межкультурного диалога внутри европейских государств для достижения мира и благополучия. Межкультурный диалог долгие годы был одним из ведущих направлений повестки дня многих европейских институтов, но наиболее значительный прогресс в этой сфере произошел с принятием в 2005 г. Декларации Фаро «О стратегии Совета Европы по развитию межкультурного диалога», с чего началась подготовительная работа по согласованию позиций, подходов к пониманию проблемы межкультурного диалога, его компонентов. И уже как результат 7 мая 2008 г. на 118-й сессии Комитета министров Совета Европы (СЕ), проходившей на уровне министров иностранных дел стран – членов СЕ, была в окончательном варианте принята так называемая Белая книга Совета Европы по межкультурному диалогу.

В данном базовом европейском документе «межкультурный диалог понимается как открытый и уважительный обмен мнениями на основе взаимопонимания и уважения между отдельными людьми, а также группами людей различной этнической, культурной, религиозной и языковой принадлежности, имеющими разные исторические корни. Диалог действует на всех уровнях – внутри обществ, между европейскими обществами, а также между Европой и остальным миром». [2]

Межкультурный диалог – многосторонний процесс

Диалог между культурами носит многоаспектный характер и проявляется в самых

разных областях: образовании, культуре, науке, искусстве, спорте, дипломатии, религии, туризме, миграционных процессах, средствах коммуникации. Все эти сферы являются жизненно важными для межкультурного диалога и поэтому могут как сближать нации, так и разъединять, сеять зачатки конфликтов в будущем и разжигать рознь и неприязнь в существующих отношениях.

Прежде всего, хотелось бы подробнее остановиться на наиболее проблемном аспекте межкультурного диалога, культивирующем его современную актуальность, – проблемнарастающей миграции населения.

Современная социально-экономическая действительность характерна тем, что мир развивается крайне неравномерно. Тенденцией стали катастрофические диспропорции развития направлений Север-Юг и Запад-Восток. Нескольким сотням богатейших людей, представителям западных государств, принадлежит более половины всех мировых богатств и ресурсов, и напротив, сотни миллионов жителей южных стран не имеют необходимых средств для самого скромного существования, подвержены высокому риску инфекционных заболеваний, не имеют никаких перспектив изменения ситуации. Еще один фактор – это объективное старение в странах с высоким уровнем социально-экономического развития. К 2050 г. среднестатистический европеец будет почти пенсионного возраста. Без сомнения, эти две взаимоисключающие предпосылки вызвали буквально взрыв миграционных процессов, особенно в Западной Европе и США. Европа нуждается в рабочей силе, но не готова мириться с размыванием ее культурной идентичности и самобытности каждой из стран. При этом ситуация в западноевропейских государствах коренным образом отличается от ситуации в США. США, а также Канада, Австралия, Новая Зеландия – это страны, изначально имеющие иммигрантскую идентичность. В этом причина того, что здесь этот открытый диалог о межкультурном взаимодействии имеет право на существование, в европейских же странах миграция связана с нуждами экономик для привлечения дешевой рабочей силы из неевропейских стран, причем по схеме:

европейская страна – бывшая колония или страна, бывшая в какой-то другой степени зависимости. Англия – Индия и Пакистан, Бангладеш; Франция – Алжир, Марокко, Сенегал и т.д. [3] То есть сам подход к межкультурному диалогу в Америке и Европе разный по сути, для Европы крайние диспропорции и увеличение мусульманского населения, их объективные и правомерные претензии на уважение культурных прав грозят уничтожением культурной идентичности Европы; напротив, Америка от развития межкультурных связей только выигрывает, так как именно на этом строится модель развития ее как поликонфессионального и мультинационального государства.

Ключевая проблема для европейских государств – это уважение мигрантов к той культуре и системе ценностей страны, в которой они начинают жить, при этом необходимым условием остается сохранение и уважение их культурной идентичности с одной оговоркой, чтобы их культурные идентичности не входили в противоречие с так называемыми фундаментальными правами и не противоречили местным законам. Вот именно эта оговорка и есть краеугольный камень проблем, связанных с миграцией населения, именно здесь начинаются противоречия. Как решать возникающие проблемы и конфликты никто не знает и магической формулы [4] еще не изобрели. Однако необходимо констатировать, что в последние годы конфликтная проблема, связанная с миграцией, явно возрастает.

Эксперты из стран Центральной и Восточной Европы утверждают, что антимусульманские настроения в их обществе значительно усилились после падения коммунистической государственности, и это результат целенаправленной политики СМИ, в которой навязывается стереотип восприятия арабов как потенциальных экстремистов. [5] При этом никто из представителей самих этих европейских государств явно не хочет, чтобы численность исламского населения в их странах увеличивалась. Процесс западнизации Европы, т.е. включение Центральной и Восточной Европы в ЕС, НАТО, в решение общеевропейских проблем на основе западных императивов и ценностей,

приводит к тому, что проблема столкновения цивилизаций (в частности, христианской и мусульманской) усиливается в этих странах. Игнорировать эту проблему нельзя, как недопустимо было игнорировать антисемитизм начала прошлого столетия.

Еще один компонент межкультурного диалога, на котором хотелось бы остановиться ввиду его исключительной актуальности, – коммуникационный. При видимости сохранения национальной культурной идентификации английский язык совершенно объективно сегодня стал единственным международным средством коммуникаций. Изучая язык, мы изучаем и соответствующую культуру, американскую, прежде всего. [6] Принимаем мы ее или нет, другой вопрос, однако как факт многие страны в результате теряют свою уникальность, становясь частью доминирующей культуры. Язык – это больше чем просто средство общения. Вместе с языком общения транслируется система ценностей, идеалы, зачатую даже образ жизни. С другой стороны, единый язык общения, безусловно, сближает людей, дает им возможность прямых коммуникаций, обмена знаниями, эмпирическим опытом. Однако как несомненно важное пространство межкультурного диалога – коммуникационное – язык нуждается в четком регулировании правил и пределов проникновения в целях сохранения языковой и культурной самобытности народов.

Несомненными проводниками идей межкультурного диалога являются представители искусства, культуры, науки, спорта. Они несут общие для всех понятные ценности. Эти измерения межкультурных коммуникаций не имеют границ, четких национальных разграничений, это достояние всего человечества. Поэтому развитие контактов этой сферы необходимо только наращивать в целях нейтрализации существующих и превентивного воздействия на потенциальные межнациональные и межкультурные конфликты.

Межкультурный диалог. Теории и практика

Европейская философия развития глобального общества имеет несколько столетий развития. Зарождение идей о глобаль-

ном обществе и диалоге в нем представлено в работах Канта и его взглядах на проблему космополитизма. По его мнению, каждый может реализовывать свои права, не оглядываясь на других, так как государства образуют некую кооперацию в целях развития торговли и другого взаимодействия. [7] По сути, идеи Канта носят характер рассмотрения патриотизма в контексте космополитических прав индивидов – так называемый «патриотический космополитизм». Однако при этом основная суть идей Канта состоит в том, что для построения глобального общества идеалы будущей «всемирной республики» должны стоять выше «локального» патриотизма. [8] Какова же практика реализации этих фундаментальных ценностей? В современных условиях крайних диспропорций социального, экономического и интеллектуального развития государств и народов эта весьма обоснованная и безобидная, казалось бы, теория приводит на практике к тому, что космополитизм в настоящее время входит в противоречие с национальным патриотизмом. Люди стремятся туда, где лучше, и, следовательно, используя возможности космополитизма, принимают патриотизм наиболее прогрессивных государств. Плюрализм национальных идентичностей стал залогом развития патриотизма таких полиэтноконфессиональных стран, как США, в основе которого победы и достижения американского народа, а не конкретных культур и национальностей.

«Без достижения идеалов истинного братства и честности в диалоге между культурами невозможно обеспечение мира и согласия в новом тысячелетии», – заявил в своей речи Иоанн Павел II в День Мира 1 января 2001 г. [9] При этом, по заявлению понтифика, в новом веке лишь несколько стран имеют монополию на культурную индустрию, внедряя в систему ценностных ориентиров по всему миру свои идеалы, в результате чего тысячи людей могут потерять свои культурные идентичности.

При этом необходимо понимание того, что существующие сегодня механизмы межкультурного диалога далеки от идеальных. Более того, диалог невозможен с теми, кто игнорирует его, не принимает

фундаментальные ценности человеческой жизни, достоинства, культурного многообразия. Какой диалог может быть с преступником-террористом, экстремистом, не желающим в нем участвовать, хотя это и не освобождает демократическое общество от обязательства постоянно предоставлять возможности для диалога.

Есть и другие более глобальные проблемы реализации механизмов межкультурного диалога, в основе которого в западной доктрине лежат основополагающие идеи защиты неотъемлемых прав человека, демократия и верховенство закона (3.4.1). «Этнические, культурные, религиозные и лингвистические традиции не могут быть основанием для того, чтобы препятствовать индивидам в осуществлении их основных прав или участия в общественной жизни» (3.4.1).

В действительности реализация прав человека на практике – это всегда конфликт между интересами индивида и государственными (социальными) интересами, при этом индивид руководствуется всегда только своими собственными интересами и потребностями. Однако стоит ли сомневаться в том, что в действительности статус личности развивается только тогда, когда развивается само общество, когда его поведение соответствует устоям и традициям, нравственным идеалам. Что же за идеалы и нравственные ориентиры нам предлагает Белая книга?

Базовое утверждение, содержащееся в Белой книге, гласит: «Универсальные принципы, отстаиваемые Советом Европы, выступают в качестве морального ориентира». Однако такой подход не может быть консенсуальным. В частности, в одном из доктринальных основополагающих документов Русской православной церкви, характеризующем подходы и идеологию в этой сфере, «Основах учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (2008) говорится об этом следующим образом: «Права человека не могут быть выше ценностей духовного мира. ... Индивидуальные права человека не могут противопоставляться ценностям и интересам Отечества, общины, семьи. Осуществление прав человека не должно быть оправ-

данием для посягательства на религиозные святыни, культурные ценности, самобытность народа... Слабость института прав человека в том, что он, защищая свободу выбора, все менее и менее учитывает нравственное измерение жизни и свободу от греха. Общественное устройство должно ориентироваться на обе свободы, гармонизируя их реализацию в публичной сфере». [10]

Представленную позицию Русской православной церкви косвенно подтверждают и многие западные исследователи. Один из известных ученых в области философии прав человека профессор Юрген Хабермас, рассуждая о концепции прав человека, отмечает дуалистичную их природу: с точки зрения морали и с точки зрения права такой контекст может быть различен. В частности, им также отмечается, что американская концепция равенства всех перед законом нередко вызывает сомнения, особенно у не западных исследователей. [11]

Сомнительность утверждения Белой книги о нравственных ориентирах, отстаиваемых Советом Европы, подтверждается и открытой сегодня дискуссией о легализации однополых браков, гомосексуализма и его пропаганды.

После окончания летней сессии ПАСЕ в июле 2013 г. в Страсбурге, на которой было принято решение потребовать от стран – членов Совета Европы разработать законодательные меры, ввести образовательные программы и проводить политический курс по поддержке специфических прав людей, придерживающихся гомосексуальной ориентации, представитель РПЦ при Совете Европы исчерпывающе прокомментировал ситуацию, сложившуюся в европейских структурах: «На наших глазах делается попытка совершить цивилизационный переворот. Представление о человеке, основанное на естественном законе, заменяется виртуальной антропологией. Если до сих пор законодательство государства о семье и отношениях между полами опиралось на законы природы, то теперь оно поставляется на зыбкую почву человеческих предпочтений и фантазий. А что дальше? Законодательное закрепление и защита прав сторонников педофилии, зоофилии, полигамии

и разных смешанных форм человеческих отношений? Но только почему это должно становиться фундаментом общественной жизни и государственной политики?». [12]

Этот наглядный пример служит подтверждением тому, что подобная нравственная доктрина, изложенная в европейских «базовых документах», не может быть принята и реализована в практике многих государств и вызывает сегодня массу протестов в тех странах, где эта доктрина уже претворяется в жизнь.

Другая проблемная сторона предложенных механизмов развития межкультурного диалога в западной доктрине – их условность. Сохранение культурной идентичности сегодня во многом зависит от того, насколько нация, государство, отдельные группы и даже индивиды, представляющие ее, способны к открытому честному диалогу. Иными словами, только диалектическое мышление, способность взглянуть на мир глазами других может освободить мир от нарастающих угроз межкультурных и междоцивилизационных конфликтов.

Есть в западной доктрине и совершенно радикальные взгляды на проблему необходимости межкультурного диалога. Исследователи этой проблемы, в частности профессор Алан Вульф, утверждают, что в реальности проблема межкультурных конфликтов не настолько актуальна для среднестатистического американца, так как между конкретными людьми больше конфликтов, чем между культурами. А подогреваются страсти в этой сфере элитой, в том числе политической, рядовые же граждане больше склонны к толерантности и стараются держаться подальше от экстремистских дебатов. [13]

Межрелигиозный диалог больше чем межкультурный

Межрелигиозный диалог провозглашен частью диалога межкультурного. Но какой частью? Явно не самой последней, более того есть все основания полагать, что ему должно быть выделено решающее значение. Диалог между конфессиями имеет свою исключительную специфику, при этом не затрагиваются аксиомы, догматы одной религии в ущерб другой, наоборот, диалог

строится на основе принципов добра и любви к ближнему, к окружающему, лежащими в основе каждой из религий.

После посещения Татарстана – республики, наиболее уязвимой к проблемам межкультурного и межконфессионального диалога на территории России, госсекретарь США Хилари Клинтон заявила, что Татарстан – «модель мирного сосуществования людей, исповедующих разные религии. А Соединенные Штаты как раз стремятся укрепить диалог между религиями. У вас это не абстрактно, а как раз то, что мы ищем. Мы хотим создать программы, которые смогут научить людей жить вместе». [14]

В свою очередь, первый Президент Татарстана Минтимер Шаймиев, выступая с докладом в штаб-квартире ЮНЕСКО, так охарактеризовал специфику подходов к межрелигиозному диалогу в республике: «Взаимодействие культур, их диалог – наиболее благоприятная основа для развития межэтнических, межнациональных отношений. Только в таком диалоге происходит преодоление стереотипов и взаимообогащение, формируется фундамент для разрешения любого конфликта... толерантность, в том числе и этноконфессиональная, должна поддерживаться и культивироваться государствами». [15]

Есть еще одна важная сторона межконфессионального диалога наряду с межкультурным. Участие в таком роде взаимодействия имеет для сторон особые нравственные ориентиры, укрепляющие желание понять и осмыслить позицию других. По утверждению иерархов Римской католической церкви, межрелигиозный диалог гораздо важнее межкультурного, так как участие в таком диалоге продиктовано в первую очередь Божией волей. [16]

Стоило бы удивляться, но даже такие сложные и наиболее важные в реалиях XXI в. отношения, как между США и Китаем, существенно укрепляются, и это реально

делается в практической области через межрелигиозный диалог. [17]

Веками западные цивилизации насаждали по миру свои ценности, прибегая к насилию, и не удивительно, что многие представители мусульманской цивилизации называют сегодняшние военные операции США и их союзников в Ираке и Афганистане не иначе, как новыми крестовыми походами. [18] Специфика сегодняшнего дня в межрелигиозной составляющей межкультурного диалога не только в том, чтобы слышать позицию людей другой веры, но и пытаться осмыслить ее и понять.

Видится целесообразным переосмысление межрелигиозного диалога как наиболее эффективного средства разрешения конфликтных проявлений в межкультурных коммуникациях в практическую плоскость, его институционализация. Возможно создание специального межрелигиозного форума для обсуждения наиболее актуальных, острых проблем межкультурного диалога. Это был бы реальный шаг для развития международного гуманитарного сотрудничества, а также эффективная мера по укреплению международной стабильности и взаимопонимания.

Межкультурные конфликты в межрелигиозной и межцивилизационной плоскости – это конфликты, в том числе и в Америке, между ортодоксальной частью общества, перегруженной стереотипами времен «холодной войны», и теми, кто прогрессивно относится к меняющимся реалиям, сохраняя нравственные устои, пытается увидеть и понять позицию других.

Жизнь в будущем столетии во много будет зависеть от того, насколько человечество сможет преодолевать кризисы, идти на уступки во имя общих ценностей и идеалов. При этом сохранение культурной самобытности, развитие настоящих, а не иллюзорных механизмов межкультурных коммуникаций будет залогом достижения мира и всеобщей безопасности.

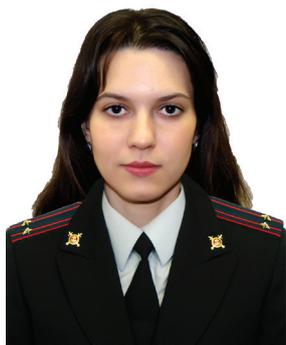
ЛИТЕРАТУРА

1. Köchler Hans. Unity in Diversity: The integrative approach to intercultural relations // UN Chronicle. 2012. Vol. 49, issue 3. P. 7-10.
2. Здесь и далее «Белая книга» по межкультурному диалогу. Жить вместе в равном достоинстве // Информационный офис Совета Европы в России. URL: <http://www.coe.ru/publication/>

epublication/index.php?ELEMENT_ID=92

3. Rauf Feisel Abdul. Multiculturalisms: Western, Muslim and Future // *Cross Currents*. Spring. 2005. Vol. 55, issue 1. P.100-105.
4. John Paul II Pope. Dialogue between cultures for a civilization of love and peace: message of his holiness Pope John Paul II for the celebration of the «World Day of Peace». January. 1st. 2001 // *International Journal of Humanities & Peace*. 2001. Vol. 17, issue 1. P.4-8.
5. Moreno Leora Fearing the Future: Islamophobia in Central Europe // *New Presence: The Prague Journal of Central European Affairs*. Autumn. 2010. Vol. 12, issue 3. P.73-80.
6. Savignon Sandra J., Sysoyev, Pavel V. Sociocultural Strategies for a Dialogue of Cultures // *Modern Language Journal*. Winter. 2002. Vol. 86, issue 4. P.508-524.
7. Immanuel Kant. *The Metaphysics of Morals* [1797], in Immanuel Kant, *Practical Philosophy*, translated and edited by Mary J. Gregor (Cambridge, 1996). P.489.
8. Axtmann Roland. COSMOPOLITANISM AND GLOBALITY; Kant, Arendt and Beck on the Global Condition // *German Politics & Society*. 10/1/2011. Vol. 29, issue 3. P.20-37.
9. John Paul II Pope. Dialogue between cultures for a civilization of love and peace: message of his holiness Pope John Paul II for the celebration of the «World Day of Peace». January. 1st. 2001 // *International Journal of Humanities & Peace*. 2001. Vol. 17, issue 1. P.4-8.
10. Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. 26 июня 2008 г. Москва, Храм Христа Спасителя, 26 июня 2008 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>
11. Flynn Jeffrey. Habermas on Human Rights: Law, Morality, and Intercultural Dialogue // *Social Theory & Practice*. July. 2003. Vol. 29, issue 3. P.431-457.
12. Представитель РПЦ: легализация нетрадиционных семей – модная утопия. 2013-07-05. URL: <http://www.strasbourg-reor.org/?topicid=1053>
13. James Davison Hunter and Alan Wolfe. *Is There a Culture War? A Dialogue on Values and America Public Life*. Edited with an introduction by E. J. Dionne, Jr., and Michael Cromartie. Comments by Certmde Himmelfarb and Morris P. Fiorina. Washington, D. C: Brookings Institution Press, 2006. 118 pp.
14. Визит Государственного секретаря США Х. Клинтон в Казань. Информационное агентство Reuters. 9 октября 2009 г.
15. Доклад первого Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева на 185-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО к дискуссии по теме «Межкультурный диалог-2010: переосмысление политики в контексте культуры мира» 11 октября 2010 г. Штаб-квартира ЮНЕСКО, г. Париж. URL: <http://shaimiev.tatar.ru/pub/view/10243>
16. Interreligious Dialogue More Than Intercultural // *America*. 4/17/2006. Vol. 194, issue 14. P.6.
17. Froeber Davis E., Haskins Sandra S., Wood Jeff, Haskins Charles A. American–Chinese Multi-Faith Religious Exchanges: Sino-U.S. Multi-Faith Dialogues Build Bridges to Bilateral Understanding // *Journal of Church & State*. Jan. 2010. Vol. 52, issue 1. P.138-154.
18. Woodberry J. Dudley. Can We Dialogue with Islam?// *Christianity Today*. Feb. 2007. Vol. 51, issue 2. P.108-109.

Д.Ю. Федорович

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОНВЕНЦИОННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, ПОСЯГАЮЩИМИ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ

В статье рассмотрены отдельные правовые и организационные вопросы межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с конвенционными преступлениями, посягающими на свободу личности, и предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: конвенционные преступления, посягающие на свободу личности, торговля людьми, использование рабского труда, похищение человека, межгосударственное сотрудничество.

В современных условиях, характеризующихся консолидацией международной преступности, наличием схожих политических и социально-экономических проблем, вопросы международной интеграции как в сфере политической, экономической, так и правоохранительной деятельности, актуальны как никогда раньше. Это свидетельствует о том, что жизненно важные проблемы человечества настолько взаимосвязаны, что уже не могут успешно решаться отдельным государством, а требуют объединения их усилий на основе приоритета общечеловеческих ценностей.

В связи со значительным ростом вызовов и угроз безопасности личности в современном мире на первый план в последние годы выдвигаются задачи совместной борьбы с конвенционными преступлениями, посягающими на свободу личности, затрагивающими интересы многих государств, в силу их общественной опасности и значительной распространенности. При этом к конвенционным относятся преступления, составы которых предусмотрены международными договорами (соглашениями, конвенциями, обязывающими участвующие в них государства ввести соответствующие нормы в свое национальное уголовное право. Среди преступлений, посягающих на свободу личности, конвенционными являются похищение человека, торговля людьми и использование рабского труда.

Вопрос межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с конвенционными

преступлениями, посягающими на свободу личности, является одним из наиболее актуальных, поскольку похищение и торговля людьми, использование рабского труда представляют реальную угрозу национальной безопасности не только отдельных стран, но и всего мирового сообщества.

Сложившаяся социально-экономическая ситуация, обусловленная мировым финансовым кризисом и характеризующаяся ростом числа безработных, позволяет прогнозировать негативное развитие криминальной ситуации в этой сфере, в том числе дальнейшее увеличение количества фактов похищения и торговли людьми, использования рабского труда, и требует от мирового сообщества принятия адекватных и результативных мер противодействия этому преступному бизнесу.

Международным сообществом признано, что для принятия эффективных мер борьбы с конвенционными преступлениями, посягающими на свободу личности, необходимо как минимум сотрудничество правоохранительных органов стран происхождения, транзита и назначения, включающее скоординированные меры предупреждения указанных преступлений, защиты их жертв, уголовного преследования и наказания преступников.

В борьбе с конвенционными преступлениями, посягающими на свободу личности, уже достигнут существенный прогресс, и многие государства придают ей достаточно серьезное значение и уделяют прио-

ритетное внимание. Мировое сообщество приняло множество международных соглашений, которые призваны защищать права и свободы человека и противостоять рассматриваемым преступлениям.

Так, ретроспективный анализ возникновения и развития международного сотрудничества в сфере борьбы с конвенционными преступлениями, посягающими на свободу личности, позволяет сделать вывод о том, что оно прошло длительный и сложный путь становления от двусторонней договорно-правовой формы до комплексной (многосторонней) деятельности, которая предопределяет современное состояние и тенденции развития взаимодействия правоохранительных органов различных государств по борьбе с рассматриваемыми преступлениями. Положения, направленные на борьбу с рабством и работорговлей, содержатся во многих соглашениях, которые начали заключаться в начале XIX века. Исследования в данной области свидетельствуют о том, что только в период с 1815 по 1957 год в целях искоренения рабства было заключено порядка 300 двусторонних и многосторонних международных соглашений. [1] А в настоящий момент количество многосторонних и двусторонних соглашений в указанной сфере с трудом поддается точному исчислению.

Вполне очевидно, что конвенционные преступления, посягающие на свободу личности, продолжают оставаться серьезным вызовом и для государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество), большинство из которых являются странами происхождения и транзита жертв похищения и торговли людьми, использования рабского труда, некоторые – странами происхождения, транзита и назначения. К факторам, определяющим интенсификацию конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности, в этом регионе относятся и фактическая открытость границ между государствами, и единство криминального пространства, и усиление миграционных процессов.

Особенности сотрудничества стран Содружества в борьбе с преступностью обу-

словлены как близостью правовых систем и относительным сходством правоприменительной практики, наличием обширной договорно-правовой базы и совместных организационных структур, так и сохранением опыта и традиций профессиональных связей сотрудников правоохранительных органов, которые имеют место, несмотря на негативные последствия распада бывшего единого союзного государства. [8]

В рамках СНГ также был принят ряд документов, в которых государства – участники выразили свои намерения по объединению усилий всех государственных органов, общественных и иных организаций, а также граждан для достижения максимально эффективных результатов в противодействии конвенционным преступлениям, посягающим на свободу личности, а также выработке согласованной стратегии и принятию комплексных совместных мер правового, социально-экономического, информационного и иного характера в борьбе с ними.

Так, например, борьбе с рабством и использованием рабского труда посвящена статья 4 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 1995 г., которая определила, что «никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии», а также «принуждаться к принудительному или обязательному труду» (заключена в Минске 26 мая 1995 года. Ратифицирована Федеральным законом от 4 ноября 1995 года № 163-ФЗ. Конвенция вступила в силу для России 11 августа 1998 года).[5]

Намерение осуществлять сотрудничество в сфере борьбы с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами, а также с преступными посягательствами на свободу личности государства – участники СНГ подтвердили в заключенном в 1998 году Соглашении о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью, в котором определены формы такого сотрудничества.[1]

Одним из важнейших и наиболее полных документов Содружества, направленных на повышение эффективности межгосудар-

ственного сотрудничества в борьбе с торговлей людьми, является Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека.[6] Среди его особенностей и новшеств необходимо отметить существенное изменение содержания понятия эксплуатации как цели торговли людьми. Так, вместо такого вида эксплуатации, как извлечение органов, указанного в Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, наказания за нее, в рассматриваемом Соглашении содержится новый вид эксплуатации – извлечение органов и тканей человека в целях их продажи. В целом Соглашение содержит ряд положений, направленных на организацию взаимодействия правоохранительных органов государств – участников СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми, органами и тканями человека, практическую значимость которых нельзя недооценивать. К ним, прежде всего, необходимо отнести положение о закреплении основных форм сотрудничества в области борьбы с торговлей людьми:

- обмен оперативной, криминалистической, статистической и иной информацией, в том числе сведениями о готовящихся и совершенных преступлениях, легализации доходов от этих деяний и о причастных к ним физических или юридических лицах;
- исполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- планирование и осуществление скоординированных оперативно-розыскных и профилактических мероприятий;
- обмен нормативными правовыми актами, публикациями и научно-методическими материалами;
- обмен опытом работы, проведение рабочих встреч, консультаций, совещаний, практических конференций и семинаров, а также совместных научных исследований;
- разработка и осуществление согласованных мер предупреждения и пресечения использования сети Интернет в целях торговли людьми;
- обмен опытом внедрения информационных систем паспортно-визового контро-

ля, включая использование биометрических данных;

- оказание содействия в подготовке кадров и повышении квалификации специалистов;
- разработка и внедрение новых методов социальной и медицинской реабилитации жертв торговли людьми, особенно женщин и детей.

Кроме того, Соглашение содержит ряд норм, регулирующих порядок оформления и исполнения запроса об оказании содействия в борьбе с торговлей людьми, а также использования его результатов, и предусматривает создание совместного банка данных о транснациональных преступных группах, их лидерах, юридических и физических лицах, причастных к торговле людьми, а также об исчезнувших лицах, которые, вероятно, стали жертвами торговли людьми.

В целях активизации взаимодействия государств – участников Содружества Независимых Государств, совершенствования деятельности его уставных органов и органов отраслевого сотрудничества в борьбе с торговлей людьми в рамках Содружества регулярно принимается Программа сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с торговлей людьми, предусматривающая расширение и укрепление международно-правовой базы сотрудничества; совершенствование и гармонизацию национального законодательства; проведение согласованных процессуальных действий, профилактических, оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций; информационное и научное обеспечение сотрудничества; последовательная реализация положений основополагающих документов ООН в данной области; сотрудничество в подготовке кадров и повышении квалификации специалистов.

Предусмотренные Программой сотрудничества совместные комплексные оперативно-профилактические мероприятия и специальные операции регулярно проводятся на территории государств – участников СНГ, что позволяет выявить несколько сотен преступлений, посягающих на свободу личности.[7]

Необходимо отметить, что государства-

ми – участниками СНГ проделана огромная работа по сближению национальных законодательств в сфере борьбы с торговлей людьми, поскольку различия в них являлись существенным препятствием для уголовного преследования лиц, занимающихся транснациональной торговлей людьми. И напротив, схожесть уголовно-правовых норм различных стран в отношении определения торговли людьми является основой для сотрудничества в этой области и позволяет выработать общие принципы борьбы. В связи с этим в 2008 году Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ разработано и принято два модельных закона: «О противодействии торговле людьми»[4] и «Об оказании помощи жертвам торговли людьми»[4], а также Рекомендации по унификации и гармонизации законодательства государств – участников СНГ в данной сфере.[4]

Однако на фоне дальнейшего распространения рассматриваемых преступлений на первый план для государств – участников СНГ выходит дальнейшее развитие международных контактов в противодействии этим угрозам.

Очевидна необходимость наращивания усилий правоохранительных органов, спецслужб и других задействованных ведомств в поиске новых подходов и принятии соответствующих межгосударственных решений в этой сфере, в связи с тем что модели и методы этого преступного бизнеса постоянно развиваются и адаптируются к изменяющейся правовой среде и действиям правоохранительных органов.

К факторам, провоцирующим или стимулирующим торговлю людьми и использование рабского труда, относится также неэффективность межгосударственного сотрудничества, обусловленная несовершенством его правовой основы.

Прежде всего, следует отметить, что законодательства стран Содружества в сфере борьбы с торговлей людьми порой отличаются друг от друга. Зачастую в них имеется множество пробелов, не позволяющих обеспечить адекватные меры межгосударственного взаимодействия.

Так, несмотря на то, что в большинстве стран предусмотрена уголовная ответственность за торговлю людьми, в законодательстве некоторых из них по-прежнему существуют нормы, препятствующие обеспечению защиты жертв указанных преступлений и санкционирующие их судебное преследование за незаконную миграцию или нарушение трудового законодательства. (Например, статья 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает наказание для иностранных граждан или лиц без гражданства за нарушение ими правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, а статья 18.10 – за незаконное осуществление ими трудовой деятельности в Российской Федерации. При этом освобождение от административного наказания за указанные правонарушения для лиц, оказавшихся жертвами торговли людьми, не предусмотрено.) Не во всех странах приняты национальные программы по противодействию торговле людьми и законы о защите жертв этих преступных посягательств. Например, в Российской Федерации до настоящего времени не приняты Федеральный закон «О противодействии торговле людьми», проект которого разработан ГД ФС РФ 18 марта 2003 года, и национальная программа по противодействию торговле людьми. [3] Вместе с тем отсутствие подобных законов или задержка в их принятии являются препятствиями для эффективной борьбы с торговлей людьми.

С учетом вышеизложенного представляется целесообразным странам Содружества активизировать разработку и принятие законов, содержащих положения о мерах по поддержке, защите и реинтеграции (под реинтеграцией здесь понимается социальная реабилитация жертвы, восстановление ее в правах, оказание ей помощи в трудоустройстве и получении жилья, а в необходимых случаях – в возвращении на родину) жертв, включая выдачу им разрешений на временное пребывание и возмещение ущерба.

На рост масштабов торговли людьми негативно влияет также несогласованность

уголовно-правовых норм и понятийного аппарата в законодательстве различных государств. Так, среди стран, входящих в Содружество, отсутствует единообразный подход к пониманию и законодательному определению торговли людьми и преступлений, связанных с ней. Большинство стран ограничивает указанную сферу только торговлей людьми либо использованием рабского труда, другие включают в данный перечень преступления, связанные с сексуальной эксплуатацией жертв торговли людьми.

Однако, согласно международным стандартам, к числу преступлений, связанных с торговлей людьми, относятся и такие уголовно-наказуемые деяния, как:

- ▶ принуждение лица к изъятию органов или тканей, а также их незаконный оборот для трансплантации;
- ▶ применение к человеку институтов и обычаев, сходных с рабством;
- ▶ вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность в целях их эксплуатации;
- ▶ вовлечение несовершеннолетних в незаконные вооруженные формирования и их использование в вооруженных конфликтах;
- ▶ организация незаконной миграции в целях эксплуатации человека.

В связи с этим нуждаются в унификации подходы к определению понятия «торговля людьми» государств – участников СНГ.

Кроме того, уголовным законодательством отдельных стран не предусмотрена ответственность за использование рабского труда (например, в Уголовном кодексе Украины). Указанная статья отсутствует и в Модельном Уголовном кодексе для государств – участников СНГ, что, на наш взгляд, является существенным пробелом в борьбе с преступлениями, посягающими на свободу личности.

В связи с этим представляются вполне своевременными и необходимыми разработка и внесение дополнений в модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ по вопросам борьбы с торговлей людьми в виде статей «Торговля людьми» и «Использование рабского труда».

Ключевым моментом в борьбе с конвенционными преступлениями, посягающими

на свободу личности, является создание максимально гармонизированных правовых основ его регулирования, поэтому государствам – участникам СНГ целесообразно продолжить работу по сближению национальных законодательств в этой сфере путем доработки существующих модельных законодательных актов и разработки рекомендаций по гармонизации национальных законодательств, так как различия в них являются существенным препятствием для уголовного преследования лиц, занимающихся транснациональной торговлей людьми и использованием рабского труда. И напротив, схожесть уголовно-правовых норм различных стран в отношении определения указанных преступлений является основой для сотрудничества в этой области и позволяет выработать общие принципы борьбы.

На наш взгляд, целесообразно изучить возможность создания на территории одного из государств – членов СНГ информационного и аналитического центра для обобщения информации о ситуации в сфере борьбы с похищением и торговлей людьми, использованием рабского труда, отслеживания ее основных тенденций и выработки необходимых рекомендаций, а также для обмена информацией между государствами – участниками о фактах задержания торговцев людьми, сведений об их личности и характеристике личности жертв.

Подводя итог вышеизложенному, в целях совершенствования правовых и организационных основ сотрудничества правоохранительных органов государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями, посягающими на свободу личности, считаем целесообразными следующие меры:

- ускорение процесса принятия национальных законов о борьбе с торговлей людьми, предусматривающих комплекс эффективных правовых и организационных мер защиты потерпевших от судебного преследования за нарушения в миграционной, трудовой и иных сферах, связанные со статусом жертвы торговли людьми;
- создание единого информационного центра для обмена сведениями о ситуации в сфере борьбы с конвенционными престу-

плениями, посягающими на свободу личности, и передовым опытом в этой области;

- совершенствование межгосударственной правовой базы сотрудничества государств – участников СНГ в указанной сфере путем дальнейшей унификации и гармонизации национальных законодательств.

В целом, несмотря на имеющиеся трудности и препятствия, на недостаточную эффективность законодательства, касающегося борьбы с конвенционными преступлениями, посягающими на свободу личности,

активная работа по его совершенствованию, а также повышение внимания к этой проблеме со стороны межгосударственных и государственных организаций позволяют надеяться, что в скором времени проблема борьбы с похищением и торговлей людьми, использованием рабского труда во всем мире будет решаться более слаженно и эффективно, в том числе благодаря совместным усилиям в этом направлении государств – участников Содружества Независимых Государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюллетень международных договоров, 2000. № 3.
2. Вайсброт Д. Упразднение рабства и его современных форм. Нью-Йорк и Женева: ООН, 2002. С.9.
3. Выступление Председателя Государственной Думы ФС РФ Б. Грызлова на открытии Пятой встречи руководителей парламентов стран «Группы восьми» (16 сентября 2006 г.). URL: http://www.duma.gov.ru/news/274/56227/?sphrase_id=1313804 (дата обращения: 03.06.2014).
4. Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. Санкт-Петербург, 2008. № 42. С.301, 354, 390.
5. О ратификации Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека: Федер. закон Российской Федерации от 04.11.1995 № 163-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 45. Ст. 4239.
6. О подписании Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека: расп. Правительства РФ от 24.11.2005 № 2019-р // Собрание законодательства РФ. 2005. № 49. Ст. 5234.
7. Совершенствование взаимодействия органов отраслевого сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии организованной преступности и торговле людьми: материалы научно-практического семинара (Москва, 29-30 сентября 2010 г.). М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 2.
8. Цепелев В.Ф. Уголовно-правовые, криминологические и организационные аспекты международного сотрудничества в борьбе с преступностью: дис. ... док. юрид. наук. М., 2001. С.15.

А.Н. Варыгин

О «СИТУАЦИОННОЙ» ПРЕСТУПНОСТИ И ЕЕ ОСОБЕННОСТЯХ

В статье рассматриваются системный и ситуационный подход в науке, в том числе при изучении преступности, анализируются существующие в настоящее время в криминологии основания для классификации видов преступности; выделяется такое основание для классификации преступности, как ситуационность совершения преступления и анализируется такой вид преступности как ситуационная преступность и проблемы ее предупреждения.

Ключевые слова: преступность, системное в преступности, ситуационный подход в криминологии, классификация видов преступности, ситуационная преступность, особенности предупреждения ситуационной преступности.

Преступность является основным элементом предмета криминологии, от которого производны все остальные его составляющие (причины и условия преступности, ее предупреждение и другие). В настоящее время накоплен значительный научный опыт и знания о преступности. При этом следует отметить, что на протяжении времени в науке менялись подходы к изучению и определению преступности. Она определялась как «общественное явление, выражающееся в социально обусловленном отклонении поведения отдельных членов общества от норм, установленных законодательством», как «массовое социальное явление, приносящее вред», как «способ достижения социальных благ» и иным образом. [1] В период социализма в определение преступности вкладывался идеологический смысл и она, как и многие другие социальные явления, рассматривалась как «явление классового общества», или «классово обусловленное явление». [2]

В настоящее время необходимость в классовом признаке отпала. Менялись и подходы к изучению преступности. Если вначале она рассматривалась в целом как самостоятельное социально-негативное явление, то с развитием науки анализу стали подвергаться и составляющие ее части, то есть виды преступности.

Выделение видов преступности в криминологии в то время осуществлялось, в первую очередь, по такому основанию, как объект преступления, то есть по тому благу, тому общественному интересу, на который посягал преступник. [3, С.55] В связи с этим в первых учебниках криминологии исследовались такие виды преступности, как особо опасные государственные преступления; преступления против личности и хулиганство; хищения государственного и общественного имущества; преступления, составляющие пережитки местных обычаев; преступления, связанные с нарушением правил безопасности движения на автотранспорте. [4] Чуть позже по этому же основанию стали выделять еще такие виды преступности, как должностные преступления и некоторые другие. [5]

В последние годы основания классификации были значительно расширены, что, несомненно, было связано с ростом преступности и изменением ее структуры (вовлечением в нее новых слоев общества, проникновением в различные сферы общественной жизни).

Преступления стали классифицироваться по таким основаниям, как особенности личности преступника, причины преступлений, особенности профилактики преступлений. В связи с этим стали выделять

такие виды преступности, как организованная, профессиональная; преступность несовершеннолетних, рецидивная, женская преступность. Виды преступности стали классифицировать и по социальным сферам деятельности, в которых совершаются преступления. По этому основанию выделяется экономическая и налоговая преступность; воинская; пенитенциарная преступность, преступность в правоохранительной сфере и некоторые другие. [6] Это далеко не все, но наиболее распространенные виды преступности, выделяемые в криминологии.

Видными отечественными криминологами В.Н. Кудрявцевым и В.В. Лунеевым было предложено за основание классификации видов преступности принять содержание мотивации преступного поведения. По этому основанию ими были выделены такие виды преступности, как:

1) политически мотивированная преступность, 2) корыстные преступления, 3) насильственные (агрессивные) преступления, 4) преступления с анархической мотивацией, 5) легкомысленные (неосторожные) преступления. [3, С.60-65]

Нами в свое время было предложено еще одно основание для классификации видов преступности, а именно устойчивость и распространенность того или иного вида преступности. В связи с этим предлагалось деление преступности на две группы, а именно традиционную и нетрадиционную преступность. [7]

С учетом наличия структурных элементов преступности (то есть ее видов, конкретных преступлений), их взаимосвязи уместно вести речь о системном характере преступности. Неслучайно, Н.Ф. Кузнецова определяя преступность, отмечала, что она представляет собой систему преступлений. [8]

Системный подход широко применяется в любой науке, юридической в том числе. Он предполагает рассмотрение любого изучаемого объекта как определенной сложно организованной системы, имеющей определенную структуру, содержащую известное количество взаимосвязанных элементов. [9] Преступность, как системное явление, в свою очередь, можно рассматривать как

часть системы более высокого уровня, например, системы социальных отклонений, или общества в целом. В свое время ученый фон Берталанфи произнес: «Мир есть система систем». Его последователи отмечают, что «он был прав, если посмотреть на мир как на совокупность «сконструированных» материальных объектов, где каждый материальный объект, от микро- до макро-уровня, есть совокупность взаимосвязанных внутри себя элементов, а иначе – это и есть система или конструкция материальной действительности, сформированная в пространстве и во времени». [10] С методологической точки зрения такой характер событий понимается как системный подход.

В последние годы вначале в философии, а затем и в иных науках стал применяться ситуационный подход к изучению явлений и процессов. Ученые попытались осмыслить роль понятия «ситуация» в научном познании, а также перспективы превращения разрозненных и противоречивых ситуационных представлений в междисциплинарную методологическую программу – ситуационный подход, опирающийся на «общую теорию ситуаций». Известный ученый-философ Н.М. Солодухо, в противовес Берталанфи, предлагает рассматривать мир как систему ситуаций. [11] И с ним следует согласиться, если учесть, что ситуационный подход включает в себя не системные объекты и события, а прежде всего бессистемные явления и процессы.

В определенном смысле ситуационность противостоит системности как выражению устойчивости, стабильности, структурированности, определенности, являясь по сути неопределенной, неожиданной, малопредсказуемой.

В связи со сказанным можно констатировать, что ситуационный подход возможен и при изучении таких явлений, как преступность и преступления.

С учетом этого, наряду с имеющимися основаниями для классификации видов преступности, полагаем возможным предложить и такое основание, как ситуационность совершения преступлений, а точнее степень их подготовленности. Иными сло-

вами говоря, как совершаются преступления – ситуационно, внезапно, исходя из сложившейся ситуации или же, напротив, они заранее планируются и подготавливаются, то есть носят преднамеренный характер.

Преднамеренный в соответствии со словарем русского языка означает «умышленный, с заранее обдуманной намеренностью». [12] Преднамеренные преступления – это уголовно наказуемые деяния, умысел на совершение которых у преступника возник заранее (относительно задолго до его совершения), и характеризующееся наличием его плана и каких-либо подготовительных действий.

Противоположностью преднамеренных преступлений являются преступления, которые совершаются «благодаря» ситуации, то есть ситуационные преступления. Ситуация – это совокупность условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку, положение. [13]

Ситуационное преступление характеризуется иначе, нежели преднамеренное. Умысел на его совершение возникает, как правило, внезапно, под влиянием неожиданно возникшей ситуации, в силу чего такие деяния заранее не планируются и не имеют никаких предшествующих подготовительных действий. Ситуация в их совершении играет главенствующую роль.

Именно ситуационных преступлений в нашей стране основная масса. Так, ситуационный характер носят все преступления, совершаемые по неосторожности. УК РФ насчитывает около 40 составов преступлений, совершаемых по неосторожности. По нашим подсчетам, это около 40 тыс. преступлений в 2013 году.

Большая часть насильственных преступлений (70-80%), в частности, таких как убийство, причинение различного вреда здоровью, совершается на семейно-бытовой почве в результате совместного употребления спиртных напитков, конфликтов между преступником и жертвой, что составляет около 100 тыс. преступлений в год.

Как минимум половина самых распространенных преступлений – преступления против собственности, в частности краж, грабежей, разбоев, как показывают материа-

лы следственно-судебной практики и криминологических исследований, также совершаются ситуационно, что составляет около 650 тыс. преступлений. Только по вышеуказанным преступлениям примерное количество ситуационных преступлений насчитывает около 800 тыс. из 2,2 млн преступлений, зарегистрированных в 2013 году, что составляет 36%. То есть, по самым скромным подсчетам, ситуационные преступления составляют более 1/3 от общего количества всех совершаемых преступлений. В действительности эта цифра, на наш взгляд, еще больше, но, чтобы ее назвать, необходимы более глубокие исследования и подсчеты.

Несмотря на то, что вопросы, связанные с ролью ситуаций в механизме совершения конкретных преступлений, освещались в работах криминологов, имеются в виду прежде всего труды Ю.М. Антоняна, Е. Бафия, В.Н. Кудрявцева, [14] проблемы же самих ситуационных преступлений и тем более ситуационной преступности исследованы мало.

Одним из первых затронула этот вопрос А.И. Долгова. Рассматривая преступность, она отмечала, что в ней можно выделять устойчивую преступность и преступность ситуативную, которая определяется более сильным влиянием среды, чем личностными характеристиками, сложной ситуацией преступного поведения. [15]

Следует также назвать работы В.А. Плешакова, который также предлагает использовать в криминологии ситуационный подход. [16]

Мы исходим из того, что, поскольку основная масса преступлений, совершаемых в стране, носит ситуационный характер, предупредительная деятельность должна быть ко всему прочему направлена на недопущение и устранение подобных ситуаций, способствующих совершению преступлений. К сожалению, на протяжении длительного времени и даже сейчас предупредительная деятельность направлена не столько на причины преступлений, сколько на лиц, их совершающих (совершивших или способных совершить), а ситуации, способствующие преступлениям, зачастую остаются вне поля зрения правоохранительных органов.

Мы никоим образом не отрицаем важности воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений, то есть необходимость индивидуальной профилактики преступлений. Это связано с тем, что именно индивид принимает решение о совершении преступления, использует ту или иную ситуацию в своих целях или просто-напросто неверно ее оценивает (что характерно для преступлений, совершаемых по неосторожности). В этом можно согласиться с Ю.М. Антоняном, утверждающим, что «никакая жизненная ситуация не приводит фатально, минуя волю и сознание субъекта, к совершению преступления. Основное внимание акцентируется на взаимодействии, взаимовлиянии конкретной жизненной ситуации и личности, ее социальных, социально-психологических и индивидуально-психологических особенностей». [17] Но изучение ситуаций совершения преступления также важно, как и изучение личности преступника, который в этой ситуации действует. Любое преступление есть результат взаимодействия личностных свойств преступника и конкретной ситуации. Такая ситуация является проявлением внешней среды, в которой, исходя из своих внутренних «установок», действует индивид. В одной ситуации он может избрать законопослушный тип поведения, в другой, напротив, - противоправный. То есть такая внешняя среда, а точнее ее проявление (ситуация) может выступать поводом к совершению преступления.

Важно еще и то, что ситуация может носить не только объективный, то есть не зависящий от воли и сознания преступника характер, но и субъективный (зависящий от его воли и сознания), например, его алкогольное опьянение, физическая усталость, болезнь и т.д.

Поэтому ситуация играет весьма и весьма важную роль в механизме совершения преступления и требует, на наш взгляд, к себе более пристального внимания со стороны ученых и практических работников в целях предупреждения преступлений и преступности в целом. Это связано, по нашему мнению, и с тем, что подобные ситуации гораздо проще выявить, так как зачастую они «лежат на поверхности», в отличие от преступных намерений тех или иных лиц. На такие ситуации легче воздействовать и их легче устранять, нежели воздействовать на конкретных индивидов, склонных к совершению преступлений.

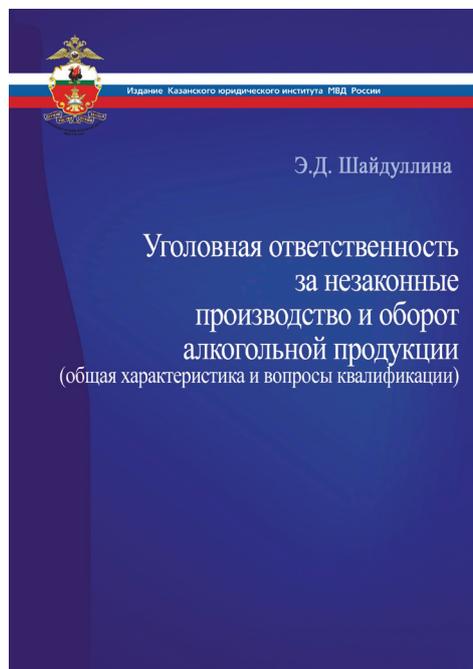
Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что, наряду с имеющимися в криминологии классификациями видов преступности, целесообразно выделять такие виды преступности, как предумышленная и ситуационная. Достаточно распространенным видом преступности является ситуационная преступность, составляющая более 1/3 от общего количества всех совершаемых в стране преступлений. Ситуационную преступность можно определить как совокупность преступлений, совершенных на определенной территории за определенный промежуток времени, характеризующихся отсутствием у виновных заранее обдуманного умысла, подготовительных действий, в осуществлении которых ситуация сыграла решающую роль. С учетом того, что основная масса преступлений в стране носит ситуационный характер, должно организовываться и осуществляться предупреждение преступности, то есть оно должно быть направлено на устранение ситуаций, в которых и «благодаря» которым чаще всего совершаются преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С.12-14.
2. Криминология: учебник. М., 1976. С.109; Криминология: учебник / под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1988. С.63 и др.
3. Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В. О криминологической классификации преступлений // Гос-во и право. 2005. № 6.
4. Криминология: учебник. М., 1966; Криминология: учебник (изд. 2-е, исп. и доп.). М., 1968.
5. Криминология: учебник. М., 1976.

6. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 1995; Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М., 1997 и др.
7. Варыгин А.Н. К вопросу о «нетрадиционной» преступности // Конституционные основы уголовного права. Материалы 1 Конгресса уголовного права. М., 2006. С.93-96.
8. Криминология: учебник/под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Г.М. Миньковского. М., 1998. С.86.
9. Криминология: учебник/под ред. А.И. Долговой. М., 2005. С.44.
10. Сабирзянов А.М. Ситуационная картина мира URL: <http://filosofkai.tw1.ru/situaciya.php>
11. Солодухо Н.М. Манифест ситуационного движения// Вестник Татарского отделения Российской экологической академии. Казань, 2003. № 3. С.3.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2007. С.570.
13. Советский энциклопедический словарь. М., 1985. С.1210.
14. Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973; Бафия Е. Проблемы криминологии (диалектика криминологической ситуации). М., 1983; Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968; он же: Генезис преступного поведения. Опыт криминологического моделирования. М., 1998.
15. Криминология: учебник /под ред. А.И. Долговой. М., 2005. С.80.
16. Плешаков В.А. Концепция криминологической теории ситуаций или ситуационной криминологии // Россия: уроки реформ / научные труды ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. М., 2008. С.150-159.
17. Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. С.4.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Шайдуллина Э.Д.

Уголовная ответственность за незаконные производство и оборот алкогольной продукции (общая характеристика и вопросы квалификации): монография / Э.Д. Шайдуллина. – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2013. – 180 с.

Монография посвящена уголовно-правовому анализу преступлений, совершаемых в сфере незаконных производства и (или) оборота алкогольной продукции.

В работе отражена общая уголовно-правовая характеристика исследуемых деяний, приведена их классификация по объекту преступного посягательства, проанализированы актуальные вопросы их квалификации. В сравнительном аспекте использован ретроспективный, международный и зарубежный опыт борьбы с незаконными производством и оборотом алкогольной продукции уголовно-правовыми мерами.

Монография предназначена для научных работников, сотрудников правоохранительных органов, преподавателей, студентов, курсантов, слушателей и адъюнктов (аспирантов) юридических вузов, а также широкого круга читателей.

С.Ю. Бытко

О ЯВНЫХ И ЛАТЕНТНЫХ ФУНКЦИЯХ УГОЛОВНОГО ПРАВА

В статье дается обзор теоретических воззрений относительно функций уголовного права и их содержания. Обосновывается точка зрения, согласно которой они могут быть явными, обусловленными целями и задачами уголовного права, содержанием отдельных уголовно-правовых норм, и неявными, вытекающими из практики применения уголовного законодательства, фактической роли, которую выполняет уголовное право в системе социального регулирования. Показано, что эффективность уголовно-правового регулирования определяется эффективностью реализации отдельных уголовно-правовых функций.

Ключевые слова: функция уголовного права, предупреждение преступлений, эффективность уголовно-правового воздействия, регулятивная функция, восстановительная функция, воспитательная функция

Вопрос о функциях уголовного права является одним из немногих, по которым в теории отсутствует даже слабое подобие консенсуса. Разногласия всеобъемлющи и касаются количества, названия, а также содержания функций уголовного права.

Для нас этот вопрос имеет практическое значение, поскольку, раскрывая функциональное значение уголовного права в сложной системе общественных отношений, мы сможем приблизиться к решению вопроса о критериях оценки эффективности уголовно-правового регулирования.

Определения уголовно-правовой функции в словарях мы не найдем, но в философской энциклопедии имеется определение, которое может быть принято в качестве отправного: «Функция ... указывает на ту роль, которую определенный социальный институт или частный социальный процесс выполняют по отношению к целому ... При этом различаются функции явные, т.е. совпадающие с намерениями и открыто провозглашаемыми целями и задачами института, и функции скрытые, латентные, обнаруживающие себя лишь с течением времени и отличающиеся от намерений участников этой деятельности...». [1, С.751]

В этом определении важными представляются два момента: 1) функция – это роль отдельной подсистемы по отношению ко всей системе и 2) положение о явных и скрытых функциях. С учетом этих двух позиций

хотелось бы рассмотреть базовые вопросы, касающиеся функций уголовного права.

Б.Т. Разгильдиев, раскрывая сущность уголовно-правовой функции (этот автор утверждает, что такая функция всего одна), указывал, что она является самостоятельной уголовно-правовой категорией. [2, С.60] Именно в таком ключе и осуществлял этот автор свои дальнейшие рассуждения, тесно увязывая вопрос о функции уголовного права с осуществлением уголовно-правовых отношений. Однако исходная посылка автора вызывает определенные сомнения. В уголовном законодательстве понятие уголовно-правовой функции не определяется и не используется. В праве, как уголовном, так и в любом другом, естественным образом закрепляются лишь те понятия и институты, которые имеют практическое значение. Например, такие категории, как множественность преступлений, соучастие в преступлении, обстоятельства, исключающие преступность деяния и др., имеют ярко выраженное практическое значение, и, несмотря на наличие отдельных теоретических разногласий, подробно описаны в Уголовном кодексе. Другие, такие как состав преступления, объект преступления, не имеют всеобъемлющего законодательного определения, однако тщательно проработаны в теории уголовного права и без особых проблем применяются на практике. Иная ситуация с функциями уголовного права.

Неразбериха, сложившаяся в теории относительно этого понятия, а также отсутствие нормативного определения вызывают сомнения в правоте Б.Т. Разгильдиева.

Если рассматривать какую-либо систему, например, отдельную отрасль права, то, оперируя внутренней терминологией, специфическими целями и задачами этой системы, познать ее функции в полном объеме невозможно. Но это вполне может быть сделано при рассмотрении системы более высокого уровня, на котором отдельная отрасль проявляет себя лишь в качестве составной части, например, законодательства страны. Впрочем, исходя из определения функции, ничто не препятствует нам изучать функции уголовного права не только относительно всего законодательства, но и общества в целом.

Однако если анализировать уголовное право лишь в уголовно-правовой терминологии, то все, что будет нам доступно, – это понимание значения (функционала) отдельных уголовно-правовых институтов.

Так, рассматривая как систему, например, автомобиль, мы не сможем полностью понять его функционал, рассматривая лишь его устройство. Но если провести анализ в более широком контексте, то мы можем обнаружить, кроме базовых функций, связанных с передвижением, ряд других, зачастую очень важных, например, обеспечение безопасности пассажиров и пешеходов, защита от непогоды, развлечение (аудиосистема автомобиля), эстетическая (внешний вид), хранение вещей (в кабине) и т.д. и т.п. При этом оценка всего автомобиля производится на основании совокупности данных о качестве реализации всех его функций.

По аналогии можно утверждать, что функции уголовного права не являются исключительно уголовно-правовой категорией. Поэтому неправильно анализировать их так же, как и состав преступления или уголовно-правовые отношения, выделяя объект функции [2, С.60], момент ее возникновения и окончания действия. [2, С.63]

Также неверным представляется замечание Н.А. Лопашенко, которая, возражая против существования функции обеспечения справедливости, указывает на то, что справедливость – принцип права и низведение его до уровня функции неверно методо-

логически. [3, С.75] Полагаем, что принципы и функции права не находятся в какой-то общей иерархической системе, где может осуществляться снижение или повышение значения одного за счет другого. Они, если так можно выразиться, находятся в разных системах координат, их сравнение некорректно. Принципы уголовного права являются руководством, прежде всего, для законодателя, опирающегося на них при конструировании новых норм. Функции же отражают роль уголовного права в системе правового регулирования. И если говорить о функции обеспечения справедливости, о которой написал В.В. Мальцев, то она будет существовать независимо от наличия в уголовном праве соответствующего принципа, а также от его законодательной формулировки.

В различных условиях уголовное право может приобретать дополнительные функции или утрачивать их. А.И.Коробеев, например, указывает на существование у уголовного права воспитательной функции. [4, С.15] Вполне соглашаясь с этим автором, отметим лишь, что ее реализация зависит не только от самого уголовного права, но и множества других условий. Например, сложившаяся судебная практика назначения наказания за получение взятки, при которой вероятность назначения наказания в виде лишения свободы должностному лицу лежит на уровне статистической погрешности (3-4%), а кратные штрафы во многих случаях не исполняются, не способствует воспитанию граждан в духе уважения к Закону.

Хотелось бы рассмотреть еще одно высказанное в теории права положение. И.Э. Звечаровский, возражая против выделения воспитательной функции уголовного права, аргументировал свою позицию тем, что в данном случае отсутствует специально организованный и управляемый процесс формирования личности уголовно-правовыми средствами, осуществляемый специальными субъектами (педагогами) в особых учебно-воспитательных формах и учреждениях. [5, С.17] Н.А. Лопашенко, возражая авторам, признающим существование воспитательной функции состоящей в восстановлении нарушенных преступным посягательством общественных отношений, указывает, что приведенные ими в качестве примера нормы о примирении с потерпев-

шим, заглаживании вреда, причиненного потерпевшему, возмещении имущественного ущерба и морального вреда и т.д., не свидетельствуют о наличии у уголовного права специальной восстановительной функции, наличии специального направления уголовно-правового воздействия. [3, С. 74]

Приведенные точки зрения И.Э. Звечаровского по поводу воспитательной функции и Н.А. Лопашенко основываются, среди прочего, на представлении, что уголовное право для обладания какой-либо функцией должно обладать специфической направленностью (наличием специальных норм в УК РФ).

С формальной точки зрения обе позиции уязвимы для критики. Так, И.Э. Звечаровский, отказывая уголовному праву в воспитательной функции, не упоминает существующего в действующем уголовном законодательстве института принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним, совершившим преступления. Однако даже если не учитывать формальные неточности в позиции И.Э. Звечаровского и сосредоточиться на содержательной стороне, то можно увидеть, что воспитательная функция уголовного права реализуется по отношению не только к этой категории лиц, ее адресное воздействие гораздо шире. Уместно привести в связи с этим мнение выдающегося педагога А.С. Макаренко о том, что воспитание есть процесс социальный в самом широком смысле: «Воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и больше всего - люди. Из них на первом месте - родители и педагоги. Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка». [6] Таким образом, уголовному праву нет нужды иметь в себе какие-то специальные институты для реализации воспитательной функции. Неотвратимость уголовной ответственности и назначение справедливых наказаний являются социальными явлениями, которые сами по себе, без всяческих дополнительных норм, оказывают впечатляющее воздействие не только на лиц, склонных к совершению преступления, но и на всех

остальных граждан, в том числе, и взрослых, наглядно демонстрируя торжество закона и наказание зла. В тех же случаях, когда преступникам попустительствуют, не применяя правильно уголовный закон, если складывается практика применения наказаний, не соответствующих тяжести совершенного деяния, либо несправедливы сами уголовно-правовые нормы, воспитательное воздействие, тем не менее, тоже оказывается, меняется только его знак – с положительного на негативное. Имеется и еще одно соображение по поводу воспитательной функции: отказывая уголовному праву в функции воспитания, игнорируя этот вопрос, мы отказываемся от моральных ориентиров в правосудии, допуская вынесение любых, формально законных, но аморальных приговоров. Полагаем, что такой подход негативно отражается на эффективности предупредительного воздействия уголовно-правовых норм. Таким образом, реализация воспитательной функции уголовного права не требует наличия специальных уголовно-правовых норм.

Что касается точки зрения Н.А. Лопашенко, то формальные претензии могут быть и к ней. Так, одним из условий освобождения от уголовной ответственности в соответствии со ст. 75, 76, 76.1 УК РФ является возмещение причиненного ущерба или заглаживание причиненного вреда, что вполне может быть истолковано как проявление восстановительной функции уголовного права. Однако хотелось бы выйти за формальные рамки и рассмотреть содержание этой функции подробнее. По этому поводу имеются абсолютно противоположенные позиции. Ряд авторов утверждают, что уголовное право восстанавливает общественные отношения, которым преступление причинило вред. [5, С.16] Другие утверждают, что нарушенные отношения восстановить невозможно. [3, С.74-75]

Мы полагаем, что восстановительная функция уголовного права вообще не имеет отношения к общественным отношениям, под которыми, в соответствии с определением, понимаются многообразные связи, возникающие между социальными группами, классами, нациями, а также внутри них в процессе их экономической, социальной, политической, культурной жизни

и деятельности. [1, С.450] Отсюда следует, что такие отношения являются массовыми, типичными взаимодействиями. Конкретное преступление (если это не исключительное по масштабам деяние), как правило, причиняет вред лишь единичным отношениям между отдельными людьми.

Так, единичная кража, нарушая порядок взаимодействий потерпевшего по поводу права собственности, не изменяет (деформирует) всеобщий установленный порядок взаимоотношений в этой сфере, не влияет на осуществление общепринятых способов приобретения или продажи имущества. Общественные отношения могут понести ущерб лишь в случаях, когда применяемые уголовно-правовые нормы неэффективны либо имеет место массовое неприменение уголовного закона, паралич власти. В подобных случаях общепринятые модели поведения (общественные отношения) претерпевают изменения, однако восстановить их средствами уголовного закона невозможно и, прежде всего, потому, что он (закон) для этого и не предназначен. Уголовно-правовыми средствами можно нейтрализовать деятельность лиц, препятствующих их нормальному функционированию, да и то не всегда (например, при убийстве или причинении тяжкого вреда здоровью, единичные отношения, основанные на участии потерпевшего, могут быть разрушены необратимо).

Таким образом, содержание восстановительной функции не может включать в себя восстановление нарушенных общественных отношений. Применение уголовно-правовых норм реализует, по нашему мнению, охранительную функцию, состоящую в защите от преступных посягательств критически важных для нормального функционирования общества общественных отношений, при которой недопустимо применять насилие, нарушать общественный порядок и т.п.

Что касается восстановительной функции, то речь может идти о восстановлении социальной справедливости, в том контексте, в каком о ней говорил В.В. Похмелкин. Он выделял следующие аспекты восстановительной функции: 1) удаление осужденных из определенной сферы общественных отношений, способствующее ее оздоровлению, упорядочению, восстановлению нор-

мального функционирования; 2) восстановление осужденного в качестве полноценного участника социалистических общественных отношений; 3) восстановление авторитета закона; 4) восстановление морально-психологического спокойствия населения и реализация требования неотвратимости ответственности за преступление. [7]

Что касается положений УК РФ, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности при возмещении ущерба или заглаживании вины, то здесь, на наш взгляд, имеет место, с одной стороны, поощрение данных лиц к определенному поведению (Н.А. Лопашенко говорит о стимулирующей функции уголовного права), с другой – компенсация причиненного вреда, хотя необходимо понимать, что компенсационная функция уголовного права носит строго ограниченный характер. В ряде случаев причиненный вред компенсировать в принципе невозможно.

Если смотреть на функции уголовного права с учетом приведенного выше определения, можно предположить, что к явным функциям уголовного права следует отнести те, которые прямо вытекают из задач Уголовного кодекса, провозглашенных в ст. 2, целей уголовного наказания и некоторых других положений УК РФ. Так, к числу явных функций следует отнести охранительную функцию, содержание которой раскрывается ст. 2 УК РФ, и предупредительную функцию, поскольку предупреждение преступления провозглашено одной из целей наказания.

В литературе мы не встречали упоминания о функции обеспечения государственного суверенитета в сфере уголовного преследования. Между тем она реализуется положениями ч. 1 ст. 11 УК РФ, в соответствии с которой Российская Федерация обладает исключительным правом уголовного преследования лиц, совершивших преступления на ее территории, а также ч. 1 ст. 13 УК РФ, запрещающей выдачу граждан Российской Федерации, совершивших преступления на территории иностранного государства.

Ряд авторов указывают на регулятивную функцию уголовного права, хотя понимают ее по-разному. Б.Т. Разгильдиев писал о регулятивно-обязывающей функции, содержание которой состоит в обеспечении ис-

полнения гражданами своих обязанностей воздерживаться от совершения преступления. [2, С.62] Лопашенко Н.А. полагает, что регулятивная функция проявляется в применении уголовно-правовой нормы к лицу, преступившему ее запрет. [3, С.71-72]

Несомненно, что перечисленные точки зрения отражают различные аспекты правового регулирования. Полагаем, что в таких случаях теории должны приходиться к консенсусу в том, что понимать под регулированием. Позиция Н.А. Лопашенко отражает свойство любой отрасли права – применением соответствующих норм регулировать общественные отношения. Однако такое понимание не отражает другого аспекта, состоящего в том, что правовые ограничения и запретов, подкрепленные санкциями за их нарушение, сами по себе являются регуляторами поведения, даже без реального применения правовых норм. Ведущим элементом здесь выступает санкция за нарушение предписания. Практика показывает, что важно не только возможное наказание, но и вероятность его назначения (неотвратимость). Ярким подтверждением этому явилась ситуация с налоговыми преступлениями. В ноябре 2013 г. на заседании наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив Президент России В.В. Путин подверг критике ситуацию в сфере противодействия налоговым преступлениям. Либерализация уголовного и уголовно-процессуального законодательства, обусловленная стремлением оградить предпринимателей от злоупотреблений со стороны правоохранительных органов и существенно затруднившая возбуждение уголовных дел, привела к тому, что во многих регионах правоохранительные органы фактически перестали возбуждать уголовные дела по налоговым преступлениям. Однако

это не привело к интенсивному наполнению бюджета налогами. Например, в столице из миллиарда рублей, который должен быть получен казной на основании судебных решений и приговоров по налоговым делам, было возмещено всего 4 миллиона рублей. Приведенный пример демонстрирует влияние неотвратимости наказания на общественные отношения. Поэтому, говоря о регулятивной функции уголовного права, мы склонны понимать ее как фактическое регулирование поведения людей путем установления правовых ограничений.

Такая трактовка регулятивной функции интересна тем, что позволяет по-новому сформулировать критерии эффективности уголовно-правового воздействия. Если угроза наказанием регулирует поведение, то оценивать эффективность наказания можно по качеству регулирования, в данном случае – по динамике собираемости налогов, размеров недоимок по налогам и т.д.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Уголовное право в системе правового регулирования выполняет разнообразные функции, которые можно условно разделить на явные, вытекающие из целей и задач уголовного права (охранительная, предупредительная, обеспечения суверенитета в сфере уголовно-правовых отношений, восстановительная, стимулирующая функции) и неявные (воспитательная, регулятивная функции, а возможно, и другие).

Эффективность уголовно-правового регулирования, на наш взгляд, тесно связана с эффективностью реализации тех или иных функций. Здесь мы видим практический выход рассматриваемого вопроса, состоящий в возможности оценки эффективности уголовно-правового воздействия по качеству реализации функций уголовного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 839 с.
2. Уголовное право России. Курс лекций. Т. 1., кн. 1. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2004. 320 с.
3. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 339 с.
4. Уголовное право Российской Федерации: В 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М.: Инфра-М, 2002. 384 с.
5. Уголовное право России. Общая часть / под ред. И.Э. Звечаровского. М.: Юрист, 2004, 137 с.
6. Макаренко А.С. Избранные произведения в трех томах. Т. 2. Киев: Радянська школа, 1985. 574 с.
7. Похмелкин В.В. О восстановительной функции советского уголовного права // Правоведение. 1990. № 2. С.40-47.

А.Е. Шалагин

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье дается понятие предупреждению и профилактике преступлений и административных правонарушений. Особое внимание обращено на деятельность органов внутренних дел в данной сфере. Раскрывается содержание и предложена классификация основных превентивных мер. Отражены особенности общей, специальной и индивидуальной профилактики преступлений. Приводятся статистические показатели деятельности МВД по РТ за последние годы.

Ключевые слова: предупреждение, профилактика преступлений, деятельность органов внутренних дел, административные правонарушения, пресечение, предотвращение, превентивные меры.

Одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел остается профилактика преступлений и административных правонарушений. В 2013 году в Республике Татарстан была разработана и утверждена государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в РТ на 2014-2020 годы».

Основными задачами реализации указанной программы являются:

- совершенствование деятельности по профилактике преступлений и иных правонарушений;
- сокращение смертности от дорожно-транспортных происшествий и количества ДТП с пострадавшими;
- повышение уровня защищенности жизни и здоровья граждан, их собственности, а также законных прав и интересов;
- противодействие экстремизму и терроризму, организованной, профессиональной и рецидивной преступности;
- снижение масштабов незаконного распространения наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов;
- выявление и устранение причин (условий) коррупции, формирование в обществе нетерпимого отношения к коррупционным проявлениям;
- обеспечение эффективной защиты прав потребителей, развитие потребительского

рынка товаров, работ и услуг;

- снижение уровня злоупотребления алкогольной продукцией среди населения Республики Татарстан, профилактика пьянства и алкоголизма;

- борьба с детской безнадзорностью, проституцией, токсикоманией и прочими социально негативными (фоновыми) явлениями, связанными с преступностью. [1]

Всего в 2013 году правоохранительными органами Республики Татарстан выявлено 20355 лиц, совершивших преступления. Из них 11784 (57,9%) не имели постоянного источника дохода, 7180 (35,5%) ранее судимые, 2913 (14,3%) женщины, 1066 (5,2%) несовершеннолетние. В результате преступных посягательств пострадали 38055 человек, в том числе 14203 женщины, 3312 пенсионеров, 1122 учащихся средних и средних специальных учебных заведений, 1071 студент вузов.

Предупреждение преступности – это многоуровневая система государственных и общественных мер, направленных на выявление, ослабление и нейтрализацию причин и условий преступности, ее отдельных видов, а также на удержание от перехода или возврата на преступный путь лиц с асоциальным (противоправным) прошлым или настоящим. [2, С.185] Также можно привести другое определение сформулированное д.ю.н., профессором А.И. Долговой.

Предупреждение преступности – это целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений. [3, С.480]

В криминологии выделяют следующие уровни (стадии) предупреждения преступлений:

1) **Профилактика** – совокупность специальных мер, направленных на минимизацию криминогенных факторов, выявление лиц, склонных к совершению преступлений, а также причин и условий возникновения и распространения отдельных видов (форм) преступной деятельности.

2) **Предотвращение преступлений** – деятельность правоохранительных органов, направленная на недопущение совершения преступлений на этапе их замысла и подготовки.

3) **Пресечение преступлений** направлено на недопущение окончания преступного деяния, то есть предупреждение общественно опасных последствий совершаемого преступления. Другими словами, пресечение осуществляется преимущественно на стадии покушения или подготовки к тяжкому и особо тяжкому преступлению.

Объектами предупредительной деятельности являются физические (юридические лица), в отношении которых осуществляются контрольные и надзорные полномочия субъектами профилактики. *Например, лица, освободившиеся из мест лишения свободы, частные охранные предприятия (в связи с их спецификой деятельности и допуска к хранению (ношению) оружия).*

К *субъектам* предупредительной деятельности относятся федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные структуры, участвующие в профилактике преступлений и административных правонарушений. Среди субъектов предупреждения преступлений выделяются **специализированные и неспециализированные** участники профилактики.

Предупредительная деятельность *специ-*

ализированных субъектов закрепляется нормативными и уставными документами, а также вытекает из их обязанностей и полномочий. К таким органам относятся: Совет Безопасности РФ, Правительственная комиссия по профилактике правонарушений, суды, прокуратура, органы внутренних дел, Федеральная служба безопасности, таможенная, налоговая службы и иные правоохранительные органы.

Правительственная комиссия по профилактике правонарушений является координационным органом, образованным для обеспечения согласованных действий заинтересованных органов исполнительной власти при реализации мер в системе государственной профилактики преступлений и иных правонарушений.

Центральным субъектом профилактики правонарушений остаются органы внутренних дел. К их компетенции относится основной объем задач и обязанностей по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Так, участковые уполномоченные полиции (УУП) выявляют и устраняют причины и условия преступлений на закрепленном за ними административном участке, проводят повседневную воспитательно-профилактическую работу с лицами, поведение которых указывает на возможность совершения преступлений. Осуществляют административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Одним из направлений деятельности ОВД остается профилактическая работа среди несовершеннолетних и их семей, которую проводят сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН). Следователи и дознаватели наделены процессуальными полномочиями по внесению представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений. Особая роль в профилактике преступности принадлежит криминальной полиции. Сотрудники этой службы во взаимодействии с ППСП (патрульно-постовой службой полиции), ОВО (вневедомственной охраной), ГИБДД (государственной инспекцией безопасности дорожного движения) обеспечивают предупреждение преступлений против личности, собственности, общественной безопасности и общественного порядка, осуществля-

ют оперативно-розыскную профилактику наиболее опасных форм преступной деятельности (профессиональной, организованной, транснациональной).

К неспециализированным субъектам относятся иные организации, юридические и физические лица, которые участвуют в предупреждении преступлений и административных правонарушений в процессе реализации своих полномочий, прав и обязанностей. К их числу относятся: средства массовой информации, трудовые коллективы, общественные и религиозные организации, граждане.

Выделяются следующие *виды профилактики преступлений и иных правонарушений*:

а) **Общая профилактика** – направлена на выявление, устранение, минимизацию причин и условий преступности, а также повышение уровня правосознания населения. Она ориентирована на неперсонифицированный круг лиц (граждан страны, региона, населенного пункта). К мерам общей профилактики относят социально-экономические, организационно-управленческие, идеологические, воспитательные, технические, правовые и иные мероприятия, осуществляемые в целях масштабного снижения преступности.

б) **Специальная профилактика** – это система воздействия на причины и условия преступности (правонарушений), касающаяся отдельных социальных групп, сфер деятельности и объектов, характеризующихся повышенной вероятностью совершения противоправных действий. *Например, профилактика преступности несовершеннолетних и семейного неблагополучия, предупреждение преступности мигрантов и т.п.*

Применительно к данному виду профилактики выделяют следующие этапы (стадии) такой деятельности: 1) раннее предупреждение, непосредственное предупреждение, предупреждение самодетерминации преступлений и иных правонарушений. В связи с этим органами внутренних дел систематически проводятся оперативно-профилактические мероприятия по соответствующему направлению предупреждения противоправных уголовно-наказуемых или административных деяний, например «Арсенал», «Мак», «Притон», «Алкоголь», «Подросток» и др. *Только по линии выявления и пресечения незаконной игровой*

деятельности в 2013 году органы внутренних дел Татарстана изъяли 43563 единицы игорного оборудования, составили 2023 административных протокола, на основании которых были наложены штрафы на сумму, превышающую 6 млн рублей. По ст. 171.2 УК РФ (незаконная организация и проведение азартных игр) было возбуждено 4 уголовных дела.

в) **Индивидуальная профилактика** – осуществляется в отношении конкретных лиц, чье поведение указывает на возможность совершения преступления или иного правонарушения. К мерам индивидуальной профилактики относят:

- профилактическую беседу (ознакомительную, воспитательную, предупредительную);
- вынесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений;
- направление информации о противоправном (асоциальном) поведении лица по месту его учебы или работы для принятия к нему мер общественного (коллективного) воздействия;
- профилактический учет и контроль;
- установление особых требований к поведению правонарушителя;
- административный надзор;
- принудительные меры медицинского характера и воспитательного воздействия;
- оказание социальной помощи.

К методам индивидуально предупредительного воздействия относятся: убеждение, оказание помощи и принуждение.

1. Убеждение – это совокупность воспитательных, пропагандистских, разъяснительных мероприятий, осуществляемых в целях изменения асоциальной направленности личности и переориентирование ее на общественно одобряемые формы поведения. К таким формам относятся: профилактические беседы, стимулирование участия личности в социально полезной деятельности, коллективное обсуждение противоправного (аморального) поведения, закрепление за профилактируемым лицом общественного воспитателя.

2. Оказание помощи в адаптации (ресоциализации) личности - содействие в трудоустройстве, определение места жи-

тельства, предоставление психологических, педагогических, медицинских, консультативно-правовых услуг и т.п.).

3. Принуждение – реализуется в том случае, если первые два метода оказываются неэффективными или того требует сложившаяся обстановка. К мерам принуждения относятся: *предупредительные, пресекательные, процессуально-обеспечительные, восстановительные мероприятия, а также меры юридической ответственности.*

г) Виктимологическая профилактика – ориентирована на снижение уровня риска стать жертвой противоправного поведения. К мерам виктимологической профилактики относят: выявление потенциальных жертв преступлений и иных правонарушений; информирование населения о криминальной ситуации, способах защиты жизни, здоровья и собственности; обеспечение безопасности граждан с повышенной виктимностью и др.

Криминологическая политика – это научно обоснованная, соответствующая международным стандартам и требованиям национального законодательства, целеустремленная и системная деятельность государственных и муниципальных органов, политических институтов, субъектов предпринимательской деятельности, общественных (религиозных) объединений и граждан по сокращению преступности и обеспечению защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз криминального характера. Профессор М.П. Клейменов выделяет несколько моделей криминологической политики, которые реализовывались в разные периоды развития нашего государства. [4, С.225-234]

Криминологический менеджмент – это эффективное управление в сфере противодействия преступности и обеспечения национальной безопасности. Идея государственного криминологического менеджмента стала формироваться в России в начале 70-х гг. XX столетия благодаря усилиям таких известных криминологов, как Г.А. Аванесов, С.Е. Вичин, С.С. Овчинский. В это время были созданы первые штабные подразделения в системе МВД СССР (которые представляли собой центры управления органами внутренних дел). Специалистов по такому важному направлению стала гото-

вить Академия управления МВД СССР. Выпускникам Академии присваивалась специальность «Организация управления в сфере правопорядка» и «Организатор управления». В настоящий период деятельность органов внутренних дел невозможно представить без функционирования штабных подразделений, которые отвечают за анализ, учет и контроль всего делопроизводства. К их компетенции также следует отнести мероприятия по прогнозированию, планированию и программированию в сфере предупреждения и противодействия преступности.

Задачами криминологического менеджмента являются:

- устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений и других форм противоправной деятельности;
- создание механизма оперативного реагирования на угрозы национальной и личной безопасности;
- возмещение причиненного ущерба неправомерными действиями физических и юридических лиц.

Принципы криминологического менеджмента: законность, научность, целеустремленность, комплексность, объективность, всесторонность, стабильность, экономическая целесообразность, доминирование превентивных мер над репрессивными, непрерывность, оперативность и др. [5, С.318]

Большую помощь в профилактике преступлений органам внутренних дел оказывают **средства массовой информации**. СМИ используются для повседневной практики сбора, обработки и распространения сведений, предназначенных для массовых аудиторий. Печать, радио, телевидение, Интернет осуществляют свою профилактическую деятельность по следующим направлениям:

- пропаганда (разъяснение) законодательства;
- формирование правосознания и правовой культуры граждан;
- выявление и определение причин и условий преступлений и административных правонарушений;
- формирование активной позиции населения в борьбе с правонарушениями;
- воспитательно-профилактическое воздействие на лиц, склонных к совершению правонарушений;
- удовлетворение поисковых потребностей

стей ОВД (розыск преступников и лиц, пропавших без вести, установление свидетелей и потерпевших, обнаружение похищенного имущества и вещественных доказательств);

- информирование населения о новых способах совершения преступлений;

- практическое вмешательство в конкретный юридический конфликт;

- пропаганда здорового образа жизни, нравственных ценностей, эффективных форм работы общественности;

- разъяснение традиций и обычаев, формирующих организованность и дисциплину в обществе. [6, С.142-145]

Средства массовой информации могут поставить барьер проникновению в сознание и поведение людей антиобщественных взглядов и установок, извращенных и гипертрофированных потребностей, при этом могут способствовать нравственному формированию личности с положительными (позитивными) социальными качествами и жизненными ориентирами.

Для того чтобы добиться хороших результатов в предупреждении преступлений и иных правонарушений на конкретном административном участке, нужно увеличить информированность населения о криминальной обстановке, формах и методах профилактики. Необходимо, чтобы озабоченность состоянием правопорядка в населенном пункте разделяло большинство населения. Этого можно добиться при тесном повседневном взаимодействии с добровольными отрядами (дружинами) по охране общественного порядка, представителями общественности при опорных пунктах полиции, молодежными общественными фор-

мированиями правоохранительной направленности.

К общественным объединениям правоохранительной направленности, функционирующим при Министерстве внутренних дел по Республике Татарстан, относятся:

1. Общественный Совет при Министерстве внутренних дел по Республике Татарстан;

2. Совет ветеранов органов внутренних дел Республики Татарстан;

3. Республиканский центр молодежных и студенческих формирований по охране общественного порядка «Форпост»;

4. Добровольные народные дружины (ДНД), создаваемые в некоторых городах и административно-территориальных образованиях Республики Татарстан. Так, решением Лаишевского муниципального района Республики Татарстан утверждено и внедрено в практику положение «О добровольных народных дружинах и общественных пунктах охраны правопорядка».

Предупреждение преступности – это сложная, многоуровневая система мер государственного и общественного воздействия, направленная на сокращение преступности и установление социального контроля в данной сфере. [7, С.47] Такая деятельность предполагает последовательную реализацию мер политического, экономического, нравственного, воспитательного, правового характера и будет способствовать ликвидации криминогенных факторов, стабилизации оперативной обстановки, своевременному реагированию на противоправные (асоциальные) поступки и нарушения общественного порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. http://mvd.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_218075.pdf
2. Криминология: учебник/под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунева. М.: Волтерс Клувер, 2005. 640 с.
3. Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 1008 с.
4. Клейменов М.П. Криминология: учебник. М.: Норма, 2011. 448 с.
5. Клейменов М.П. Криминологический менеджмент // Российский криминологический взгляд. М., 2009. № 2. С.317-323.
6. Алауханов Е.О. Криминология: учебник. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. 608 с.
7. Шалагин А.Е., Кабиров Д.Э. Отечественная криминология: история, современное состояние, перспективы развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 4 (14). С.47-51.

С.С. Галахов

Е.О. Кубякин

СПЕЦИФИКА МОЛОДЕЖНОГО СОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ В МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Проанализированы взгляды ученых на проблему, связанную с возникновением молодежного экстремизма и механизм формирования данного социального явления в молодежном сознании и социально-групповой самоорганизации. Определены направления противодействия возникновению молодежного экстремизма.

Ключевые слова. Молодежный экстремизм, групповое сознание, культура, экстремальный тип сознания, самоорганизация молодежи.

Одной из наиболее сложных гносеологических проблем, связанных с молодежным экстремизмом, являются механизмы формирования данного социального явления. Анализируя научную литературу, посвященную проблеме молодежного экстремизма, можно отметить, что в качестве таких механизмов исследователи чаще всего выделяют специфику молодежного сознания и особенности социально-групповой самоорганизации молодежи.

Рассматривая специфику молодежного сознания, социологи указывают на такую его важную особенность, как экстремальный характер. По мнению В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок, экстремальный характер индивидуального и группового сознания молодежи имеет психосоциальную, социокультурную и социально-статусную природу.[3] Известно, что на возрастные психофизические свойства личности молодого человека обратил внимание еще в 1906 г. американский психолог Г. Стэнли Холл. Рассматривая процесс социализации как преодоление противоречия между инстинктами, берущими начало в первобытном обществе, и жесткими требованиями современного

общества, он обосновал парадоксальность, амбивалентность юношеского характера. Содержание подросткового периода развития обозначается С. Холлом в духе философии немецкого романтизма как кризис самосознания, преодолев который человек приобретает «чувство индивидуальности».[11]

Под влиянием теории С. Холла с подростковым возрастом стали связывать такие исключительно негативные его характеристики, как трудновоспитуемость, конфликтность, эмоциональная неустойчивость и т.п. Позитивные характеристики юношеского возраста («рост самосознания» и «чувство индивидуальности») не использовались в качестве предмета исследований из-за трудности их интерпретации. Довольно долго процесс развития подростка описывался в терминах, обобщенных в понятии «кризис развития», подчеркивавшего негативные аспекты этого возраста.[1]

Значительный вклад в становление данной теории внес З. Фрейд. Ученый описывал развитие человеческого индивида в терминах так называемой психосексуальности. Энергия либидо является двигателем и причиной всех изменений, сопровождающих

развитие. Либи́до – это сексуальная первооснова всех потребностей, в том числе и собственно половой. По мнению З. Фрейда, явления подросткового кризиса неизбежны, поскольку попытки личности интегрировать новые сексуальные импульсы приводят к внутренним переворотам. Естественному развитию психосексуальности мешают социальные табу. Для уменьшения степени личностных нарушений и социальной адаптации используются механизмы так называемой психологической защиты (подавление, вытеснение, проекция, идентификация, а также рационализация и сублимация). [10]

Итак, сторонники психофизиологического подхода к научному анализу молодежи считают, что сексуальная энергия, преобладающая в период полового созревания молодого человека, оказывает воздействие главным образом на его сознание. В силу того что основная потребность молодежи не удовлетворяется в должной мере, наблюдаются неврозы, раздраженность или, наоборот, фрустрация, подавленность. Сознание молодого человека как бы временно «затмевается», превалирует бессознательная сторона, что создает благодатную почву для развития экстремальности сознания. Данное состояние в ряде случаев способно привести к генезису экстремизма.

Вместе с тем сторонники культурологического подхода к изучению молодежи по-иному воспринимают суть проблемы, обращая внимание на ее социокультурную обусловленность. В рамках данного подхода выделяется теория Э. Шпрангера, который полагал, что внутренний мир индивида принципиально не сводим к каким бы то ни было природным или социальным детерминантам. Ученый представлял развитие личности как «духовный процесс», не связанный ни с реальными отношениями личности и общества, ни с процессом созревания организма. Подростковый период Э. Шпрангер рассматривал внутри возраста, границы которого он определял 13-19 годами у девушек и 14-22 годами у юношей. Первая фаза этого возраста – собственно подростковая – ограничивается Э. Шпрангером 14-17 годами. Эта фаза характеризу-

ется кризисом, связанным со стремлением к освобождению от детской зависимости. В качестве главных новообразований данного возраста, который представляет важную стадию духовного развития, выступает открытие «Я», возникновение рефлексии, осознание своей индивидуальности. Э. Шпрангер положил начало систематическому исследованию юношеского самознания и ценностных ориентаций. [13]

Теоретические положения Э. Шпрангера были конкретизированы и развиты Ш. Бюлер, которая уделила большое внимание разграничению биологического и культурного созревания. Она выделяла в юношеском периоде две фазы: негативную и позитивную. Подростковый этап относится к негативной фазе, характерные черты которой – тревожность, раздражительность, агрессивность, бесцельный бунт, стремление к самостоятельности, не подкрепляемое соответствующими физическими и психическими возможностями. Юношеский возраст – позитивная фаза. Она наступает постепенно и выражается в том, что молодой человек начинает ощущать близость с природой, по-новому воспринимать искусство, у него появляются новые ценности, потребности в интимной близости и т.п. [5]

Важный вклад в развитие культурологического подхода внесла М. Мид. По ее мнению, существует три типа культуры: постфигуративная, конфигуративная и префигуративная. Их различия обосновываются ориентацией молодого поколения либо на опыт старших, либо на знание, либо на отрицание традиций предшествующих поколений. В зависимости от типа культуры формируются определенные свойства и стандарты поведения, весьма отличающиеся друг от друга. Каждый из типов культуры оказывает непосредственное влияние и на сознание молодых людей. Наибольшим «протестным» потенциалом обладает префигуративная культура, отрицающая традиции старших поколений и лежащая в основе генезиса неформальных молодежных объединений – суб- и контркультур.

Таким образом, представители культурологического подхода к анализу проблем

молодежи убеждены, что проблема экстремальности молодежного сознания существует, однако обусловлена она не психофизиологическими, а духовно-нравственными факторами и особенностями формирующейся социокультурной системы координат молодых людей. Стремление к обретению самостоятельности, а шире – культурной идентичности является признаком молодежного возраста. В силу того что в рамках доминирующей (господствующей) культуры взрослого большинства данные потребности реализовать весьма непросто, наблюдается формирование протестной культуры молодого поколения – различного рода неформальных, радикальных, экстремистских объединений. Состояние напряженности, конфликта возникает в молодежной среде вследствие неприятия ценностей, норм, идеологии, нравственных принципов, особенностей образа жизни взрослого большинства. Сторонники культурологического подхода видят основы экстремальности молодежного сознания именно в неудовлетворенности социокультурных потребностей и ожиданий молодежи, что способствует в ряде случаев трансформации экстремальности сознания в экстремизм. [9]

Вместе с тем сторонники рассмотрения молодежи в качестве субъекта и объекта процесса преемственности и смены поколений предлагают собственное видение данной проблемы. В частности, по мнению К. Манхейма, молодежь – это поколение, находящееся в конкретном историко-социальном пространстве, которое задает конкретную программу социализации молодежи и уровень необходимых требований. Ученый отмечал: «...решающим фактором, определяющим возраст половой зрелости, является то, что в этот период молодежь вступает в общественную жизнь и в современном обществе впервые сталкивается с хаосом антагонистических оценок». [8]

Социально-статусная природа экстремальности молодежного сознания рассматривается сторонниками этого подхода в связи с переходностью, транзитивностью социального положения молодежи. Положение становящегося, а не ставшего субъекта об-

щественного воспроизводства и общественной жизни предопределяет незавершенность формирования личностных и социальных качеств молодого человека. В переходности, промежуточности социального статуса молодежи заложены основания формирования экстремальности ее сознания. [3]

Очевидно, что в социальном процессе преемственности и смены поколений молодежи отведена не слишком завидная роль, отражающая ее маргинальный, переходный статус в обществе: уже не дети, но еще не взрослые. Вполне естественно, что у части молодежи возникает устойчивая потребность ускоренно преодолеть этот непрестижный статус, в том числе радикальными методами. Именно потребность в преодолении маргинального статуса способствует генезису экстремального типа сознания у молодежи. Учитывая это, естественным выглядит тот факт, что в глазах некоторых молодых людей одним из методов достижения взрослого статуса является вступление в экстремистские группы, движения, организации.

Таким образом, представители каждого из трех подходов к анализу молодежи по-разному объясняют суть феномена экстремальности ее сознания. Признавая важность и остроту данной проблемы, она по-своему объясняют ее природу. С точки зрения сторонников психофизиологического подхода, основной причиной сложившейся ситуации выступают половое созревание и сублимация сексуальной энергии под давлением взрослого общества. Представители культурологического подхода корни экстремальности сознания видят в противостоянии взрослой и молодежной культур. В свою очередь сторонники рассмотрения молодежи в качестве субъекта и объекта процесса преемственности и смены поколений указывают на маргинальный социальный статус и неустойчивое положение молодежи в обществе как причину развития экстремальности сознания. Стоит отметить, что лишь сторонники психофизиологического подхода убеждены в превалировании бессознательного начала в процессе конструирования экстремального типа сознания молодежи, тогда как представите-

ли других научных подходов уверены в том, что молодежь вполне осознает причины и механизмы формирования экстремального типа сознания под воздействием ряда социальных и социокультурных факторов и не противится данному процессу.

Стоит отметить, что экстремальность как присущее молодости свойство может проявиться по-разному. В условиях стабильного общества на групповом и индивидуальном уровнях она находит, как правило, общественно значимые институционально регулируемые формы. В условиях социальных потрясений, неопределенности и риска под влиянием самых разных объективных и субъективных факторов этот процесс приобретает крайние, преимущественно спонтанные проявления. В них доминирует эмоциональный уровень восприятия явлений, часто в гиперболизированной, максималистской форме. Такой тип сознания проявляется в специфических формах поведения, характеризуется импульсивностью мотивации, агрессивностью, склонностью к риску, эпатажем, отклонениями от принятых норм либо, наоборот, подавленностью, депрессией, пассивностью. [6]

Экстремальные формы реакции на окружающую действительность связаны также с завышенными ожиданиями, присущими молодежи. Реализуя инновационную функцию, молодое поколение устремлено не в прошлое, а в будущее. В постоянном стремлении превзойти окружающих – сверстников, родителей, учителей, – формируются индивидуальные проявления ее группового инновационного потенциала. В подобном стремлении молодые люди часто предъявляют нереальные требования как к окружающей их действительности, так и к себе. Это находит отражение в их жизненных планах, потребностях, интересах, формирует у них неадекватные ролевые представления. При столкновении с трудностями, неизбежно возникающими на пути реализации завышенных ожиданий, у молодого человека, не находящего возможностей их преодоления, возникают состояния фрустрации, сопровождаемые раздражением, недовольством, гневом. [7]

При этом не окрепшая в силу возраста устойчивость к стрессам, недостаточная фрустрационная толерантность мешают молодому человеку найти выход из сложившейся кажущейся ему безвыходной ситуации – ответной реакцией становится агрессивность. Не встречая осуждения со стороны окружения, конкретные ее проявления закрепляются в подростковом сознании и поведении в форме агрессивности как относительно устойчивой черты личности. Получая поддержку во взаимном признании ближайшего окружения, превращаясь в убеждения, агрессивность приобретает крайние формы фанатизма. Категоричность взглядов и суждений фанатиков сочетается с нетерпимостью к инакомыслящим, пренебрежением к общепринятым нормам, неприятием критики, даже доброжелательной. Проявления фанатизма встречаются там, где для этого возникают благоприятные условия. [2]

Опасность сложившейся ситуации проявляется и в том, что самоотчуждение, сопровождающее выход из состояния фрустрации, часто приводит к отрицанию идей, мнений, норм, принимаемых обществом, и проявляется в индивидуальном и групповом сознании в форме нигилизма. Как форма самоутверждения подростка нигилизм также встречается во всех сферах жизнедеятельности. При этом не следует считать, что фанатизму присущи исключительно агрессивные проявления, а нигилизму – пассивная саморефлексия. В различных жизненных ситуациях агрессивность, самоотчуждение как проявления экстремального сознания могут приобретать крайние формы. [4]

В форме общественного настроения экстремальность не только накладывает отпечаток на поведение молодых людей, но и становится силой, способной увлечь и объединить их для достижения определенной цели. Уровень и направленность экстремальных настроений непосредственно связаны с изменением социального положения молодежи. Позитивные изменения могут снижать уровень экстремальности либо способствовать проявлению настрое-

ний в направлении социального творчества и инновационной деятельности молодых людей. Негативный характер изменений социального положения становится питательной базой для отклонения состояния экстремальности как по уровню, так и по направленности. В такой ситуации они могут способствовать объединению молодых людей для реализации самой экстремальности в форме экстремистских проявлений. [12]

По мнению авторов, основная проблема управленческих структур (главным образом государственных) как раз и заключается в отсутствии однозначной методики работы с молодежью. Она нуждается в повышенном внимании со стороны государства (но отнюдь не в опеке и контроле, которые вызывают резкое неприятие). Данное внимание должно быть сосредоточено на возможностях позитивного использования экстремальности сознания молодежи, перспективах его перенаправления для осуществления социально значимых проектов (известно, что в СССР именно молодежь в числе первых отправлялась покорять целину, Крайний Север, совершала подвиги на боевых и трудовых фронтах). В настоящее время данная традиция утрачена. Более того, государственные управленческие структуры не создают достаточных условий для спортивной, творческой самореализации всей молодежи. Следовательно, если в СССР управленческие структуры обладали соответствующей (пусть и идеологизированной) методикой «переключения» экстремального молодежного сознания на социально одобряемые модели поведения, то сейчас подобная деятельность практически не ведется. Экстремальность сознания имманентно присуща молодому поколению, и первостепенной заботой государства как раз является посредством грамотного социального управления недопущение перерастания экстремального сознания в экстремизм. Одним из основных инструментов оптимизации управленческой деятельности выступают эмпирические социологические исследования молодежи, призванные снабдить управленческие структуры необходимой информацией о молодежи и устано-

вить с ней «обратную связь», способствуя корректировке методов и механизмов воздействия на молодое поколение. В настоящее время остро ощущается как недостаток подобных исследований, так и недостаток внимания со стороны государственных управленческих структур к их результатам.

Богатый эмпирический материал по данной проблеме собран известными отечественными социологами молодежи Ю.А. Зубок и В.И. Чупровым. На основании его изучения ученые отмечают, что «... экстремальность как имманентное свойство молодости в большей или меньшей степени отмечается во всех сферах жизнедеятельности молодежи. Период с 2002-2008 гг. отмечен значительным ростом экстремальных настроений практически во всех сферах жизнедеятельности молодых людей, что указывает на неблагоприятное социальное положение молодежи. В наиболее выраженной форме экстремальные настроения отмечаются в личностном и групповом самоопределении молодежи. Об уровне экстремальности в личностном самоопределении свидетельствует выбор молодыми людьми факторов, способствующих, по их мнению, становлению личности, обретению уверенности в себе. Ориентация в этом выборе на физическую силу и на внешнюю привлекательность рассматривалась как форма экстремальности. Они присущи более чем половине молодых людей (54,4%). В крайней форме экстремальность, граничащая с фанатизмом, в личностном самоопределении свойственна 15% молодежи. Гипертрофированные представления о себе как о мессии, призванном установить общественный порядок, рассматривались в качестве признака экстремальности в поколенческой идеологии. Подобная экстремальность в направлении фанатизма проявляется у 69% молодежи». [3]

Однако сами по себе экстремальные настроения не представляют серьезной угрозы социальному порядку. Вместе с тем в ряде случаев создаются условия для возникновения молодежного экстремизма, когда экстремальные настроения приобретают характер самоцели, суть которой – дости-

жение общественного резонанса. Реализация данной цели экстремальными способами сопряжена с причинением морального, физического, материального ущерба окружающим. В связи с этим молодежный экстремизм представляет собой сознательный выбор экстремальных способов индивидуального и группового поведения для достижения целей, представляющих угрозу и наносящих вред окружающим. [3]

Еще одним ключевым механизмом формирования экстремизма выступают особенности социально-групповой самоорганизации молодежи. Как отмечают Ю.А. Зубок и В.И. Чупров, социальная организация молодежи является не только формой ее существования как социальной группы, но, представляя собой упорядочивающую деятельность, выступает в качестве способа регуляции ее социальных взаимодействий в социуме (как путем целенаправленного регулирования, так и саморегуляции). Авторы констатируют: «...наибольшая эффективность саморегулирования достигается путем самоорганизации, которая состоит в самоупорядочении спонтанных процессов внутриколлективного взаимодействия. Самоорганизация – это спонтанно совершающийся процесс социального регулирования, связанный с возникновением новых структур или трансформацией существующих в момент их крайней неустойчивости. В таком качестве самоорганизация молодежи может рассматриваться как форма саморегуляции ее социальных взаимодействий». [3]

Стоит отметить, что сам по себе феномен самоорганизации в молодежной среде безусловно не является дисфункциональным. Мы считаем, что самоорганизация выполняет важную функцию в механизме формирования экстремизма в молодежной среде. Она является ответной реакцией на различные вызовы социальной системы в целях оптимизации молодыми людьми своей деятельности. При этом самоорганизация молодежи – процесс весьма диверсифицированный и вариативный.

Однако «в определенных ситуациях, когда внешние условия провоцируют активизацию экстремальных проявлений молодеж-

ного сознания, в качестве альтернативных путей самоорганизации могут выступать различные формы экстремизма. В основе подобного выбора лежит спонтанно возникающая либо целенаправленно сформированная заинтересованными силами поведенческая реакция участников молодежных объединений на несоответствие социальных ожиданий и реальных возможностей, предоставляемых средой. Отрефлексированные как социальная несправедливость возникшие противоречия могут приобрести характер социального конфликта, в реализации которого синергетический эффект достигается в экстремистской форме. Самоорганизация в такой ситуации приобретает экстремистскую направленность». [3]

Ю.А. Зубок и В.И. Чупров в качестве одного из факторов генезиса молодежного экстремизма рассматривают экстремальные формы проявления группового сознания молодежи вследствие крайнего ухудшения условий жизнедеятельности. При этом ученые обращают внимание на то обстоятельство, что в повседневной жизни экстремизм существует преимущественно в форме настроений, представляя собой систему взглядов и эмоциональных состояний экстремистской направленности. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров отмечают: «...переход экстремистских настроений в деятельностьную форму в молодежной среде связан с обострением внешних факторов и, в первую очередь, с нарушениями социальной справедливости. Отражаясь в мотивационной сфере сознания, обострившиеся условия становятся стимулом, побуждающим к активизации экстремизма. Наиболее распространенным способом проявления молодежного экстремизма являются демонстративные акты насилия, будь то нападения на лиц неславянской внешности или захваты зданий, перекрытие магистралей. Соответственно цели экстремистских действий определяются экстремальными особенностями молодежного сознания, т.е. стремлением как можно громче заявить о себе». [3]

При этом, как уже отмечалось ранее, нельзя рассматривать самоорганизацию молодежи только как фактор генезиса экс-

тремизма. Самоорганизация молодежи может быть направлена и на противодействие ему. Основное назначение самоорганизации – связь между внешними условиями и внутренними индивидуальными или групповыми проявлениями экстремизма; самоорганизация молодежи может быть направлена либо на активизацию экстремистских проявлений, либо на противодействие им путем самоупорядочения отношений в молодежном объединении. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров указывают на то, что «особенностью самоорганизации экстремистки настроенной молодежи является их малочисленность. Большинство экстремистских проявлений совершается спонтанно в составе небольших по численности групп. В крупных молодежных объединениях и движениях, как показал анализ, самоорганизация способствует в целом позитивной направленности самоупорядочения, полностью или частично блокирующей выбор экстремистского пути развития. Однако этот вывод не должен успокаивать. Даже отдельные проявления экстремизма быстро превращаются в установки (аттитюды), представляя собой не только потенциал экстремизма, но и осознанную или неосознанную готовность к его проявлениям». [3]

Таким образом, в результате рассмотрения экстремальности молодежного сознания и особенностей социально-групповой самоорганизации можно сделать следующие выводы. Каким бы комплексом факторов ни был обусловлен экстремальный тип сознания молодежи (психофизиологическим, социокультурным, социально-статусным), очевидно, что он выступает «фактором риска» в молодежной среде в аспекте потенциального генезиса экстремизма. Несмотря на то, что прямой зависимости между экстремальностью молодежного сознания и экстремизмом нет, в целом ряде случаев возможно превращение экстремального сознания в экстремизм. Именно поэтому государственные управленческие структуры должны так организовывать молодежную политику, чтобы экстремальность сознания молодых людей (которая является их атрибутом, с чем необходимо считаться) исполь-

зовалась и направлялась для достижения социально одобряемых целей и не приобретала формы антисоциальной направленности.

Такая же проблема существует в социально-групповой самоорганизации молодежи. Сам по себе этот феномен напрямую не влияет на генезис экстремизма. Однако в ряде случаев наблюдается трансформация малочисленных самоорганизованных групп молодежи в экстремистские. Государственные управленческие структуры должны учитывать особенности социально-групповой самоорганизации молодежи и использовать данный феномен как «блокировку» экстремизма, не допуская развития ситуации, когда возникают предпосылки трансформации самоорганизованных групп молодежи в экстремистские. Необходима и оптимизация социальной политики, своевременное решение системных социальных проблем.

Если не будет повышаться эффективность и отдача мероприятий управленческих структур в отношении молодежи, то молодежный экстремизм постепенно станет основной проблемой для современной России. В 1990-е гг. резонансные преступления на почве расовой, этнической, национальной неприязни совершались с пугающей регулярностью, но все же не были объединены в рамках одного массового социального движения. Ситуация же 2010-х гг. выглядит иначе.

В частности, установки, идеи расово-этнического экстремизма проникли в среду футбольных фанатов, одного из самых массовых, агрессивных и «боеспособных» молодежных объединений России. Сейчас даже самые квалифицированные эксперты по данной проблеме не могут указать реальную численность молодых экстремистов, а самое главное – долю сочувствующих, «кадрового резерва» молодежного экстремизма. Очевидно, что, если футбольные фанаты будут втянуты в межэтнические столкновения, обстановка в стране может быть серьезно дестабилизирована. К сожалению, в современной России нет гарантии, что преступления, подобные убийствам Ю. Волкова, Е. Свиридова, не будут совершены вновь, что ситуацией не воспользу-

ются политические экстремисты, провокаторы, чтобы развязать межэтнические, межнациональные столкновения в России. События с «приморскими партизанами» в 2010 г. вскрыли еще один тревожный факт: ксенофобия и ненависть к сотрудникам правоохранительных органов приобретает все более широкую поддержку населения России и уже далеко не ограничивается криминальной средой и членами их семей. К сожалению, социальной базой экстремизма по отношению к сотрудникам МВД России, как показали события в Приморье, все чаще становится молодежь. Это очень тревожный факт: криминалитет и криминальная культура может дестабилизировать молодежную среду, направить ее энергию и потенциал на вооруженную борьбу с госу-

дарственными институтами, правоохранительными органами.

Однако едва ли не самыми актуальными проблемами выступают модификация «классического» экстремизма, освоение экстремистскими движениями и группами новейших информационно-коммуникационных технологий и, как следствие, усиление эффективности воздействия на молодое поколение. Процесс глобализации на основе развития Интернета способен объединять не только социальные, но и анти-социальные силы в нашей стране и в мире. Феномен «приморских партизан» обнаружил еще одну проблему: сейчас в Интернете созданы все условия для пропаганды идей экстремизма среди российской молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дембицкая О.Ю. Психологические проблемы молодежного электората России. М., 2000. С.54.
2. Дробижева Л.М., Щедрина О.В. Социальные факторы предупреждения экстремизма // Современный экстремизм в Российской Федерации: особенности проявления и средства противодействия. Тверь, 2006. С.25.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009.
4. Козлов А.А. Об определении экстремизма // Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и вопросы профилактики. СПб., 2003. С.128.
5. Кон И.С. Психология ранней юности // Сексология. URL: http://sexology.narod.ru/book19_03.html
6. Левичева В.Ф. Движения молодежные // Социология молодежи. М., 2008. С.94.
7. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1998. С.342.
8. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С.445.
9. Мид М. Культура и сопричастность. М., 1988. С.46.
10. Фрейд З. О психоанализе: пять лекций. Казань, 1991. С.48.
11. Холл С. Инстинкты и чувства в юношеском возрасте. П., 1920.
12. Чупров В.И. Развитие молодежи: концептуализация понятия // Молодежь России: социальное развитие. М., 1992. С.11.
13. Шпрангер Э. Два вида психологии. М., 1980. С.214.

Е.В. Демидова-Петрова

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ
ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК ОДНОГО
ИЗ ВИДОВ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье рассматривается преступность несовершеннолетних в общей системе преступности. Отмечено, что несовершеннолетние преступники — это лица, совершающие противоправные действия в раннем возрасте, позже, как правило, значительно труднее поддаются исправлению и в итоге составляют основной резерв для взрослой и рецидивной преступности. Особое внимание уделяется тому, что преступность несовершеннолетних имеет ряд отличительных особенностей, которые проявляются в первую очередь в причинном комплексе и мотивации формирования преступного поведения и, как следствие, в ее уровне и тенденциях развития. Автором предложено собственное определение преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, семья, преступность, криминология, преступность несовершеннолетних.

Криминология трактует преступление как единичное образование. Каждое отдельно взятое преступление существует в одном «экземпляре» и имеет свою характеристику.

Преступность же — это множество, составленное из всех этих индивидуальных событий, образующих в своей массе явление. Данное явление также можно рассматривать в качестве индивидуального объекта, но уже более высокого уровня. Преступность по сравнению с преступлением допустимо представлять как индивидуальный объект высшего уровня. Индивидуальный объект низшего уровня (преступление) рассматривается как категория случайная. Конкретные преступления, из которых складывается преступность, совершаются независимо одно от другого и носят случайный характер. Индивидуальный же объект высшего уровня (преступность) — категория необходимая. Преступность характеризуется целостностью и сложностью, множественностью и разнообразием связей с другими социальными явлениями. Во всем этом и проявляется качественное различие между преступлением и преступностью. Преступление — это отдельное, а преступность — общее. [1, С.156] Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к обще-

му. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного». [2] Следовательно, преступность (как общее) существует лишь в конкретных преступлениях (в отдельном). Поэтому изучение преступлений есть в какой-то мере познание преступности. [3] Но это не означает, что преступление можно сравнить с преступностью. Это не два разных по величине, но похожих, а тем более одинаковых явления. Преступление никогда не бывает просто уменьшенным во много раз подобием преступности. [1, С.166] Преступность обладает самостоятельной формой движения. При этом проявляются такие связи с другими явлениями, которые не характерны для отдельного преступления.

Преступность является весьма сложным социально-правовым явлением. В научной литературе существуют десятки ее определений.

По поводу возникновения преступности в том виде, в каком мы ее понимаем в настоящее время, высказаны различные мнения. С.В. Бородин, например, полагал, что процесс выделения преступности как самостоятельного правового и социального яв-

ления из более широкого круга нарушений норм права и морали происходил в течение длительного времени и закончился в позднем средневековье. В России этой исторической вехой можно считать, по-видимому, издание Соборного уложения (1649 г.), в котором уголовно-правовые нормы впервые были объединены в отдельные главы (хотя термин «преступление» еще не упоминался). [4] Принятие Соборного уложения 1649 года (XVII век), по мнению С.Г. Олькова, – одна из наиболее ярких вех российского нормотворчества. Недаром историки называют его первым в нашей стране систематизированным законом. [5] Тем не менее, в России были еще Судебники 1497, 1550 годов, Новгородская судная грамота (X-XV вв.) и другие. Не случайно Н.С. Таганцев в своих лекциях по уголовному праву на сей счет пишет, что с непокорством Жиждителю мира, с вредоносным посягательством на интересы ближних встречаемся мы на первых страницах священных преданий веры, и о тех же проявлениях зла и порока говорит нам ежедневная хроника текущей жизни. [6] Что касается преступлений, – пишет А.И. Долгова, – то история их столь же продолжительна, сколь продолжительна история рода человеческого на Земле. [7, С.6]

В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов отмечают, что раздумья о том, что за феномен, кто такие преступники, почему они совершают преступления, можно найти в трудах многих ученых с древнейших времен: философов, историков, правоведов, психологов, социологов и психиатров. [8]

«Преступность» – центральное понятие в криминологии. Но, как всегда бывает в науке, – наименее ясное и определенное. [9] Не случайно И.И. Карпец в своей монографии «Преступность: иллюзии и реальность», пытаясь дать ее определение, в конце концов, заключил, что можно было бы найти еще немало определений преступности. Но достаточно. Западные ученые, как правило, не дают развернутых определений из убеждения в их ненужности или невозможности их дать. Разнобой же в определениях, проистекающий из разных методологических подходов к преступности, очевиден, и нередко определение становится своего

рода визитной карточкой ученого, отражающей его основную специальность. Однако палитра определений (а значит, и подходов) впечатляет разносторонностью. [10]

Л.И. Спиридонов рассматривает преступность как «один из параметров общества, характеризующих состояние социального механизма, рассогласованность между его составными частями». [11]

Д.А. Шестаков под этим явлением понимает «свойство классового общества порождать массовое совершение опасных для него деяний». [12] Однако в этих определениях по существу отсутствуют указания на признаки определяемого предмета, и речь идет не о преступности, а ее общих причинах.

Криминология изучает закономерности преступности, в том числе ее характеристики, процессы ее детерминации, причинности, реакцию преступности на разного рода воздействия на нее, разрабатывает пути борьбы с преступностью.

В течение последних столетий по различным проблемам, связанным с изучением преступности, было подготовлено огромное количество научных статей и монографий, в том числе носящих фундаментальный характер. [13]

В итоге огромной интеллектуальной работы многих поколений криминологов, ученых в области уголовного права и процесса у криминалистов постепенно сформировались современные представления о преступности и ее различных структурных составляющих, которые находят свое отражение в действующем уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном законодательстве и соответствующей практической деятельности.

С середины 70-х годов XX столетия в советской криминологии возникли отрасли, освещающие взаимосвязь преступности с отдельными функциональными общественными системами. Семейная криминология (криминофамилистика), возникшая в 70-х годах в Санкт-Петербурге, исследует взаимосвязь института семьи и преступности. Она изыскивает возможности сдерживания преступности посредством воздействия на семью. Также, помимо общетеоретических работ, появились доста-

точно глубокие, в том числе диссертационные исследования о влиянии семьи на различные виды преступной активности, в частности, на корыстное преступное поведение (Ф.Н. Аббасов). Вместе с тем остается недостаточно изученной имеющая перспективу разработки актуальная проблема взаимосвязи семьи и рецидива преступлений.

Говоря о преступности, как о сложнейшем социальном явлении, хотелось бы особо отметить, что такая разновидность преступности, как преступность среди несовершеннолетних, всегда вызывает у ученых повышенное внимание. [14] И это вполне обоснованно, поскольку молодое поколение является естественным резервом социального развития, а нарушения уголовного закона лицами юного возраста, их распространенность не только свидетельствуют о существующих недостатках воспитания, условий для включения молодежи в жизнедеятельность общества, но и в значительной мере выступают в качестве прогностической характеристики преступности в целом.

По мнению А.И. Долговой, выделение преступности несовершеннолетних позволяет более глубоко изучать ее особенности, специфику детерминации, причинности, а также разрабатывать дифференцированные меры специального ее предупреждения. Не учитывать криминологически значимых особенностей преступности несовершеннолетних – значит не обеспечивать целенаправленный и дифференцированный подход к борьбе с ней. [15] Мы разделяем данную точку зрения и полагаем, что преступность несовершеннолетних обладает рядом специфических, присущих только ей характеристик. Их выделение, детальное рассмотрение и изучение предоставит возможность выработки более эффективных мер предупреждения исследуемого вида преступности.

Вместе с тем при рассмотрении преступности несовершеннолетних следует иметь в виду ее целостность как сложного, системно-структурного социального явления, а также диалектическую взаимосвязь и взаимодействие разных ее подвидов (подростков 14-15 лет, 16-17 лет, гендерного различия). [15]

Преступность несовершеннолетних имеет ряд отличительных особенностей, которые проявляются в первую очередь в причинном комплексе и мотивации формирования преступного поведения и, как следствие, в ее уровне и тенденциях развития.

В России исследованию рассматриваемой нами проблемы посвящены труды ряда авторов. [16]

Резкое социально-экономическое расслоение общества особенно болезненно воспринимается детьми и подростками. Увеличивающийся разрыв между реальными доходами и привлекательными жизненными стандартами, невозможность достижения последних правомерными способами обусловили интенсивное вовлечение несовершеннолетних даже из относительно благополучных в социальном смысле семей в криминальную деятельность или вызвали высокую степень психологической готовности к этой деятельности. [7, С.771] Возникают конфликты на почве социально-экономических контрастов, разрешаемые, к сожалению, зачастую криминальным путем.

Итак, кто же такие несовершеннолетние, совершающие преступные деяния?

Несовершеннолетние преступники – это лица, совершающие противоправные действия в раннем возрасте, позже, как правило, значительно труднее поддаются исправлению и в итоге составляют основной резерв для взрослой и рецидивной преступности.

По мнению ряда авторов, а именно: Ю.Ф. Кваши, А.С. Зайналабидова, А.П. Зрелова, Д.Ю. Тамбовцева, Н.А. Свистуновой, М.В. Краснова – преступность несовершеннолетних объясняется избранием несовершеннолетними антисоциального образа поведения в связи с неадекватной оценкой обстоятельств и отсутствием жизненного опыта в целях самоутверждения. [17] На наш взгляд, данное определение преступности несовершеннолетних недостаточно полно. Полагаем, что оно не содержит ряд признаков, которые присущи данному социальному явлению.

В узком понимании под преступностью несовершеннолетних можно рассматривать преступления, совершаемые лицами в возрасте от 14 до 18 лет. Однако в силу разных причин такое ограничение возраста весьма узко.

Обращаясь к проблеме преступности несовершеннолетних, следует исходить из того, что она представляет собой часть преступности в обществе, которая развивается под воздействием тех же факторов, что и преступность в целом. В силу этого при изучении преступности лиц в возрасте от 14 до 18 лет используются общекриминологические характеристики, показатели, а также иные категории. В то же время анализ должен быть направлен на выявление факторов и обстоятельств, значимых именно для преступности несовершеннолетних, позволяющих установить ее специфику и необходимые меры воздействия.

В научной литературе, и в частности, по мнению Президента Российской криминологической ассоциации А.И. Долговой, преступность несовершеннолетних представляет особый объект криминологического исследования, который рассматривается в следующих позициях:

1) общеправовых, как предусмотренность специальных глав в Уголовном, Уголовно-процессуальном, Уголовно-исполнительном кодексах, содержащих особенности привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних, расследования данной категории дел, а также назначения и его исполнения;

2) криминологические, как специфика:

а) преступлений несовершеннолетних (виды, формы, мотивы);

б) личности несовершеннолетнего (т.е. незначительный возраст и период ее формирования, ограниченная дееспособность, динамика содержания социально-ролевых и социально-психологических функций);

в) комплекса причин и условий преступности;

г) результативности мер специального профилактического воздействия. [7, С.890]

Несмотря на пристальное внимание к рассматриваемым проблемам ученых и практиков, интерес к ним не снижается.

Преступность несовершеннолетних как социальная проблема продолжает оставаться в центре внимания учёных, государственных и общественных институтов. Это объясняется особенностями подростковой преступности, постоянным изменением

социальных условий и законодательства, а также гуманными соображениями, необходимостью оградить подрастающее поколение от вовлечения в противоправную деятельность. [18]

Негативные процессы, сопровождающие социально-экономические, политические и другие изменения в России, вызвали небывалое обострение криминальной ситуации. Под воздействием микро- и макросреды происходят заметные количественные и качественные изменения преступности несовершеннолетних – основы для воспроизводства общей преступности. [18]

Анализ преступности несовершеннолетних, с одной стороны, инструмент выявления криминогенных факторов в социуме, а с другой – база для прогноза преступности в целом.

Криминализация детей и подростков – это криминализация будущего нашей страны. По процессам, происходящим в детской и молодежной среде, мы можем с большой долей вероятности судить о том, каким будет наше общество в перспективе, в том числе, какой будет преступность.

Помимо исследовательских и прогностических аспектов изучения преступности несовершеннолетних, есть еще один – гуманитарный. Дети относятся к числу наименее защищенных социальных групп населения. Такое направление воздействия, как профилактика преступности в смысле защиты от нее, защиты от поражения социальных групп «криминальным вирусом», имеет наибольшее значение именно применительно к несовершеннолетним: детям и молодежи. [19] К сожалению, уровень криминальной пораженности данной части населения в современный период достаточно высокий.

Следует отметить, что специфика преступности несовершеннолетних может быть рассмотрена как обусловленная комплексом взаимосвязанных факторов, относящихся к возрастным, социальным, психологическим особенностям несовершеннолетних, специфике социального статуса. [20] Установление таких специфических черт, обуславливающих правонарушающее поведение несовершеннолетних, особенности их качественных и количественных параметров, их анализ являются основой для раз-

работки мер предупреждения, ориентированных на применение в отношении данной возрастной группы.

От того, какие перспективы развития в настоящее время будет иметь исследуемая нами проблема, во многом зависят состояние и тенденции преступности в будущем, и даже более широко – нравственный климат в обществе. [21] Итак, полагаем, что на сегодняшний день под преступностью несовершеннолетних следует понимать социально-правовое, негативное, общественно опасное, исторически обусловленное, устойчивое явление, представляющее со-

бой систему преступлений совершенных лицами, не достигших совершеннолетия (восемнадцати лет), на определенной территории, а также за определенный период времени. Данный вид преступности имеет свои особенности, характерные черты, связанные, прежде всего, с возрастом человека.

К сожалению, рассматриваемое явление обладает весьма высокой общественной опасностью, так как именно несовершеннолетние лица есть будущее любой страны, а также несовершеннолетние являются основным резервом пополнения рядов взрослой, рецидивной преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Г.А. Криминология. М., 1984.
2. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29.
3. Блувштейн Ю.Д. Криминология и математика. М., 1974. С.7; Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С.175.
4. Кудрявцев В.Н. Социальные отклонения. М., 1989. С.244.
5. Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения. Тюмень, 1996. С.20, 21.
6. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С.4.
7. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2005. С.6.
8. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2002. С.3.
9. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. С.65.
10. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С.15.
11. Спиридонов Л.И. Социология преступности. М., 1978. С.22, 23.
12. Шестаков Д.А. На криминологическом семинаре / Правоведение. 1981. № 2. С.105, 106.
13. См.: об этом подробнее: Ч. Беккариа (1738-1794) «О преступлениях и наказаниях», И. Бентам (1748-1832) «Введение в основания нравственности и законодательства», «Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении»; А. Кетле (1796-1874) «Социальная система и законы, ею управляющие»; Ч. Ломброзо (1835-1909) «Преступление», «Новейшие успехи науки о преступнике»; Э. Ферри (1856-1929) «Уголовная социология»; Тард (1843-1904) «Философия наказания»; П.А. Сорокин (1889-1968) «Преступление и кара, подвиг и награда»; Р. Мертон (1910) «Социальная структура и аномия»; Э. Сатерленд (1882-1950) «Принципы криминологии»; Г.С. Беккера (1930) «Преступление и наказание: экономический подход».
14. См.: Криминология / под ред. В.Н. Бурлакова. СПб, 1998.
15. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 889.
16. См.: Об этом подробнее: А.С. Автономов, З.А. Астемиров, Н.Е. Борисова, В.Н. Бурлаков, С.Е. Вицин, В.Ф. Волохова, А.В. Воробьев, А.И. Долгова, В.П. Емельянов, В.Д. Ермаков, С.М. Иншаков, В.П. Кашепов, В.А. Киринос, В.А. Колесников, Н.И. Крюкова, Н.Ф. Кузнецова, С.П. Минина, Г.М. Миньковский, Д.А. Шестаков, А.С. Шляпочников.
17. См.: Криминология / под общ. ред. Ю.Ф. Кваши. Ростов-на-Дону, 2002.
18. Кошелева Е.В. Криминологическое изучение влияния социально-негативных свойств семьи на преступность несовершеннолетних: дис. ... канд. психолог. наук. М., 2005. С.3.
19. См.: Сморгунова Н.Ф. Предупреждение беспризорности среди детей и подростков в России (20-90-е гг. XX в.): автореферат ... канд. пед. наук. Владимир, 1998.
20. См.: Алексеев А.И. Криминология. М., 1998; Карпец И.И., Эминова В.Е. Криминология. М., 1992; Лунеев В.В. Преступность XX века. М., 1997.
21. См.: Прялухина А.В. Социально-психологические детерминанты и особенности подростковой безнадзорности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.

С.И. Грачев

А.В. Товашов

А.И. Завьялов

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОГО ФАКТОРА В СИСТЕМЕ АНТИТЕРРОРИЗМА

При организации информационного противодействия следует знать механизмы информационно-пропагандистского воздействия на массовое сознание людей и проводить научно-обоснованную и практически действенную информационную политику, где целью противодействия является выявление, предупреждение и нейтрализация деструктивного информационно-пропагандистского воздействия на электорат и последующее изменение в пользу общества соотношения морально-пропагандистской устойчивости сторон, поддержание ее на уровне, необходимом для успешного проведения антитеррористической деятельности.

Ключевые слова: терроризм, антитерроризм, экстремизм, информационно-пропагандистское противодействие

Пропаганда экстремизма и терроризма относится к одному из основных направлений деятельности экстремистских и террористических организаций, наряду с вербовкой, обеспечением связи, подготовкой и финансированием. Организаторы информационно-пропагандистских кампаний, динамично используя возможности сети Интернет, активно и настойчиво пропагандируют идеологию экстремизма и терроризма, при этом освещая в выгодном свете собственные действия, оправдывая совершение террористических актов, использование метода психологического воздействия для нагнетания страха и тревоги. [1]

Следует заметить, что широкое распространение возможностей Интернета, доступность его использования, отсутствие (в ряде случаев, невозможность) надлежащего механизма государственного контроля, создают благоприятную почву для эксплуатации глобального информационного пространства террористическими и экстремистскими организациями по своему назначению.

Таким образом, одной из важнейших задач современности в системе антитерроризма и противодействия экстремистской деятельности является постоянное поддержание на высоком уровне информационного противоборства преступной идеологии. При этом чтобы организовать достойное информационное противодействие, необходимо иметь представление о механизмах информационно-пропагандистских воздействий (иногда этот термин определяют как «информационно-психологические воздействия») на массовое сознание, механизмах реализации террористическими и экстремистскими организациями наступательно-информационных операций и проводить научно-обоснованную и практически действенную информационную политику.

В связи с этим поддержание в рабочем (при этом постоянно трансформирующемся) состоянии методик, оценивающих степень воздействия враждебной информации (электронных, печатных СМИ, интернета и т.п.) на электорат является наиважнейшей

задачей. [2] Кроме того, это необходимо с целью выявления и устранения факторов, способствующих распространению терроризма в стране, определения детерминант, которые в значительной мере формируются усилиями субъектов информационного пространства за рубежом и внутри самой России и осуществляющих информационно-пропагандистские воздействия на массовое сознание россиян.

Подобные методики позволяют анализировать информационную среду на предмет содержания в ней информационно - пропагандистских воздействий, способных провоцировать проявления экстремизма и терроризма, а также информационных признаков, характерных для того или иного способа организации террористического акта.

При изложении основных подходов к выявлению признаков информационно-пропагандистского воздействия, специалисты исходят из того, что основными компонентами террористической деятельности, определяющими её общественную опасность, являются: мотивы и конфликтная ситуация. Мотивы должны исследоваться в первую очередь, ибо именно они являются основной движущей силой любого экстремистского проявления и поскольку попытки их стимулирования могут быть легко обнаружены при изучении информационных потоков, воздействующих на сознание населения.

Анализируя то, какие цели и какие идеи пытается внедрить в массовое сознание тот или иной источник информации, к каким последствиям приведет развитие идей, которые он пытается стимулировать, можно понять – формирует ли этот источник информацию экстремистской направленности или нет.

В основу формальной модели, описывающей деструктивное влияние информационных потоков на индивидуальное и массовое сознание, должно быть положено представление о системах ценностей социальных групп, а также лиц, склонных к проявлениям терроризма и экстремизма.

Поскольку при оценке влияния информационных потоков в рассматриваемом аспекте специалисты должны обращать вни-

мание на изменение сознания индивидов с точки зрения появления у них соответствующих мотивов, то они (аналитики) прежде всего должны задать предельные состояния систем ценностей, которые соответствуют лицам, склонным к совершению экстремистских и террористических действий.

Основная идея подхода к анализу информационных потоков заключается в сопоставлении ценностных портретов лиц, склонных к экстремистской и террористической деятельности, тех образов «идеальных героев», которые пытаются создать в сознании населения те или иные источники информации, а также ценностных портретов представителей тех или иных социальных групп. Например, молодой человек видит на экране некий эпизод фильма, в котором некто с «благородной» целью совершает насильственные действия («джихад») в отношении другого лица. Но с точки зрения фундаментальных ценностей насилие, экстремизм, терроризм есть зло. И в этом смысле данное информационное сообщение навязывает ему идею оправдания зла. На основании проведенного анализа данного условного примера мы можем сказать, что источник информации пытается оказать давление на систему ценностей потребителей информации с целью осуществления определенной трансформации, т.е. создания в сознании зрителя, читателя соответствующего ценностного идеала.

Подсчитывая общее количество таких эпизодов (точнее подобного рода оценок, отдельно положительных и отрицательных) можно построить ценностный портрет идеала, навязываемого источником данного информационного сообщения (фильма, передачи, статьи, сайта и т.п.). При этом необходимо ставить две главные цели: выявление смещения к террористическим портретам; выявление к созданию благоприятной для экстремизма и терроризма атмосферы (состояние ужаса, ожидание трагедий и т.п.).

Кроме того, постоянный мониторинг информационных потоков, циркулирующих в средствах массовой коммуникации, позволит: осуществлять стратегический анализ

политической, социальной информации; направленность информационной политики субъектов информационного пространства (экстремизм, национализм, радикализм и т.п.); определять, как эта политика выстроена в русле матриц сознания различных социальных слоев и в целом населения России. Важно постоянно учитывать результаты мониторинга при разработке и проведении мероприятий информационного противоборства, выявлении заказчиков подрывных акций, блокировании материалов негативного характера. Такая система должна быть одним из ключевых звеньев диагностики состояния информационной среды российского общества.

Рассматривая вопрос противодействия распространению идеологии терроризма и активизации работы по информационно-пропагандистскому обеспечению анти-террористической деятельности, нельзя не остановиться на такой серьезной проблеме в нашей стране, как использование в борьбе с экстремизмом и терроризмом средств массовой информации.

Ситуация остается весьма сложной. За последнее двадцать с лишним лет в Российской Федерации произошло катастрофическое падение духовности и нравственности в обществе. Распространился правовой нигилизм во всех социальных слоях населения, включая представителей органов исполнительной власти. Постоянное присутствие идеологии насилия и культа жестокости в электронных средствах массовой информации стало будничным явлением. Идея о допустимости применения силы для достижения важных социальных или политических целей стала нормальным явлением. Таким образом (и это подтверждает международная практика) внедрение в ментальность россиян жестокости, идеи о допустимости применения насилия, "привыкание" к нему граждан Российской Федерации создают благоприятную почву для распространения в стране экстремизма и терроризма.

Полагаем, что российским обществом крайне востребована цензура, но не огульная, не тотальная, а вполне разумная. И здесь трудно не согласиться с мнением

председателя Союза журналистов России В.Л. Богдановым: «...могут быть найдены меры законодательного обеспечения этических норм на телевидении. Ни один человек, находящийся в здравом уме, не станет возражать против намерения обуздать насилие на телеэкране, равно как и в жизни». [3]

Противодействие негативным информационно-пропагандистским воздействиям, как в целом, так и в особенности в системе противодействия экстремистской и террористической деятельности, имеет громадное значение, как для отдельного человека, так и для общества в целом. Целью противодействия информационно-пропагандистскому воздействию является выявление, предупреждение, пресечение или нейтрализация деструктивного информационно-пропагандистского воздействия на людей и последующее изменение в пользу общества, соотношения морально-пропагандистской устойчивости сторон, поддержание ее на уровне, необходимом для успешного проведения антитеррористической деятельности и, соответственно, достойного ведения политической, социальной и экономической деятельности государства.

Мероприятия по нейтрализации информационно-пропагандистского воздействия должны предусматривать следующие механизмы:

- прогнозирование, что предполагает выявление угроз и оценку ущерба применения средств деструктивного пропагандистского воздействия. При этом, прежде всего, необходимо выявлять силы пропагандистского воздействия, которые могут быть привлечены для массового деструктивного информационно-пропагандистского воздействия, спрогнозировать направленность и результат их действия;

- профилактика информационно-пропагандистского воздействия предполагает осуществление ряда превентивных мероприятий по снижению восприимчивости и подверженности населения информационно-пропагандистскому воздействию. Главным инструментом является систематическая, профессионально (не формально) подготовленная контрпропаганда, разъяс-

нение обществу истинных целей, способов, возможных последствий акций информационно-пропагандистского характера;

- пресечение информационно-пропагандистского воздействия достигается своевременным выявлением и предупреждением сил, средств, способов пропагандистского воздействия (уничтожение материалов, доказательное опровержением слухов и т.п.).

- ликвидация последствий информационно-пропагандистского воздействия предполагает анализ и оценку результатов, причин эффективности, наиболее слабых мест в системе информационно-пропагандистского противоборства, организация и проведение мероприятий по оптимизации всей системы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма и активизация работы по информационно-пропагандистскому обеспечению антитеррористической деятельности.

К основным технологическим средствам информационно-пропагандистского противодействия следует отнести:

- постоянное (неформальное, а продуманное) регулярное информирование общества, где следует: разъяснять цели, задачи, направленность преступных информационно-пропагандистских акций экстремистского и террористического характера; показывать приемы и технику ведения деструктивных информационно-пропагандистских операций;

- регулярный анализ с отражением выводной информации для специалистов в области превенции, по вопросам постоян-

но меняющейся тематики, направленности, символики и т.п. информационно-пропагандистских акций экстремистского характера с целью активного предупреждения и пресечения деструктивных воздействий;

- разумный цензорский контроль материалов, предлагаемых средствами массовой информации (коммуникации), а также выявление, предупреждение и пресечение деятельности лиц и организаций, осуществляющих устную пропаганду, направленную на разжигание социальной, национальной и религиозной розни;

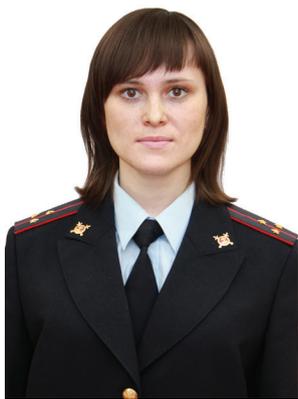
- обязательный и постоянный контроль за общественным мнением в условиях информационно-пропагандистского воздействия экстремистской, террористической и иной деструктивной направленности с регулярным информированием заинтересованных государственных институтов;

- оценка уязвимости массового сознания от деструктивного информационно-пропагандистского воздействия и прогнозирование последствий, при этом обращая особое внимание на возможный взрыв антиобщественных проявлений и массовых беспорядков.

Эффективность информационно-пропагандистского противодействия достигается тем, что оно планируется и осуществляется с учетом особенностей преступного воздействия, реального морально-политического, социального и психологического состояния общества и складывающейся обстановки как в стране целом, так и в конкретном регионе, ведется непрерывно и комплексно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грачев С.И. Особенности современного терроризма и проблемные аспекты в системе антитерроризма// Власть. 2012. № 7. С.95-96.
2. Грачев С.И. Место средств массовой коммуникации в борьбе с терроризмом // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 3. С.218-224.
3. Илларионов С.И. Террор и антитеррор в современном мироустройстве. М.: РИЦ ПрофЭко, 2003. С.668-671.

Э.Д. Шайдуллина

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ И ОБОРОТОМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье рассматривается опыт борьбы с преступлениями в сфере незаконного производства и оборота алкогольной продукции в зарубежных государствах. Дан сравнительный анализ уголовного законодательства стран англо-саксонской, скандинавской, романо-германской и мусульманской правовых семей по вопросам уголовно-правового противодействия незаконному производству и обороту алкогольной продукции.

Ключевые слова: незаконное производство и оборот алкогольной продукции, уголовное законодательство, уголовная ответственность, наказание в виде лишения свободы, контрабанда алкогольной продукции.

В соответствии с ч. 1 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, ... который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи ...». Кроме того, «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности...» (ч. 1 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека). [1] При этом преступления, совершаемые в сфере производства и оборота алкогольной продукции, посягают, и на здоровье, и на полноценное развитие личности человека.

Национальная же политика различных государств в сфере противодействия незаконному производству и обороту алкогольной продукции имеет некоторые особенности в зависимости от традиций и сложившейся ситуации в данной экономической отрасли в каждой стране. Эти особенности объясняются принадлежностью того или иного государства к конкретной правовой семье, имеющей общие источники права, структуру, основные правовые понятия.

В странах англосаксонской правовой системы (Великобритания, США, Канада, Новая Зеландия, Австралия и т.д.) основными источниками права являются судебные прецеденты, имеющие обязательную силу для них самих и нижестоящих судов, статуты – законодательные акты так называемого делегированного законодательства.

В частности, в Великобритании произ-

водство и оборот алкогольной продукции, как и в России, регулируются несколькими законами, например, Законом о торговле спиртными напитками 1967 г., Законом о властях г. Лондона 1963 г., Законом о местной власти 1982 г. и прочими нормативными правовыми актами.

Основным видом контроля государственных органов Британского Королевства за производством и оборотом алкогольной продукции является лицензирование данной деятельности. В настоящее время в Великобритании насчитывается 12 основных видов лицензий на продажу алкогольной продукции (в том числе пиво), выдачу которых и последующий контроль осуществляют судебные органы и полиция.

В ноябре 2005 г. в Великобритании был отменен действовавший ранее ограниченный режим продажи алкогольной продукции в ночное время.

Учитывая, что Великобритания является одним из государств, где распространено домашнее производство алкогольных напитков [2], английское уголовное законодательство устанавливает ответственность за кустарное изготовление алкоголя в домашних условиях с целью его продажи. Мера наказания зависит от рецидива совершенного преступного деяния. Так, за совершение данного противоправного деяния впервые виновное лицо получает предупреждения, за вторичное совершение – штраф в размере 25-40 фунтов стерлингов, а за последу-

ющие рассматриваемые преступные деяния – штраф в размере 100 фунтов стерлингов либо тюремное заключение на несколько месяцев. При этом необходимо помнить, что в последние годы в Великобритании развивается тенденция по ограничению применения наказания в виде тюремного заключения с использованием его только в случаях наиболее тяжких преступлений.

В Соединенных Штатах Америки (далее – США) противодействие незаконному производству и обороту алкогольной продукции происходит как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов.

При этом на федеральном уровне уголовное законодательство в соответствии с § 13 раздела 18 Свода законов США [3] применяется в случае совершения преступления, затрагивающего интересы нескольких штатов либо США в целом, или если преступление совершено на территориях федерального значения (национальных парков, заповедников и т.д.), а также в иных случаях, предусмотренных в данном параграфе.

Уголовная ответственность за незаконное производство и оборот алкогольной продукции в США на федеральном уровне предусмотрена рядом нормативно-правовых актов: Законом о крепких алкогольных напитках, включенным в раздел 18 Свода законов США, отдельными положениями разделов 26 и 59 данного Свода и иными законами США. Чаще всего рассматриваемые преступные деяния по федеральному законодательству США отнесены к мисдиминарам, т.е. преступлениям небольшой тяжести, за совершение которых предусматривается мера наказания в виде одного года тюремного заключения либо штраф в размере до 1 000 долларов США.

В частности, согласно § 1262 Раздела 18 Свода законов США лицо, осуществляющее незаконный импорт или поставку спиртных напитков в любой штат или район, где запрещена торговля алкоголем, подлежит уголовной ответственности, за исключением случаев, когда такая продукция поставляется для научных, ритуальных или иных указанных в законе целей. В качестве наказания за совершение данного преступления предусмотрен штраф в размере до 1 000 долларов или лишение свободы сроком до 1 года, либо оба наказания одновременно.

Параграф 1263 Раздела 18 Свода законов США предусматривает уголовную ответственность за умышленную транспортировку по территории США контейнеров с алкогольной продукцией без товарно-транспортной накладной, а также документов, удостоверяющих личность получателя либо отправителя груза и количество перевозимого груза. Данное преступление также является мисдиминаром, и за его совершение предусмотрено наказание, применимое к данной категории преступных деяний.

При этом § 3669 Раздела 18 Свода законов США предусматривает конфискацию транспортных средств, используемых его владельцем либо другими лицами для транспортировки алкогольной продукции на территории, где торговля ею запрещена.

В параграфах 5601 и 5602 Раздела 26 Свода законов США запрещается создание и содержание спиртового производства без соответствующего документального разрешения.

Функциями по контролю над производством и оборотом алкогольной продукции в США наделено Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака и огнестрельного оружия Министерства финансов. Борьбу с контрабандой алкогольной продукции осуществляют таможенная служба, береговая охрана, а также полицейские подразделения, расположенные в пограничных с Мексикой и Канадой районах.

Кроме того, имеются специальные органы по контролю над производством и оборотом алкогольной продукции на уровне штатов – контрольные комиссии, наделенные широкими полномочиями. В частности, они занимаются вопросами лицензирования производства и торговли алкогольной продукции, разрабатывают инструкции по стандартизации качества данной продукции. Данные комиссии вправе подвергнуть проверке любую организацию, производящую или реализующую алкогольную продукцию, и в случае обнаружения каких-либо правонарушений – провести комплексный анализ хозяйственно-финансовой деятельности проверяемой организации. В отдельных случаях, для оздоровления криминогенной ситуации в штате, комиссия может привлечь к данным проверкам правоохранительные органы (полицию, шерифа, маршала, представителей суда и муниципа-

литета). [4]

На уровне штатов США санкции за нарушения законодательства о производстве и обороте алкогольной продукции различимы по разнообразию и степени суровости, однако в основном, как и на федеральном уровне, представлены в виде наказаний за совершение преступлений-мисдиминоров.

Так, например, Уголовный кодекс штата Вермонт [5] предусматривает уголовную ответственность как физических, так и юридических лиц, ввозящих без разрешения на территорию штата алкогольную продукцию. За подобные деяния предусмотрена санкция в виде лишения свободы на срок до одного года, либо штраф в размере до 1 000 долларов США, либо оба наказания одновременно.

В Уголовном кодексе штата Техас нет, как и в УК РФ, отдельной статьи, предусматривающей ответственность за незаконное производство и оборот алкогольной продукции, однако ст. 32.42 УК штата Техас предусматривает уголовную ответственность за «обманные приемы ведения бизнеса» с санкцией, применяемой к преступлениям-мисдиминорам. [6]

В штате Небраска лица, уклоняющиеся от уплаты налогов за реализуемую алкогольную продукцию, подлежат уголовной ответственности и караются конфискацией всей имеющейся у данных лиц алкогольной продукции и штрафом в двойном размере неуплаченной суммы налога. [7]

В России за вышеописанные преступные деяния, предусмотренные уголовным законодательством штатов Техас и Небраска, уголовная ответственность наступает по ст. 171 УК РФ.

Следует также отметить, что немалую озабоченность для США и Канады играет контрабанда алкогольной продукции. В данных государствах контрабандисты создали сеть по нелегальной переброске и торговле алкогольными напитками на канадском нелегально рынке. Сложившаяся ситуация подтолкнула власти США и Канады к объединению усилий правоохранительных органов в борьбе с данными преступлениями. Такого рода взаимодействие позволило достичь значительных успехов в сфере уголовного преследования контрабандистов, конфискации их доходов, международного обмена информацией о преступниках и т.д. [8]

Не содержит статей, предусматривающих непосредственно уголовную ответственность за совершение преступлений в сфере производства и оборота алкогольной продукции, и Уголовный кодекс Австралии. [9] Однако ряд норм могут быть применимы в случае совершения данных преступных деяний. В частности, п.п. ii п. а ч. 1 ст. 144.1 «Подделка» предусматривает уголовную ответственность за составление фальшивого документа с целью получения нечестным образом выгоды или причинения нечестным образом потерь, а также наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет. Аналогичное наказание предусмотрено ст. 145.1 УК Австралии за использование фальшивого документа. По УК РФ за указанные преступления уголовная ответственность наступает по ст. 327, предусматривающей наказание в виде лишения свободы сроком до 2 лет (за подделку) и от 3 до 6 лет (за использование заведомо подложного документа).

Обращаясь к западным странам, необходимо отметить, что скандинавские страны до сих пор занимают первые места в Европе в спектре ограничений на производство и оборота алкогольной продукции. В частности, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция до сих пор сохранили монополию государства на розничную продажу алкоголя. [10]

При этом уголовное законодательство Франции, Норвегии, Испании, Аргентины, Кореи, Турции, Японии и многих других европейских и азиатских стран не содержат специальных разделов, статей или параграфов, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в сфере производства и оборота алкогольной продукции. Аналогично и УК РФ лица, совершившие преступления в исследуемой отрасли экономики, привлекаются к уголовной ответственности по другим статьям Уголовного кодекса.

Например, ст. 308 Уголовного кодекса Республики Сан-Марино [11] предусматривает уголовную ответственность за фальсификацию или изменение маркировки промышленной продукции, а также за приобретение с целью распространения и распространение данной продукции. Описанный в данной статье состав преступления соответствует составу преступления, предусмотренному ст. 171.1 УК РФ.

По аналогу со статьей 180 УК РФ статьи

273-276 Отдела 2 «О преступлениях, связанных с промышленной собственностью» УК Испании [12] предусматривают уголовную ответственность за незаконное использование товарного знака с промышленной или коммерческой целью.

Кроме того, ст.ст. 243 и 248 Уголовного кодекса Республики Сан-Марино [13], ст.ст. 200, 201 и 207 Уголовного кодекса Аргентины [14], § 153 Уголовного кодекса Норвегии [14], а также ст.ст. 394-396 Уголовного кодекса Турции [16] предусматривают уголовную ответственность за преступления, которые соответствуют преступным деяниям, предусмотренным в ст. 238 УК России, в части производства, хранения, перевозки либо сбыта продукции, не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей.

Также ст.ст. 231, 234 и 236 Уголовного кодекса Республики Корея [17] и ст.ст. 344, 346-349 Уголовного кодекса Турции [18] предусматривают уголовную ответственность за подделку и использование подложных документов, за совершение которых в России уголовная ответственность наступает в соответствии со ст. 327 УК РФ.

В ряде же европейских и азиатских стран уголовное законодательство предусматривает ответственность непосредственно за производство и оборот алкогольной продукции.

В частности, § 188 Главы 20 «Преступления, вызывающие опасность для общества» УК Дании [19] устанавливает уголовную ответственность за продажу или попытку иным образом распространить, скрывая вредоносный характер вещества, продукты питания или спиртные напитки, вредные для здоровья вследствие порчи, неправильного приготовления, способа хранения или вследствие иных причин, и предусматривает наказание в виде тюремного заключения на срок до 6 лет или, при смягчающих обстоятельствах, простому заключению под стражу или штрафу.

Уголовный кодекс ФРГ в § 314 Раздела 28 «Общепасные преступные деяния» [20] за вышеуказанное преступление предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от года до 10 лет.

Статья 193 Закона об уголовном праве Израиля [21] предусматривает уголовную ответственность за продажу алкогольных напитков лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, и меру наказания в виде тюремного заключения сроком от трех до шести месяцев, в зависимости от степени тяжести совершенного преступления.

Уголовный кодекс Латвии предусматривает ответственность за нарушение правил хранения или перевозки и алкогольных напитков (ст. 221 УК Латвии). [22] При этом в соответствии с ч. 1 ст. 221 уголовная ответственность наступает за совершение указанных действий повторно в течение года и влечет наказание в виде ареста, или принудительных работ, или штрафа. За совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору или в крупных размерах предусмотрено наказание в виде лишения свободы до 2 лет или штрафа до 100 МРОТ с конфискацией имущества (ч.2 ст. 221).

Статья 201 Уголовного кодекса Литвы [23] предусматривает уголовную ответственность за незаконное изготовление, хранение, перевозку крепких алкогольных напитков домашнего производства и приборов для их изготовления с целью сбыта либо их сбыт, а также санкцию в виде штрафа, либо ограничения свободы, либо лишения свободы сроком от двух до пяти лет, в зависимости от степени тяжести и квалифицирующих признаков совершенного преступления.

Уголовный кодекс Эстонии содержит две статьи, предусматривающие уголовную ответственность за незаконное производство и оборот алкогольной продукции. Так, ст. 149 УК Эстонии предусматривает ответственность за изготовление, сбыт или хранение крепких спиртных напитков домашней выработки, а ст. 149.1 – уголовную ответственность за незаконное производство алкогольных напитков. Санкции данных статей предусматривают наказания в виде штрафа, ареста или лишения свободы. [24]

В некоторых мусульманских странах, таких как Саудовская Аравия, Ливия, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Иран, Пакистан, где многие юридические нормы основаны на шариате, только за употребление, продажу или ввоз в страну спиртных напитков предусмотрены суровые уголовные наказания вплоть до смертной казни, не говоря уже о незаконном производстве и обороте алкогольной продукции. [25]

Подводя итог, можно сделать вывод, что производство и оборот алкогольной продук-

ции – это один из источников крупных доходов отдельных государств, особенно тех, в которых указанная деятельность является в качестве традиционного ремесла.

Уголовное же законодательство некоторых зарубежных стран, аналогично Уголовному кодексу РФ, не содержит отдельных статей, предусматривающих уголовную ответственность непосредственно за незаконное производство и оборот алкогольной

продукции. Ответственность за совершение преступлений в данной отрасли экономики предусмотрена уголовными кодексами в тех государствах (например, США, Германия, Израиль, Дания, Латвия, Литва, вышперечисленные мусульманские страны и т.д.), где они представляют повышенную опасность либо запрещены в соответствии с религиозными устоями жизнедеятельности в отдельных странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948. // Ведомости СНГ и ВС СССР. 1991. № 37. Ст. 1083.
2. Помимо Великобритании, домашнее производство алкогольных напитков (вин, сидров, настоек, сливовиц и т.д.) традиционно развито в Италии, Испании, Франции, Португалии, ФРГ, Венгрии, Румынии, Болгарии; производство крепких алкогольных напитков в домашних условиях распространено в Польше и Финляндии.
3. United States code. 2004 edition / Prep. a. publ. under authority of Title 2, U.S. Code, Sect. 28b, by the Office of the Law rev. counsel of the House of representatives Washington: US. Gov print. off., 2005.
4. Коновченко К.Ю. Предупреждение незаконного оборота алкогольной продукции за рубежом // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 6. С.110.
5. Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М., 2009. С. 204.
6. Уголовный кодекс штата Техас. СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. С.321-327.
7. Соловьев О.Г. Грибов А.С. Опыт законодательной регламентации ответственности за экономические преступления в УК отдельных штатов Америки // Российский следователь. 2008 № 24. С.37.
8. Горкина Л.А. Факторы, обуславливающие развитие теневой экономики в зарубежных странах и в России // Налоги. 2009. № 3. С. 8-9.
9. Уголовный кодекс Австралии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С.245, 248.
10. Room R. International Control of Alcohol: Alternative Paths Forward. Drug and Alcohol Review, 2006. P. 581.
11. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С.204-205.
12. Уголовный кодекс Испании. М.: Зерцало, 2010. С. 88.
13. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С.172, 176.
14. Уголовный кодекс Аргентины. СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. С.167-168, 171.
15. Уголовный кодекс Норвегии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С.160-161.
16. Уголовный кодекс Турции. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С.254.
17. Уголовный кодекс Республики Корея. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С.154, 156.
18. Уголовный кодекс Турции. СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. С.231-232.
19. Уголовный кодекс Дании. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. С.228.
20. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 522.
21. Закон об уголовном праве Израиля. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С.200-201.
22. Уголовный кодекс Латвии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С.283.
23. Уголовный кодекс Литовской Республики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. С.246.
24. Пенитенциарный кодекс Эстонии. Таллинн: Riigi Teataja, 2010. С.226-227.
25. Еремеев Д. Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. М., 2008. С.36.

А.А. Юнусов

Д.А. Неганов

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье рассматриваются теоретические вопросы защиты прав и интересов участников процесса в рамках реализации принципа законности в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: законность, возбуждение уголовного дела, прокурорский надзор, судебный контроль, потерпевший, уголовное преследование, ведомственный контроль.

В советской уголовно-процессуальной доктрине принцип законности понимался как обязанность участников процесса соблюдать все требования материальных и процессуальных законов.[1] Законодатель, при формулировании норм УПК РФ, внес в уголовный процесс элемент состязательности и закрепил в отдельной норме сущность законности как одного из принципов уголовного судопроизводства.

Ст. 7 УПК РФ законность определяет посредством следующих предписаний:

- 1) главенствующее положение УПК РФ в системе уголовно-процессуальных норм;
- 2) возможность признания недопустимыми полученных доказательств судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства в случае нарушения норм УПК;
- 3) требование законности, обоснованности и мотивированности промежуточных и итоговых решений по делу.

Подобное понимание законности определяет рамки волеизъявления в принятии решений, последовательность и направленность действий должностных лиц суда и стороны обвинения в рамках уголовно-процессуальных отношений. Законность определяет последовательность и направленность действий должностного лица, ведущего процесса, заменяя свободу его усмотрения

волей закона. В данном случае это позволяет сделать вывод о смешанном российском уголовном процессе, несмотря на закрепление состязательности в ст. 15 УПК РФ.

В широком смысле режим законности есть то, что позволяет считать уголовное судопроизводство собственно правовым явлением, а не расправой.

Следует отметить, что рядом авторов законность определяется только как применение «законных» законов. Еще Платон отмечал, что законность – это «повиновение правильным законам». [2] Отметим, что смысл, вкладываемый в понятие законности, зависит и от исследователя данного феномена, и от действующей на определенном этапе развития уголовно-процессуального права уголовно-процессуальной формы, и от многих иных причин, перечислять которые в рамках данного исследования считаем нецелесообразным.

Мы будем под законностью понимать совокупность предписаний, содержащихся в УПК РФ: требование легальности в деятельности и решениях должностных лиц органов, ведущих процесс. Законность не может рассматриваться в качестве требования установить объективную истину, провести всестороннюю, полную и объективную проверку сообщения о преступлении и принять по итогам этой проверки решение,

без учета интересов стороны защиты, без обеспечения соответствующего уровня защиты прав и законных интересов личности. Законность определяет инициативу, а также последовательность и направленность действий должностного лица, ведущего процесс. Источник движения следственной части российского судопроизводства должен заключаться в универсальном требовании неукоснительного исполнения предписания части 4 ст. 7 УПК, всестороннем и полном установлении всех обстоятельств, образующих предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ). При этом требование обоснованности и мотивированности должно касаться не только решений публичных органов, но и действий, ими осуществляемых.

Следует отметить и тот факт, что пределы доказывания на каждом этапе судопроизводства свои: на стадии возбуждения уголовного дела они ограничиваются достаточными данными, указывающими на признаки преступления, в последующих стадиях они расширяются до установления всех обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Для проверки и оценки законности проводимых в рамках процессуальных отношений действий и принимаемых решений в уголовном судопроизводстве предусмотрена целая система средств, в качестве которых выступают прокурорский надзор, судебный и ведомственный контроль.

Деятельность в стадии возбуждения уголовного дела осуществляется всем перечнем должностных лиц и органов, ведущих процесс, в том числе и судом, принимающим решения о возбуждении уголовных дел частного обвинения, и судебный контроль правоотношений в данной стадии. Следует отметить, что полномочия лиц, принимающих итоговое решение по существу стадии, также весьма различны, поскольку порядок возбуждения уголовных дел частного обвинения существенно отличается от возбуждения уголовных дел других категорий.

Специфика стадии возбуждения уголовного дела обусловлена, прежде всего, самим характером деятельности, осуществляемой в ней, - она заключается в преимущественно непроцессуальных способах познания [3],

в ограниченном круге средств доказывания. На данном этапе вопрос о наличии преступления однозначно еще не решен и деятельность в данной стадии носит черты административной.

Так, по мнению Ю.В. Деришева, в стадии возбуждения уголовного дела осуществляется административное производство «по проверке фактов, схожих по объективной стороне с правонарушениями... возникновение уголовно-процессуальных отношений... до появления преступления - это и есть незаконное и необоснованное ограничение прав личности, а также проявление «процессуальной расточительности». [4] Мы не будем останавливаться на оценке этого утверждения, отметим лишь, что изменение административных полномочий правоохранительных органов должно непосредственно отразиться и на стадии возбуждения уголовного дела. Мы, вслед за профессором Л.В. Головкин, считаем, что реформа полиции может привести к преодолению советского наследия и подлинной модернизации, только если будет одновременно рассматриваться как реформа уголовной полиции, а вместе с ней и всего предварительного производства в уголовном процессе.[5]

Стадия специфична по характеру уголовно-процессуальных отношений, реализуемых процессуальными субъектами, их компетенции. Кроме того, добавляет специфики и ограниченный лимит времени, отведенный законодателем на проверку сообщений о преступлениях. Материал проверки формируется путем проведения по поступившему сообщению о преступлении процессуальных действий (в том числе и следственных) и оперативно-розыскных мероприятий. Анализ требований закона, регламентирующих первую стадию уголовного процесса, позволяет сделать вывод о том, что деятельность специально уполномоченных органов не сводится лишь к получению повода к возбуждению уголовного дела, анализу оснований и принятию решения о возбуждении уголовного дела, а является более широкой. Указанные обстоятельства возникли не вчера. УПК РСФСР позволял получать объяснения и проводить в качестве проверочного

мероприятия осмотр места происшествия. В свою очередь УПК РФ существенно увеличил срок проверки сообщения о преступлении, расширив перечень следственных действий, производство которых допустимо до возбуждения уголовного дела.

Полагаем, что оценка прокурором постановления о возбуждении уголовного дела с точки зрения законности и обоснованности, ознакомление участников с итоговым решением также относятся к первой стадии, несмотря на то, что указанные действия лежат вне границ стадии возбуждения уголовного дела. В решении следователя (дознателя) констатируется факт принятия дела к своему производству, то есть речь идет уже о начатой стадии предварительного расследования.

Решения в стадии возбуждения уголовного дела должны быть законными и обоснованными. Несоблюдение этого требования влечет за собой нарушение законности и прав граждан, препятствует успешной борьбе с преступностью. Постановления, не соответствующие закону, не должны оставаться в силе, и прокурор обязан отменить их своим мотивированным постановлением. В постановлении прокурора указываются причины отмены постановления. Следует отметить, что постановление следователя о возбуждении уголовного дела прокурор может отменить только в течение 24 часов с момента поступления соответствующих материалов прокурору. По отношению к дознавателю прокурор может указать, что и в какой срок необходимо выполнить для устранения допущенных нарушений законности.

Предметом прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела, согласно ст. 29 ФЗ «О прокуратуре РФ», является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий, а также законность решений, принимаемых поднадзорными органами.

Помимо прокурора, обеспечение законности в стадии возбуждения уголовного

дела возложено и на руководителей соответствующих подразделений правоохранительных органов, осуществляющих прием, проверку и разрешение сообщений о преступлениях. Начальников территориальных органов МВД России приказ № 140 обязывает [6] обеспечить соблюдение этими подразделениями установленного порядка приема и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях.

В соответствии с данным приказом зарегистрированные материалы докладываются руководителю территориального органа. В резолюции по материалу об отказе в возбуждении уголовного дела, возвращенному для проведения дополнительной проверки, руководитель территориального органа в письменном виде определяет исполнителя и сроки проведения дополнительной проверки с учетом сроков, определенных прокурором. Начальники территориальных органов МВД России несут персональную ответственность за соблюдение законности при приеме, регистрации и разрешении заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях и о происшествиях, при этом, они осуществляют ежедневный контроль за соблюдением сроков разрешения заявлений о преступлениях, об административных правонарушениях и о происшествиях, а также правильностью ведения КУСП, о чем делают соответствующую запись на рапорте в книге приема и сдачи дежурства. Для проведения сверок полноты регистрации заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях и о происшествиях в территориальном органе МВД России создается комиссия, состав которой утверждается приказом начальника территориального органа МВД России.

Статья 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» устанавливает, что одной из основных задач Следственного комитета является обеспечение законности при приеме, регистрации, проверке сообщений о преступлениях.

Приказ Следственного комитета от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предва-

рительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» имеет нормативные предписания, относящиеся к стадии возбуждения уголовного дела. Так, при организации проверок сообщений о преступлениях особое внимание процессуальным руководителям следует обращать на полное и объективное исследование обстоятельств, подтверждающих наличие признаков преступления.

Указанная деятельность должна осуществляться при продлении 3-суточного срока проверки сообщения о преступлении. Продлевая сроки проверки сообщения о преступлении, руководитель должен требовать от следователя представления мотивированного ходатайства о необходимости ее продолжения. При этом давать указания об установлении конкретных обстоятельств происшедшего, а если требуется - о привлечении к участию в проверке специалистов. Не допускать принятия процессуальных решений по результатам проверки без исполнения ранее данных указаний в полном объеме.

Помимо этого, руководителю следственного органа следует безотлагательно проверять законность и обоснованность постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, принятых по результатам проверки сообщений о преступлениях. В каждом случае вынесения незаконного и необоснованного решения рассматривать вопрос об ответственности должностного лица, его вынесшего.

Кроме того, осуществляя ведомственный контроль в стадии возбуждения уголовного дела, ведомственный руководитель должен обеспечивать своевременность выездов следователей и прокуроров-криминалистов на место происшествия, квалифицированное проведение его осмотра с обязательным привлечением к данному следственному действию специалистов, своевременное назначение судебных экспертиз, предоставление в распоряжение экспертов необходимых следственных материалов, личное присутствие следователя при проведении судебно-медицинского вскрытия трупа, применение современных технико-криминалистических и иных специальных

средств, методик и научных рекомендаций для обнаружения следов преступления, установления других обстоятельств, имеющих значение для расследования и раскрытия преступления.[7]

При наличии признаков убийства, совершенного без очевидцев, двух и более лиц, акта терроризма, аварии, возникновения чрезвычайных ситуаций и техногенных катастроф, повлекших человеческие жертвы, значительные разрушения и иные тяжкие последствия, а также преступлений, имеющих большой общественный резонанс, с целью организации квалифицированного проведения первоначальных следственных действий и взаимодействия с оперативно-розыскными подразделениями, органами исполнительной власти и местного самоуправления руководитель следственного органа должен лично выезжать на место происшествия.

Помимо процессуального руководства проводимыми проверочными действиями в стадии возбуждения уголовного дела, руководитель следственного органа обязан проверять законность и обоснованность принимаемых следователями итоговых решений первой стадии процесса. Ему следует принять соответствующие меры, чтобы исключить принятие следователями решений о возбуждении уголовного дела без наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В случае признания незаконным и необоснованным возбуждение уголовного дела проводить по данному факту служебную проверку и принимать меры к привлечению виновных к ответственности, вплоть до уголовной.

Судебный контроль, как форма процессуального контроля за законностью досудебного производства на этапе возбуждения уголовного дела, может осуществляться и при рассмотрении жалоб на отказ в приеме сообщений о преступлении. В качестве субъекта обжалования могут выступать практически любые участники уголовного судопроизводства, а также и лица, не имеющие процессуального статуса в деле, но в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессу-

альные решения затрагивают их интересы. Недопустимы ограничения права на судебное обжалование решений и действий (бездействия), затрагивающих права и законные интересы граждан, лишь на том основании, что они не были признаны в установленном законом порядке участниками уголовного судопроизводства, поскольку обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина должно вытекать из фактического положения этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права.

Таким образом, и для судебного контроля приоритетным направлением деятельности является реализация именно правозащитной функции [8], что соответствует ст. 2, 18, 46, 52, 118 Конституции РФ, а также роли и назначению суда в правовом государстве. [9] На досудебных стадиях уголовного судопроизводства это право в основном реализуется в порядке судебного рассмотрения жалоб на решения и действия должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Таким образом, цели деятельности прокурора и суда по обеспечению законности досудебного производства являются однопорядковыми. Оба органа призваны посредством обеспечения законности реализовывать защиту прав и свобод человека и гражданина. Причем, и прокурор, и суд данную деятельность осуществляют не обособленно, а взаимодействуют друг с другом. Ф.М. Кобзарев, исследовав цель взаимодействия прокурора и суда в уголовно-процессуальной сфере, пришел к следующему выводу. Её значимость проявляется в повышении «уровня достигаемости цели по утверждению и укреплению законности и правопорядка, защите прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, формированию уважительного отношения к закону и приверженности к общечеловеческим ценностям, а также задач по всестороннему, полному, объективному и своевременному установлению обстоятельств каждого дела, обеспечению принятия законных, обоснованных решений по делу, защите прав и законных интересов лиц и организаций,

потерпевших от преступлений, посредством обнаружения и уголовного преследования лиц, совершивших преступление, их осуждения и справедливого наказания, защите прав лиц, подвергнутых уголовному преследованию, обвинению, осуждению, ограничению их прав и свобод, предупреждению преступлений, обеспечению гласности и доступа к справедливому судебному разбирательству». [10]

УПК РФ не предусматривает исчерпывающего количества норм, регламентирующих данную деятельность, то есть исчерпывающего перечня правил производства на этом этапе УПК РФ не содержит. В правоохранительных органах, осуществляющих прием сообщений о преступлениях, приняты Инструкции по упорядочиванию данной деятельности. [11]

Практически общепризнанным в науке отечественного уголовно-процессуального права является вывод о том, что форма российского процесса носит смешанный характер, причем досудебное производство является по форме следственным, а судебное – состязательным. Однако ст. 15 УПК РФ провозглашает состязательность всего уголовного процесса, а не только судебной его части. В связи с этим полагаем, что расширение состязательности досудебного производства будет продолжаться, в том числе, и в ходе проводимой реформы предварительного расследования.

Наиболее существенным для участников уголовного судопроизводства, имеющих признаваемый законом интерес в деле, является решение, в котором нашел разрешение вопрос о закреплении их статуса. Для стадии возбуждения уголовного дела таким решением условно является постановление о возбуждении уголовного дела. [12]

Для участников судопроизводства не столь важно, как называется данное решение – о возбуждении уголовного дела или уголовного преследования. Лицо, в отношении которого принято решение, в первую очередь интересуется обеспечением его прав и законных интересов (процессуальный статус), а не тот документ, которым он присвоен. Более того, законодатель по-

шел по пути расширения перечня решений (постановлений), закрепляющих процессуальный статус участников уголовного судопроизводства. УПК РСФСР в качестве подозреваемого (ст. 52) рассматривал лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, или лицо, в отношении которого избрана мера пресечения до предъявления обвинения. УПК РФ пошел по пути расширения этого перечня.

Так, в настоящее время, кроме задержания или избрания меры пресечения, лицо становится подозреваемым также при возбуждении в его отношении уголовного дела или направлении уведомления о подозрении.[13] Кроме того, при определении статуса участника уголовного судопроизводства следует учитывать позицию Конституционного Суда, выраженную им в постановлении от 27 июня 2000 г. по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова.[14] Конституционный Суд указал, что в целях реализации конституционного права на помощь адвоката (защитника) «необходимо учитывать не только процессуальные, но и фактические признаки положения лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование». Полагаем, что данное правило по вопросу определения статуса должно распространяться и на других участников стадии уголовного судопроизводства, чье правовое положение решением должностного лица правоохранительного органа еще не определено и определено быть не может (заявитель-потерпевший, очевидец – свидетель, обратившийся с явкой с повинной – подозреваемый и т.п.). Указанные лица должны иметь возможность пользоваться соответствующими правами, в развитии своего статуса, уже в первой стадии уголовного судопроизводства. При этом фиксация статуса в процессуальном решении отходит на второй план.

Так, заявителю важно, чтобы происходил процесс раскрытия преступления, совершенного в его отношении. А уж будет при этом возбуждено уголовное дело или правоохранительные органы будут искать лиц,

совершивших преступление, без возбуждения уголовного дела, для потерпевшего значимым не является.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что УПК РФ невятно регулирует не только правила осуществления уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела, но и перечень, а также процессуальный статус участников первой стадии. Такое положение дел является недопустимым, поскольку ст. 6 УПК РФ в качестве назначения уголовного судопроизводства закрепила защиту прав и законных интересов потерпевших от преступления и лиц, незаконно привлекаемых к уголовному преследованию. Отсутствие должной регламентации прав ведет к нарушениям законности, не позволяет в полной мере заинтересованным лицам реализовать свои права и интересы.

Кроме того, актом о возбуждении уголовного дела резюмируется начало производства по нему, что дает должностным лицам и органам, ведущим процесс, право применять меры процессуального принуждения, в том числе и меры пресечения, а также проводить следственные действия, ограничивающие конституционные права и интересы граждан.

Мы полагаем, что оформление письменного решения о возбуждении уголовного дела служит нуждам оценки законности принятого решения со стороны прокурора, суда или процессуальных руководителей в лице начальника органа или подразделения дознания, следственного органа. Именно поэтому законодатель в качестве одного из атрибутов резолютивной части постановления предусмотрел решение о направлении копии постановления прокурору для оценки законности и обоснованности принятого решения. Уведомление о принятом решении заявителя и лица, привлекаемого к уголовному преследованию, также имеет значение, чтобы указанные лица имели возможность обжаловать принятое решение или знать о своем процессуальном статусе.

В.Н. Григорьев констатирует, что «в России уже более века существует система уголовного судопроизводства, в которой традиционно выделяется стадия возбуждения

уголовного дела как одна из важных гарантий защиты личности от необоснованного применения мер уголовно-процессуального принуждения». [15] Анализ статьи 6 УПК РФ позволяет заключить, что привлечение лица к уголовному преследованию – такая же цель уголовного судопроизводства, как и недопущение незаконного и необоснованного уголовного преследования. Профессор И.Б. Михайловская и Н.Т. Ведерников отмечают, что назначение уголовного судопроизводства должно достигаться путем «разрешения конфликтов между личностью и государственной властью с наименьшими для общества последствиями». [16] Естественно, что достигнуто это может быть только посредством защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Узко понятый публичный интерес влечет отрицание ценности формальных ограничений и отодвигает на второй план права личности. Напротив, интересы свободы гражданина требуют сдержанности в преследовании обвиняемого и известного критицизма в рассмотрении и разрешении уголовных дел; требуют скорее оправдания виновного, чем осуждение невинного. [17]

Таким образом, в настоящее время решение о возбуждении уголовного дела имеет

существенное значение для ограничения прав и свобод человека и гражданина – до возбуждения уголовного дела указанное ограничение прав происходить не должно. Однако из этого правила есть исключения, касающиеся возможности производства ряда следственных действий, в том числе и принудительно.

Вне зависимости от того, останется или нет стадия возбуждения уголовного дела в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, осуществляемая в настоящий момент деятельность в этой стадии, безусловно, не прекратится. Со стороны правоохранительных органов (органов дознания и следствия) она останется, в общем, неизменной, будет заключаться в реагировании на сообщения о преступлении, фиксации результатов этой деятельности, а принятие на основе ее результатов процессуально-значимых решений (возбуждения уголовного дела или уголовного преследования) должно перейти прокурору. [18] Такое построение деятельности по выявлению и раскрытию преступлений будет наиболее эффективным, поскольку начало уголовного преследования и является тем законным основанием для ограничения прав и свобод лица, к нему привлекаемого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С.175; Курс советского уголовного процесса / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. С.150-151; Конституционная законность и прокурорский надзор / В.В. Клочков и др. М., 1997. С.139; Сухарев А.Я. Законность – универсальная ценность демократического общества // Прокурорская и следственная практика. М., 1998. № 3. С.121.
2. Платон. Диалоги / Философское наследие. М., 1986. Т. 98. С.431.
3. Подробнее о соотношении процессуального и непроцессуального в структуре познавательной деятельности по уголовному делу см.: Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск, 1991. С.137-145.
4. Деришев Ю.В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск, 2004. С.197.
5. Головкин Л. В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в уголовном процессе. URL: // <http://iuaj.net/node/484>
6. Приказ МВД РФ «Об утверждении административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» № 140 от 1 марта 2012 г.

7. Неганов Д.А., Юнусов А.А. Соблюдение законности в стадии возбуждения уголовного дела: научно-практическое пособие: Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2011. 120 с.
8. Юнусов А.А., Галиуллин Ш.Р. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий в уголовном судопроизводстве России: понятие и виды // Следователь. 2007. № 6(110). С.29-32.
9. Подробнее см., напр.: Нажимов В.П. Правовое и процессуально-правовое положение судей при рассмотрении уголовных дел в народном суде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1958. С.5; Яковлев А.М. Принцип социальной справедливости и основания уголовной ответственности // Советское государство и право. 1982. № 3. С.93; Петрухин И.Л. Правосудие в системе государственных функций // Правоведение. 1983. № 3. С.37.
10. Кобзарев Ф.М. Проблемы взаимодействия прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства: монография. М., 2006. С.144-145.
11. Приказ МВД РФ «Об утверждении административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» № 140 от 1 марта 2012 г.; Приказ Федеральной таможенной службы от 12 января 2007 г. № 23 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки в таможенных органах Российской Федерации сообщений о преступлениях»; Приказ Минюста РФ от 2 мая 2006 г. № 139 «Об утверждении Инструкции о едином порядке организации приема, регистрации и проверки в Федеральной службе судебных приставов сообщений о преступлениях» и т.д.
12. Весьма продуктивны в этом плане изменения и дополнения, внесенные в УПК РФ ФЗ № 432 обязывающие в процессуальном аспекте признавать лицо потерпевшим одновременно с возбуждением уголовного дела.
13. Ст. 46 УПК РФ.
14. См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.
15. Григорьев В.Н. О концепции возбуждения уголовного дела // Проблемы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. М., 1994. С.133.
16. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. С.27-62; Ведерников Н.Т. Место и роль личности обвиняемого в предмете доказывания по уголовному делу // Государство и право. 2003. № 6. С.45.
17. См.: Александров А.С., Александрова И.А., Круглов И.В. Назначение уголовного судопроизводства и наказания. Н. Новгород, 2006. С.4.
18. Ряд авторов уже высказались за возвращение прокурору данного права, которого он был лишен в 2007 году, правда, при других обстоятельствах. См., напр.: Александров А.С. Правовое положение прокурора на стадии предварительного расследования // Уголовный процесс. 2007. № 10. С. 14-16; Бобырев В.В., Андреев Г.В. О развитии прокуратуры Российской Федерации (проблемы и пути их решения // Право и безопасность. 2008. №2. С.4-9.

Р.Р. Фатхуллин

С.Л. Миролюбов

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПЕНИТЕНЦИАРНОМУ ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Рассматриваются проблемные вопросы порядка возбуждения уголовного дела по преступлениям, совершаемым в пенитенциарных учреждениях. Анализируются поводы и основания для возбуждения уголовного дела с учетом специфики учреждений ФСИН России.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, поводы и основания, пенитенциарные учреждения, предварительная проверка, регистрация заявлений и сообщений о преступлении, предметы, запрещенные к обороту.

Возбуждение уголовного дела – первая стадия уголовного процесса неоднократно становилась объектом научных исследований, подвергалась анализу и критике. Глава 19 УПК РФ названа «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела», но так же называется и ст.140 Кодекса. С точки зрения законодательной техники, этот прием вряд ли допустим и оправдан. [1]

Понятия повода законодатель не дает, хотя необходимость в этом имеется. Вполне логично, что в ч.1 ст.140 обозначены поводы для возбуждения уголовного дела. Но в ч.2 этой же статьи содержится указание на основание для возбуждения уголовного дела. Последнее относится к принятию решения о возбуждении уголовного дела. Представляется, что правильнее было бы дефиницию «основания возбуждения уголовного дела» включить в ч.1 ст.146 УПК, которая регламентирует порядок возбуждения уголовного дела. [2]

Повод – «обстоятельство, способное быть основанием чего-нибудь». [3]

Согласно ст.140 УПК РФ, поводами к возбуждению уголовного дела, в том числе и по пенитенциарным преступлениям, являются: заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершённом или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. В УПК РСФСР 1960г. с

ныне действующим УПК совпадало два первых повода. Кроме того, было еще четыре повода: сообщения профсоюзных и комсомольских организаций, народных дружин по охране общественного порядка, товарищеских судов и других общественных организаций (п.2 ч.1 ст.108); сообщения предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц (п.3 ч.1 ст.108); статьи, заметки и письма, опубликованные в печати (п.4 ч.1 ст.108), и непосредственное обнаружение органом дознания, следователем прокурором или судом признаков преступления (п.6 ч.1 ст.108). Логично, что данные поводы утратили актуальность в условиях современного демократического государства.

УПК РФ, как и ранее действовавший УПК РСФСР, лишь перечисляет поводы для возбуждения уголовного дела, но не раскрывает понятия повода. Многие учёные-процессуалисты склоняются к мнению, что поводы к возбуждению уголовного дела – это те установленные законом источники, из которых полномочные органы государства и должностные лица получают первичную информацию о совершённом или готовящемся преступлении. [4] В данном определении решающее значение имеет словосочетание «законные источники». Несмотря на это, появилось суждение о том, что поводом для решения вопроса о возбуждении уголовно-

го дела являются не источники, а сведения, информация, полученные из них, о событии, содержащем признаки преступления.

Поводами для возбуждения уголовного дела могут быть поступившие в орган дознания, следователю, прокурору, суду и судье источники первичных сведений о признаках совершения (или подготовки к совершению) преступления, в том числе результаты ОРД. Хотя УПК РФ (ст. 140) прямо не предусматривает оперативные сведения, данные в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела, тем не менее, подразумевает их. [5]

Поводы к возбуждению уголовного дела, понимаемые как предусмотренные законом источники сведений о признаках преступления, должны отвечать определённым требованиям. Важнейшее из них состоит в том, что в источнике, претендующем на роль повода, должны содержаться конкретные данные, указывающие на признаки преступления. Если в сообщениях, заявлениях, а также других источниках имеются лишь догадки и предположения о преступной деятельности лица, то они не являются поводами к возбуждению уголовного дела, а служат лишь сигналами, которые должны проверяться оперативно-розыскным и административным путём. Отсутствие чёткого разграничения поводов к возбуждению уголовного дела от источников, не содержащих конкретные данные о признаках преступления (сигналов), приводит к противоречивым суждениям и непоследовательным практическим действиям. Например, некоторые авторы пишут: «Существует объективная проблема с выбором оперативно-розыскной или процессуальной проверки, когда сведения о преступлении не являются поводом к возбуждению уголовного дела. Тогда оперативный сотрудник, с одной стороны, обязан подать рапорт об обнаружении признаков преступления (ст.143 УПК), с другой стороны, он должен провести оперативную проверку (ст.7 ФЗ «Об ОРД») и уже по результатам этой проверки подать рапорт об обнаружении признаков преступления. На практике, за самим оперативным подразделением остается выбор – какую проверку проводить: уголовно-процессуальную или оперативно-розыскную. Законодательство не исключает параллельного проведения этих видов деятельности. [6]

Получается, авторы рекомендуют оперативнику дважды составлять рапорт: сначала при получении сведений, которые не являются поводом к возбуждению уголовного дела, а затем по результатам проверки таких сведений оперативно-розыскным способом.

На наш взгляд, при разрешении данного вопроса схема должна быть более простой: при получении данных, которые не являются поводом для возбуждения уголовного дела, безо всякого рапорта принимается решение о проведении их проверки оперативно-розыскным способом и только в случае получения положительных результатов составляется рапорт об обнаружении признаков преступления.

Заявление о преступлении как повод к возбуждению уголовного дела представляет собой устное или письменное обращение физического лица в правоохранительный орган с информацией о готовящемся или совершенном преступлении и, как правило, с соответствующей просьбой принять необходимые меры, поскольку в принятии таких мер заявитель заинтересован лично.

Прием заявлений регламентируется ст.141 УПК РФ.

В учреждениях ФСИН России заявление используется крайне редко. Потерпевшие осуждённые, как правило, не обращаются с заявлениями в отношении виновных лиц, если они являются тоже осуждёнными. Однако это не распространяется на случаи превышения полномочий или злоупотребления ими сотрудников пенитенциарных учреждений, совершенные в отношении осуждённых. В данной ситуации осуждённые, как правило, обращаются с заявлением в прокуратуру либо используют это как повод для организации акции протеста.

Это объясняется негативным влиянием, оказываемым на потерпевшего другими осуждёнными; отрицательным отношением части осуждённых к администрации учреждений, в том числе к потерпевшим, лицам из числа осуждённых, оказывающим помощь администрации, влиянием криминальной субкультуры. Перспектива преодоления негативного влияния «тюремной субкультуры» на отправление правосудия и восстановление социальной справедливости в уголовно-исполнительной системе есть. Один из путей решения проблемы

обозначен в Концепции развития УИС до 2020 года. [7] В ней сказано, что обеспечение режима отбывания наказания осуждёнными не обеспечивается в условиях их коллективного содержания. И в связи с этим в период с 2013 по 2016 годы предусматривается перепрофилирование большей части исправительных учреждений в тюрьмы общего, усиленного и особого режима. [8]

Прием и регистрация заявлений о преступлениях частно-публичного и публично-обвинения особой специфики не имеет, он производится на основании норм УПК РФ и ведомственной Инструкции. [8]

Проблемным вопросом является регистрация преступлений частного обвинения. Изоляция осуждённого от общества не позволяет ему лично подавать заявление мировому судье, поэтому заявление может быть направлено только по почте. В соответствии с ч.4 ст.15 УИК РФ, письма отправленные прокурору, в суд, не подлежат цензуре. В этой ситуации возникает проблема с регистрацией данного вида преступлений в книге регистрации сообщений о преступлениях, что может привести к искажению статистических данных о состоянии преступности в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы. [9]

Хотя возможен и второй способ подачи заявления в порядке ч.4 ст.20 УПК РФ. После проведения проверочных действий решается вопрос о возбуждении уголовного дела начальником учреждения как начальником органа дознания или уполномоченным им лицом, как правило, оперативным сотрудником.

Следующим поводом является явка с повинной (ст.142 УПК РФ), т.е. добровольная подача заявления о содеянном преступлении лицом, его совершившим. Заявление о явке с повинной может быть сделано как в письменном, так и в устном виде. Устное заявление о явке с повинной принимается и заносится в протокол в том же порядке, что и другие устные заявления о преступлении.

Некоторые юристы считают, что формулировки данной статьи, с точки зрения юридической техники, неточны. То есть, определения «явка с повинной» и «заявление о явке с повинной» - понятия неравнозначные [10], что создает определённую путаницу.

Исходя из следственно-судебной практи-

ки, отметим, что явка с повинной в качестве повода к возбуждению уголовных дел о новых преступлениях, совершенных именно в местах лишения свободы, не используется, что обусловлено спецификой мест лишения свободы. Чаще явка с повинной используется как повод к возбуждению уголовного дела или как основание возобновления предварительного расследования (приостановленного по п.1 ч.1 ст.208 УПК РФ) по ранее совершенным осуждённым преступлениям (до отбытия наказания в виде лишения свободы).

По данному поводу источником сведений о преступлении считается именно лицо, сделавшее добровольное заявление о совершённом преступлении, а не протокол явки с повинной. Поэтому анонимные заявления о преступлении при отсутствии первоначального источника сведений о нём ни при каких обстоятельствах не могут служить поводом к возбуждению уголовного дела (ч.7 ст.141 УПК РФ). Неслучайно закон предусмотрел обязательную подпись лицом своего письменного заявления (ч.2 ст.141 УПК РФ). Анонимное письмо может быть основанием для начала оперативно-розыскной деятельности, направленной на проверку достоверности изложенных в нём фактов, а иногда и на поиск его авторов.

Следует отметить, что в учреждениях УИС распространены ложные явки с повинной, часто не находящие подтверждения. В связи с этим независимо от того, где было совершено преступление, орган дознания в целях установления достоверности сообщения осуждённого, явившегося с повинной, обнаружения признаков преступления, закрепления его следов или принятия иных мер, должен проверить в установленном порядке поступившую информацию. [11]

Последний повод к возбуждению уголовного дела указан в п.1 ч.1 ст.149 УПК РФ и называется «сообщение о совершённом или готовящемся преступлении, полученное из иных источников».

Из этой формулировки следует, что любое сообщение, полученное из любого источника (кроме анонимного письма), является поводом к возбуждению уголовного дела, а значит, обязывает соответствующих лиц начать уголовно-процессуальную деятельность в стадии возбуждения уголовного дела.

Анализ ст.143, 144 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что на самом деле поводом к возбуждению уголовного дела является не само сообщение, полученное из иных источников, а рапорт должностного лица об их обнаружении.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не конкретизирует должностных лиц, полномочных составлять рапорт об обнаружении признаков преступления, что обуславливает существование двух выводов: 1) рапорт может составляется только тем, должностным лицом, которое в соответствии с УПК РФ правомочно осуществлять предварительную проверку, к каковым относятся орган дознания, дознаватель, следователь и прокурор; 2) рапорт может составить должностное лицо, выявившее преступление, но проверку по нему проводить оно не правомочно в соответствии с ч.1 ст.144 УПК РФ.

Содержащуюся в ст.143 УПК РФ формулировку о том, что рапорт об обнаружении признаков преступления составляется на основании сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученного из иных источников информации (не указанные в ст.141 и 142 УПК РФ), следует понимать именно с учётом ст.143 УПК РФ. Таким образом, не всякий рапорт можно рассматривать как повод для возбуждения уголовного дела.

Анализ следственно-судебной практики позволяет сделать вывод о том, что рапорт об обнаружении признаков преступления составляют должностные лица, которые проводили первоначальные проверочные действия по сообщению, полученному из иных источников. К таковым, как правило, относятся лица органа дознания, следователь и прокурор.

Согласно Инструкции, рапорт об обнаружении признаков преступления может составить любой сотрудник ИУ, который обнаружил признаки совершаемого или совершенного преступления. Им может быть инспектор охраны, начальник отряда, оперативный дежурный и т.д. В инструкции говорится, что ведомственный рапорт и рапорт в уголовно-процессуальном смысле понятия равнозначные.

Интервьюирование практических работников, показало, что в случае обнаружения признаков преступления, совершаемых в

учреждениях УИС, перечисленные сотрудники, составляют ведомственный рапорт на имя начальника пенитенциарного учреждения, который направляет его оперативному сотруднику. Последний проводит проверку и как орган дознания составляет рапорт об обнаружении признаков преступления. Мы считаем, что это является верным с точки зрения УПК РФ. В связи с этим представляется необходимым приведение в соответствие положений инструкции, касающихся конкретизации должностных лиц, полномочных составлять рапорт об обнаружении признаков преступления, совершённых в местах лишения свободы.

Составление рапорта должно быть проведено незамедлительно после получения сообщения, а сроки, установленные ст.144 УПК РФ, должны исчисляться с момента составления рапорта. В местах лишения свободы, согласно п.17 Инструкции, если произошла задержка регистрации информации по каким-либо причинам (неисправность средств связи), при регистрации, наряду со временем поступления информации в дежурную часть, указываются дата, часы и минуты её первичного поступления к сотруднику УИС. В подобных случаях сроки разрешения информации исчисляются со времени первичного поступления информации. Из этого можно сделать умозаключение, что сроки для принятия решения исчисляются с момента выявления признаков преступления.

По мнению процессуалистов Академии ФСИН России, корректировки требует содержание анализируемой Инструкции в части детализации процессуального порядка проверки сообщений о преступлениях. Во-первых, целесообразно заимствовать опыт нормативного закрепления, имевшего место в ранее действующей аналогичной Инструкции, о том, что до введения в штаты учреждений и органов УИС должностей дознавателей выполнение их функций необходимо возложить на сотрудников оперативно-режимных служб (п.2.3 Приказа ГУИН Минюста России от 27 июля 2002 г. № 170). Во-вторых, в п.25 Инструкции необходимо закрепить перечень конкретных возможных процессуальных действий по проверке сообщений о преступлениях с указанием должностных лиц, имеющих право на осуществление. [12]

Опрос практических работников и изучение следственно-судебной практики показывает, что рапорт об обнаружении признаков преступления является самым распространённым поводом к возбуждению уголовного дела в местах лишения свободы. Это объясняется тем, что чаще всего пенитенциарные преступления выявляются в результате режимных или оперативно-розыскных мероприятий.

Предметы, запрещённые к обороту (наркотические средства, средства сотовой связи), обнаруживаются чаще всего в ходе обыска, досмотра, а факт побега в ходе проведения поименной проверки.

Преступления, совершаемые сотрудниками УИС, выявляются в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, и соответственно, поводом для возбуждения уголовного дела является рапорт об обнаружении признаков преступления, который составляется оперативным сотрудником, выявившим преступление.

В действующем УПК РФ не обозначен такой повод к возбуждению уголовного дела, как непосредственное обнаружение

органом дознания, следователем или прокурором признаков преступления. Однако начальник учреждения, оперативные работники, сотрудники иных отделов и служб могут обнаружить признаки преступления при следующих обстоятельствах:

- когда сами стали очевидцами преступления;
- когда усматривают признаки преступления в ходе дознания по уголовному делу;
- при проверке в порядке контроля материалов оперативно-розыскной деятельности оперативного отдела ИУ;
- при применении тех или иных мер в порядке обеспечения режима отбывания наказания осуждённых;
- в беседах с осуждёнными в часы приёма или во время посещения жилой и производственной зон, при ознакомлении с их письмами и заявлениями.

Правовое реагирование на вышеуказанные проблемы позволит более эффективно бороться с преступностью и способствует укреплению законности и правопорядка в местах лишения свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гирько С.И. Уголовно-процессуальные функции милиции (теоретические, правовые и прикладные проблемы): дис. ... док. юрид. наук. М., 2004. С.91.
2. Рылков Д.В. Некоторые проблемы правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2009. №3. С.24.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2010. С.456.
4. Уголовный процесс / под ред. В.П. Божьева. М., 2002. С.292; Уголовный процесс / под ред. П.А. Лупинской. М., 1995. С.222; и др.
5. Земскова А.В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2002. С. 60.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под ред. А.В. Смирнова. М., 2008. С.375.
7. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020г. утверждённая распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010г. // СПС Консультант плюс.
8. Инструкция о приёме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях: утверждена приказом Минюста России от 11 июля 2006г. №250 // Российская газета. 2006. №171.
9. Плашевская А.А., Родичева Т.П. Особенности повода к возбуждению уголовного дела о преступлениях, совершаемых в местах лишения свободы // Российский следователь. 2007. № 18. С.56.
10. Рылков Д.В. Некоторые проблемы правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2009. №3. С.23.
11. Жеребин В.С. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: монография / под общ. ред. Ю.И. Калинина. Владимир: ВЮИ Минюста России, 2005. С.397.
12. Малышева О.А. Возбуждение уголовного дела: теория и практика: монография. М.: Юрист, 2008. С.58.

Г.Г. Мингазизова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В статье рассматривается проблема развития коммуникативной компетенции обучающихся. Автором дается теоретическое обоснование образовательных возможностей мультимедийных технологий в преподавании иностранных языков.

Ключевые слова: коммуникативные компетенции, мультимедийные технологии, образовательные возможности мультимедийных технологий.

Ввиду постоянного усиления роли английского языка в мире как основного средства международной коммуникации, будущая профессиональная деятельность студентов предполагает многочисленные контакты с носителями других языков. Именно поэтому формирование коммуникативной компетенции приобретает особую актуальность.

Непрерывный поиск преподавателями эффективных средств обучения иностранным языкам дает свои результаты, и на сегодняшний день в процесс обучения активно внедряются новые средства обучения, такие как мультимедийные, компьютерные технологии.

Многие ученые отмечают, что образовательные и социокультурные тенденции в России характеризуются информатизацией всех сторон жизни общества. Ф.К. Зиннуров, например, в своем диссертационном исследовании отмечает, что применение новых информационных технологий, определяет школу «завтрашнего дня», школу, которая должна давать не только информацию, но и способы работы с ней. [6]

Проблемой применения мультимедийных технологий в образовательном процессе занимаются многие современные ученые: И.Н. Антипов, Н.Г. Белошапко, А.П. Ершов, А.А. Кузнецов, М.П. Лапчик, В.М. Монахов, Б.Е. Стариченко и др.

Тем не менее, на современном этапе остаются трудности освоения обучающи-

мися иностранного языка.

Разрешение сложившегося противоречия между:

- принимаемыми мерами по улучшению качества обучения и остающимися пробелами в коммуникативной компетенции обучающихся;

- между разнообразием коммуникативных упражнений и неумением учащихся реализовать себя в языковой среде,

- между достаточно высокой мотивацией к изучению иностранного языка и недостаточным уровнем сформированности речевых компетенций,

- между желанием учителя научить учащихся основам иноязычного общения и неумением учащихся адекватно реагировать на носителей языка [4], мы видим в следующем: в использовании мультимедийных технологий для решения конкретных дидактических задач, в данном случае, коммуникативной компетенции, а не только обеспечения принципа наглядности обучения.

Рассмотрим современные требования к коммуникативной компетенции обучающихся.

Коммуникативная компетенция включает знание необходимых языков, способов взаимодействия с окружающими и удаленными людьми и событиями, навыки работы в группе, владение различными социальными ролями в коллективе.

В Документе Совета Европы «Обще-европейские компетенции владения ино-

странным языком: изучение, преподавание, оценка» («Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment») эксперты стран Совета Европы, в том числе и представители России, достаточно ясно определяют понятие коммуникативной компетенции:

«Коммуникативные языковые компетенции позволяют осуществлять деятельность с использованием языковых средств».[1]

Обширный анализ термина «коммуникативная компетенция», который включает в себя в настоящее время ряд понятий, дается в статье С.В. Яниной [4]:

1. Вербально-когнитивная компетенция (verbale-kognitive Kompetenz)
2. Лингвистическая компетенция (lingwistische Kompetenz)
3. Вербально-коммуникативная (verbale-kommunikative Kompetenz)
4. Метакоммуникативная компетенция (metakommunikative Kompetenz)

Под «вербально-когнитивной» понимается способность обрабатывать, группировать, запоминать и при необходимости вспоминать сведения, знания, факты, прибегая к языковым обозначениям.

«Лингвистическая» обозначает способность понимать/продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений с помощью усвоенных языковых знаков и правил их соединения.

Термином «вербально-коммуникативная компетенция» обозначается способность учитывать при речевом общении контекстуальную уместность и употребительность языковых единиц для реализации когнитивной и коммуникативной функций.

Под «метакомпетенцией» понимается владение понятийным аппаратом («Язык о языке»-»language about language «), необходимым для анализа и оценки средств речевого общения.

Наиболее употребительным в последние годы стал термин «коммуникативная компетенция», в который все вышеперечисленные компетенции входят как составные элементы. Коммуникативная компетенция предполагает владение лингвистической компетенцией, знание сведений о язы-

ке, наличие умений соотносить языковые средства с задачами и условиями общения, понимание отношений между коммуникаторами, умение организовывать общение с учетом социальных норм поведения и коммуникативной целесообразности.

Следует отметить, что процесс формирования коммуникативных компетенций при обучении иностранному языку имеет ряд объективных сложностей: оторванность от языковой среды изучаемого языка, отсутствие постоянной практики.

Поиск эффективных путей развития иноязычной компетенции вне языковой среды велся давно.

Когда-то одним из таких средств были аудиокассеты с текстами, записанные в реальных ситуациях иноязычного общения или начитанные носителями языка. Затем появились видеоматериалы, которые продолжают быть популярными и в настоящее время.

Сегодня перед преподавателями иностранного языка встают новые задачи и открываются новые возможности. В современной практике преподавания иностранных языков появились методы и средства обучения, являющиеся особой формой организации познавательной и коммуникативной деятельности учащихся. Теперь коммуникация может не ограничиваться ни предметом, ни местом, ни временем.

В первую очередь, преподаватель обращается к мультимедийным презентациям. Они удобны и для преподавателя, и для обучаемых. Обладая элементарной компьютерной грамотностью, можно создавать оригинальные учебные материалы, которые увлекают, мотивируют и нацеливают слушателей на успешные результаты.

Преимущества мультимедийных презентаций в развитии коммуникативных компетенций заключаются в следующем:

- синхронное воздействие на слух и зрение человека повышает объем и степень усвоения передаваемой в единицу времени информации;
- возможности использования для презентации интерактивной, мультимедийной доски, которая позволяет более наглядно семантизировать новый лексический, грам-

матический и даже фонетический материал, а также осуществлять опорную поддержку при обучении всем видам речевой деятельности;

- возможность использовать отдельные слайды в качестве раздаточного материала (опоры, таблицы, диаграммы, графики, схемы);

- активизация внимания всех обучаемых;
- обеспечение эффективности восприятия и запоминания нового учебного материала;
- осуществление контроля за усвоением новых знаний и систематизации изученного материала;

- сочетание классной и внеклассной самостоятельной работы учащихся;

- экономии учебного времени;

- формировании компьютерной мультимедийной компетентности как учителя, так и учащихся, развитии их креативных способностей в организации учебной работы.

Нельзя не отметить и сочетание разнообразной текстовой аудио- и видеонаглядности. Данное свойство мультимедийных презентаций является решающим в преподавании иностранного языка, дает возможность создания учебной языковой среды, приближающейся по аутентичности и интенсивности языкового общения к реальной коммуникации.

Мультимедиа позволяет одновременно проводить операции с неподвижными изображениями, динамическими изображениями (видеофильмами, анимированными графическими образами), текстом и звуковым сопровождением. Синхронное воздействие на слух и зрение человека повышает объем и степень усвоения передаваемой в единицу времени информации.

Как нами отмечалось ранее, осознание эффективности применения мультимедийных технологий в процессе обучения иностранным языкам, в том числе и для развития коммуникативной компетенции практикующими педагогами, уже налицо. [5] Проведенное нами педагогическое исследование на основе методов опроса (беседа, анкетирование и интервьюирование) и наблюдения показало, что на занятиях активно используются слайды, презентации.

Но в большинстве случаев используемые материалы создаются, как правило, самими педагогами или обучаемыми.

Таким образом, мы пришли к выводу, что мультимедийные технологии применяются на занятиях иностранного языка достаточно широко, однако они создаются самими же педагогами, образно выражаясь, «на ощупь», с опорой, как правило, только на свой собственный опыт преподавания или знания, полученные на курсах повышения квалификации.

Отсюда вытекает насущная проблема, подчеркиваемая, например, в диссертационном исследовании Старикова Д.М. Он приходит к выводу, что создание и накопление различных информационных средств вызывает ряд проблем педагогического характера: отсутствие какой-либо системы в разработке, накоплении и практическом использовании информационных ресурсов педагогического назначения, никак не связанных между собой. Поэтому появляется необходимость объединения в одну систему информационных ресурсов и технологий. [2]

На наш взгляд, с ростом возможностей использования мультимедийных технологий для обучения иностранным языкам назревает необходимость разработки программ, нацеленных на развитие коммуникативной компетенции обучаемых. Это позволит вывести занятия на новый уровень, обеспечивающий максимальное развитие навыков говорения.

В итоге можно выделить следующие ключевые моменты:

- процесс формирования коммуникативных компетенций при обучении иностранному языку имеет ряд объективных сложностей: оторванность от языковой среды изучаемого языка, отсутствие постоянной практики;

- эффективность применения мультимедийных технологий в процессе обучения иностранным языкам, в том числе для преодоления вышеуказанных трудностей не вызывает сомнений;

- мультимедийные технологии обладают обширными возможностями для формирования и развития коммуникативной компе-

тенции обучающихся;

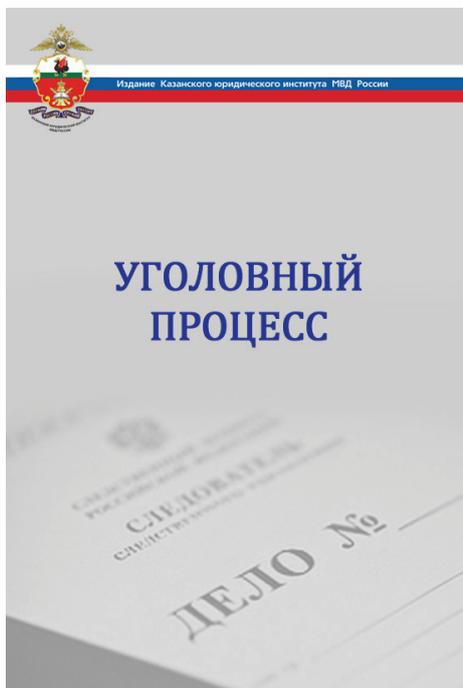
- на современном этапе развития методики обучения иностранным языкам назрела необходимость разработки и системати-

зации программ, нацеленных на развитие коммуникативных компетенций обучаемых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Электронный ресурс Европейская система уровней владения иностранным языком. URL: http://lang.mipt.ru/articles/european_levels.html
2. Карнаухова А.А. Формирование коммуникативной компетенции в информационной образовательной среде городской школы: дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2011. С.1.
3. Электронный ресурс Н.А. Николаенко Использование приемов интерактивного обучения в развитии коммуникативной компетенции при обучении английскому языку. URL: <http://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/library/>
4. Электронный ресурс С.В. Янина Средства формирования коммуникативной компетенции на уроках иностранного языка. URL: <http://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/library/>
5. Мингазизова Г.Г. Интеграция мультимедийных технологий в процесс обучения иностранным языкам //Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 1(11). С.78.
6. Зиннуров Ф.К. Педагогическая профилактика и коррекция девиантного поведения подростков в условиях социокультурной среды: дис. ... докт. пед. наук. Казань, 2012.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Уголовный процесс: сборник задач / [Ф.К. Зиннуров и др.]; под ред. доктора педагогических наук, доцента Ф.К. Зиннурова. – Казань: КЮИ МВД России, 2014. – 113с.

В издание включены задачи по учебным дисциплинам «Уголовный процесс», «Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс)», «Предварительное следствие в ОВД», «Дознание в ОВД», «Прокурорский надзор» в соответствии со структурой действующего Уголовно-процессуального кодекса и программами курсов указанных дисциплин.

Сборник задач может представлять интерес для преподавателей, курсантов и слушателей учебных заведений МВД России.

В.В. Грачева

УСТАВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ КАК ПРАВОВОЙ ФУНДАМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Статья посвящена рассмотрению особенностей Устава Организации Объединенных Наций, обусловивших его основополагающую роль в обеспечении международного сотрудничества в борьбе с терроризмом.

Ключевые слова: Устав ООН, международное сотрудничество, поддержание международного мира и безопасности, борьба с терроризмом, основные принципы международного права, институционный механизм ООН.

Принятие Устава Организации Объединенных Наций (ООН), как указал в июле 1945 г. авторитетный юрист Е. А. Коровин, было «крупным шагом вперед в деле укрепления безопасности и мира в международных отношениях и внедрения в них начал законности и права», [8, С.21] и этот международный договор, рассматриваемый как «своеобразная конституция мирового сообщества», [11, С.2-3] стал основой широкого сотрудничества государств в поддержании международного мира и безопасности. Как учредительный акт международной организации, Устав ООН является международным договором особого рода (*sui generis*), определяя не только права и обязанности его государств-участников, но и цели ООН, компетенцию ее органов, взаимоотношения между ООН и ее членами и т.д., и выступая, таким образом, как «более сложное явление, чем обычный многосторонний договор». [20, С.286] В то же время ключевая роль Устава ООН в регулировании международных отношений позволяет рассматривать его как «уникальный универсальный договор» [21, С.39] в целом. Особенности Устава ООН, обусловившие его особую роль и значение, рассматривались широким кругом ученых, таких как Л. Гудрич, Г.К. Ефимов, Э.С. Кривчикова, Г.И. Курдюков, И.И. Лукашук, В. И. Менжинский, А.П. Мовчан, Г. И. Морозов, Ф. Седе, В.Н. Федоров, Н. Шривер и т.д., однако актуальной задачей и новым направлением исследований является комплексное рас-

смотрение этого документа в качестве правовой основы международного антитеррористического сотрудничества.

В Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятой 8 сентября 2000 г., ее государства-члены охарактеризовали Устав ООН и саму ООН как «нерушимые основы более мирного, процветающего и справедливого мира», [32] подтвердив, таким образом, что этот почти семидесятилетний международный договор изначально был «твердо направлен в будущее». [13, С.9] Направленность Устава на разрешение широкого спектра международных проблем, реальных и потенциальных, обусловила значительный адаптивный потенциал ООН и обеспечила ее членам возможность сотрудничать в поддержании мира и безопасности на долговременной основе, не прибегая к существенному пересмотру его положений. Т.е. Уставу ООН присуща необходимая функциональная гибкость (как учредительный акт международной организации, он «должен обладать большей, нежели обычные международные договоры, способностью соответствовать изменяющимся условиям своей среды», ведь «воздействие на эту среду и есть цель организации» [16, С.50]).

Рассматривая угрозы международному миру и безопасности, учредители ООН не могли не предвидеть появления на международной арене такой мощной деструктивной силы, как терроризм (во второй половине XIX – начале XX вв. государства Европы

и США уже сталкивались с ее предвестником – анархо-терроризмом, [4, С.15-17]) но указанный аспект не рассматривался при разработке Устава. Однако этот международный договор стал фундаментом глобального антитеррористического сотрудничества во второй половине XX – начале XXI вв., выступая, с одной стороны, общим регулятором поведения государств в международных отношениях, а с другой – правовой основой непосредственного обеспечения международной борьбы с терроризмом. Эти функции соотносятся со структурой Устава, включающего положения, рассчитанные «на регулирование межгосударственных отношений в собственном смысле», и положения, относящиеся «к деятельности самой организации». [5, С.21]

Регулирование поведения государств в Уставе ООН, как отметил Дж. Аби-Сааб, «является кратким, но полным, поскольку основывается непосредственно на принципах». [23, С.259] Закрепленные в нем основные принципы международного права существенно повлияли на развитие международных отношений, способствуя, в частности, переходу от «пассивного» мирного сосуществования к активному сотрудничеству государств. К началу XXI в. осознание ими общих угроз и интересов привело к необходимости «нового мирового порядка», способного обеспечить решение глобальных проблем, опираясь на «высокоразвитую систему сотрудничества всех государств на базе единых принципов и целей». [10, С.7, 10] Основными среди них являются принципы и цели Устава ООН, в частности, имеющие важное значение для разрешения глобальной проблемы терроризма (в резолюции Совета Безопасности ООН 1269 (1999), принятой 19 октября 1999 г., отмечена необходимость укрепления под эгидой ООН международного сотрудничества в борьбе с терроризмом «на основе принципов Устава Организации Объединенных Наций» [35] и т.д.).

Указанные принципы прямо запрещают государствам прибегать к террористической деятельности (как указал У. Р. Латыпов, «запрещают политику государственного терроризма в целом» [9, С.12]). В резолю-

ции 748 (1992), принятой 31 марта 1992 г., Совет Безопасности ООН подтвердил, что в соответствии с принципом, изложенным в п. 4 ст. 2 Устава ООН (согласно которому государства воздерживаются от угрозы силой или ее применения в международных отношениях), «каждое государство обязано воздерживаться от организации, поощрения террористических актов в другом государстве, содействия таким актам или участия в них, а также попустительства в пределах своей территории организованной деятельности, направленной на совершение подобных актов, когда подобные акты связаны с угрозой силой или ее применением» [34] и т.д. Они служат правовым основанием для объединения государств в борьбе с терроризмом и ее непосредственным регулятором: принцип сотрудничества делает антитеррористическое сотрудничество государств их обязанностью; принцип суверенного равенства предопределяет право каждого из них на участие в международной борьбе с терроризмом, а принцип добросовестного выполнения обязательств является залогом ее эффективности; принцип невмешательства в дела, которые входят во внутреннюю компетенцию другого государства, и принцип уважения к правам человека и основным свободам ограничивают спектр средств этой борьбы и т.д. Поскольку основные принципы международного права выступают «главным критерием законности» [14, С.85] в процессе создания и применения норм международного права, Устав влияет на образование и применение международно-правовых антитеррористических норм, в том числе устанавливая «рамки правомерного нормообразования» [17, С.214] при заключении международных договоров в сфере борьбы с терроризмом (ссылка на цели и принципы Устава в их преамбулах, в частности, свидетельствует о том, что соответствующий договор «преследует те же цели, что и Устав ООН, и должен осуществляться в соответствии с принципами Устава» [12, С.99]).

В то же время Устав ООН закрепил «нормативные условия, при соблюдении которых возможно построение крепкого, безопасного, демократического мира», [22,

С.120] и, соответственно, предотвращение негативных социально-политических явлений, в чем проявляется «стабилизирующая функция» [6, С.83] Устава. Соблюдение принципов Устава формирует предпосылки для укрепления международного мира в его широком понимании (речь идет как о «жестком» («негативном») мире, связанном с отсутствием вооруженных противостояний, так и о «мягком» («позитивном») мире, связанном с созданием общих условий для сотрудничества и процветания, [24, С.341; 27, С.9-10] и это, в частности, позволяет нивелировать тот конфликтогенный потенциал, который лежит в основе терроризма (как справедливо указал В. Ф. Антипенко, данный феномен «базируется на социальном конфликте» [3, С.102-103].

Также положения Устава ООН обеспечили критерии для определения противоправной природы терроризма: в Докладе Рабочей группы по разработке политики по вопросу о роли Организации Объединенных Наций в связи с терроризмом, представленном в 2002 г., указано, что «терроризм ставит под удар основные принципы и мандат Организации Объединенных Наций, вытекающие из ее Устава»; [33] в 2004 г. Группа высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам сделала неоспоримый вывод о том, что «терроризм наносит удар по ценностям, которые лежат в основе Устава Организации Объединенных Наций», таким как «уважение прав человека», «терпимость между народами и странами», «мирное урегулирование конфликтов» [29] и т.д. На этой основе сформировались специальные принципы международного антитеррористического сотрудничества: принцип «безоговорочного осуждения как преступных и не имеющих оправдания всех актов, методов и практики терроризма», принцип «непредоставления убежища лицам, занимающимся террористической деятельностью или оказывающим им содействие» [19, с. 525] и т.д.

Среди положений Устава, регулирующих деятельность ООН, наиболее важными с точки зрения обеспечения международного антитеррористического сотрудничества являются положения, определяющие ее компетенцию, порядок деятельности и пра-

вовой статус ее государств-членов (в целом, как указал В.И. Андрианов, соответствующие положения Устава включают нормы о правосубъектности ООН; нормы, устанавливающие порядок ее деятельности; нормы, определяющие правовое положение ее персонала и порядок прохождения международной службы; нормы о компетенции ООН; нормы, устанавливающие правовой статус государства как члена ООН. [2, С.9-10]) Поскольку всеобъемлющий подход к поддержанию международного мира и безопасности в Уставе ООН не ограничивает это понятие «военными мероприятиями и даже не ставит эти мероприятия во главу угла» [18, С.123], предполагая также сотрудничество в экономической, социальной, культурной, гуманитарной сферах, в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам (п. 3 ст. 1 Устава), это создает основу для совместного разрешения членами ООН разнообразных проблем в интересах поддержания международного мира и безопасности. Широкий спектр целей ООН обусловил ее общую (универсальную) предметную компетенцию, которая, в частности, позволила сконцентрировать мировые антитеррористические усилия в рамках этой международной организации и обеспечить комплексный подход к проблеме терроризма. Указанный подход отображен в Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, принятой 8 сентября 2006 г., которая определила четыре группы мер по борьбе с терроризмом, охватывающих разносторонние задачи, – от предотвращения и урегулирования конфликтов, поощрения культуры мира, этнической, национальной и религиозной терпимости до содействия устойчивому развитию и глобальному процветанию, диалогу между цивилизациями и культурами, обеспечения верховенства права, укрепления сотрудничества в борьбе с преступностью, укрепления безопасности и защиты особо уязвимых объектов, обеспечения защиты прав человека и т.д. [31]

Устав ООН жестко зафиксировал основу институционального механизма ООН (главные органы ООН, распределение полномочий

между ними и т.д.), но также предусмотрел возможность его приспособления к новым потребностям (например, предоставляя главным органам право создавать вспомогательные органы и т.д.). Таким образом, в процессе борьбы с терроризмом используются, с одной стороны, элементы институционального механизма ООН, созданные непосредственно Уставом, а с другой – для решения возникающих задач в соответствии с Уставом создаются новые элементы. Так, определенное Уставом разграничение предметной и юридической компетенции между Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей как главными органами ООН, каждый из которых имеет полномочия в сфере поддержания международного мира и безопасности, обеспечивает сбалансированную деятельность ООН в борьбе с терроризмом; для выполнения отдельных задач в этой сфере указанные главные органы создают вспомогательные органы (например, Совет Безопасности ООН своей резолюцией 1373 (2001) от 28 сентября 2001 г. учредил специальный Контеррористический комитет; Генеральная Ассамблея ООН своей резолюцией 51/210 от 17 декабря 1996 г. учредила специальный комитет для разработки международных антитеррористических договоров и т.д.).

Учитывая характер задач ООН, только универсальное членство может обеспечить ее эффективную деятельность. Закрепленный в Уставе принцип универсальности членства в ООН способствовал тому, что с ее созданием «впервые в истории человечества постепенно сложилась общемировая сеть взаимодействия», [28, С.39] при этом Н. Онуф справедливо указал, что членство в ООН фактически обеспечивает «членство в международном сообществе». [26, С.18] В современных условиях взаимодействие с целью поддержания международного мира и безопасности является общей обязанностью государств, и универсальность членства в ООН наилучшим образом отвечает потребности во всемирном антитеррористическом сотрудничестве. Кроме того, Устав ООН заложил основы для формирования новой системы международного права, которая отражает интересы международного

сообщества в целом и выдвигает на первый план универсальное международно-правовое регулирование общественных отношений, [15, С. 12; 25, С. 51-53, 68] связанных, прежде всего, с разрешением глобальных проблем. В этих условиях универсальность членства в ООН обеспечивает осуществление универсального международно-правового регулирования в сфере борьбы с терроризмом.

Институциональный механизм ООН, действующий на основе реализации положений Устава относительно индивидуальных прав и обязанностей ее государств-членов, обеспечивает их непосредственное сотрудничество в борьбе с терроризмом (например, право каждого члена ООН быть представленным в Генеральной Ассамблее ООН (п. 1 ст. 9 Устава) позволяет этому органу выступать универсальным форумом для рассмотрения проблемы терроризма и т.д.). Некоторые из этих положений исключительно важны с точки зрения обеспечения эффективной международной борьбы с терроризмом, например, закрепление обязанности государств-членов ООН оказывать ей всемерную помощь в предпринимаемых ею действиях и воздерживаться от оказания помощи любому государству, против которого ООН предпринимает действия превентивного или принудительного характера (п. 5 ст. 2 Устава), а также подчиняться решениям СБ ООН и выполнять их (ст. 25 Устава) и т.д.

Важную роль в обеспечении международного антитеррористического сотрудничества играют положения Устава о специализированных учреждениях и региональных соглашениях и органах, относящиеся к внешней сфере действия институционального механизма ООН. На их основе сформировалась система ООН и сеть региональных организаций, ставших неотъемлемыми компонентами системы глобального антитеррористического сотрудничества. Система ООН, представляющая собой «совокупность собственно ООН и таких международных межправительственных (межгосударственных) организаций, действующих в специальных областях, которые самостоятельны в пределах осуществления своей специальной компетенции, но и по-

ставлены в определенную юридическую связь с Организацией Объединенных Наций на основе соглашения о связи, сотрудничестве и координации действий», [7, С.6-7], охватывает различные сферы международного сотрудничества и обеспечивает широкие возможности для разрешения проблемы терроризма. В частности, в реализации Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций задействованы многочисленные элементы системы ООН – Всемирная организация здравоохранения, Международное агентство по атомной энергии, Международный валютный фонд, Международная морская организация, Международная организация гражданской авиации, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Программа развития Организации Объединенных Наций и т.д. С целью обеспечения общей координации усилий системы ООН в борьбе с терроризмом Генеральный секретарь ООН учредил в 2005 г. Целевую группу по осуществлению контртеррористических мероприятий. [30]

Предусмотрев возможность существова-

ния региональных соглашений и органов для разрешения вопросов поддержания международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий (п. 1 ст. 52 Устава), Устав ООН, в частности, обеспечил механизмы антитеррористического сотрудничества государств с учетом региональной специфики. При этом Уставом установлена «гармоническая связь регионализма с универсализмом»: [1, С. 53] региональные соглашения, органы и их деятельность должны быть совместимы с целями и принципами ООН, и региональное антитеррористическое сотрудничество осуществляется с учетом соответствующих правовых основ, выработанных на универсальном уровне.

Таким образом, реализация положений Устава ООН общего нормативно-регулирующего и организационно-правового характера обеспечила его основополагающую роль в сфере международного антитеррористического сотрудничества, что подтверждает способность этого международного договора *suī generis* соответствовать актуальным вызовам глобальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы деятельности международных организаций. Теория и практика / отв. ред. Г.И. Морозов. М.: Международные отношения, 1982. 352 с.
2. Андрианов В.И. Устав ООН как договор *suī generis*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. 20 с.
3. Антипенко В.Ф. Теории мирового развития и антитеррористическое право. Логика сопряженности. К.: [б. и.], 2007. 440 с.
4. Грачев А.С. Политический экстремизм. М.: Мысль, 1986. 271 с.
5. Ефимов Г.К. Устав ООН – инструмент мира. М.: Наука, 1986. 136 с.
6. Ефимов Г.К. Устав ООН: испытание временем // Международные организации: сб. статей / сост. О.Г. Зайцева, Д.К. Утегенова. М., 2004. С.81-87.
7. Ильязов Р.Ш. Система Организации Объединенных Наций. (Международно-правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. К., 1972. 21 с.
8. Коровин Е.А. Устав Объединенных Наций: стенограмма публичной лекции д-ра юрид. наук проф. Е.А. Коровина, прочитанной 9 июля 1945 г. в Лекционном зале в Москве. М.: [б. и.], 1945. 22 с.
9. Латыпов У.Р. Международно-правовая борьба с государственным терроризмом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. 20 с.
10. Лукашук И.И. Мировой порядок XXI века // Международное публичное и частное право. 2002. № 1. С.4-10.
11. Лукашук И.И. Победа в Отечественной войне и развитие международного права // Международное публичное и частное право. 2005. № 4. С.2-7.
12. Лукашук И.И. Структура и форма международных договоров. Саратов: [б. и.], 1960. 131 с.
13. Ліга Націй і Організація Об'єднаних Націй. Зміцнення Організації Об'єднаних Націй. Тексти двох виступів Генерального Секретаря У Тана у Каліфорнійському і Денверському універ-

- ситетах 2 і 3 квітня 1964 року. Нью-Йорк: Бюро інформації ООН, 1964. 31 с.
14. Менжинский В.И. Устав ООН и принцип неприменения силы // Советский ежегодник международного права, 1973. М., 1975. С.82-99.
15. Мовчан А.П. Организация Объединенных Наций и международный правопорядок (к 40-летию ООН) // Советский ежегодник международного права, 1985. М., 1986. С.11-33.
16. Моравецкий В. Функции международной организации. М.: Прогресс, 1976. 384 с.
17. Рулько Е.Т., Войтович С.А. Роль императивных норм в организации системы международного права // Советский ежегодник международного права, 1983. М., 1984. С.213-218.
18. Собакин В.К. Коллективная безопасность – гарантия мирного сосуществования. М.: Изд-во ИМО, 1962. 518 с.
19. Терроризм в современном мире / под ред. В.Л. Шульца. М.: Наука, 2011. 603 с.
20. Тункин Г.И. Теория международного права / под общ. ред. Л.Н. Шестакова. М.: Зерцало, 2000. 416 с.
21. Федоров В.Н. Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке. М.: Логос, 2007. 944 с.
22. Энтин М.Л. Через укрепление ООН – к демократизации и упрочению международного правопорядка // Международное право в современном мире: сб. статей / отв. ред. Ю.М. Колосов. М., 1991. С. 120–135.
23. Abi-Saab G. Whither the international community? // European journal of international law. 1998. № 2. P.248-265.
24. Koskenniemi M. The police in the temple. Order, justice and the UN: a dialectical view // European journal of international law. 1995. № 1. P.325-348.
25. Lukashuk I.I. The law of the international community // International law on the eve of the twenty-first century. Views from the International law commission. New York, 1997. P.51-68.
26. Onuf N. The constitution of international society // European journal of international law. 1994. № 1. P.1-19.
27. Schrijver N. J. The future of the Charter of the United Nations // Max Planck yearbook of United Nations law. 2006. Vol. 10. P.1-34.
28. Tomuschat C. International law as the constitution of mankind // International law on the eve of the twenty-first century. Views from the International law commission. New York, 1997. P.37-50.
29. Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам // Документ ООН A/59/565 от 2 дек. 2004 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/602/33/PDF/N0460233.pdf?OpenElement>
30. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций: деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Стратегии. Доклад Генерального секретаря от 7 июля 2008 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/413/43/PDF/N0841343.pdf?OpenElement>
31. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 60/288 от 8 сент. 2006 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/504/90/PDF/N0550490.pdf?OpenElement>
32. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 55/2 от 8 сент. 2000 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/559/53/PDF/N0055953.pdf?OpenElement>
33. Доклад Рабочей группы по разработке политики по вопросу о роли Организации Объединенных Наций в связи с терроризмом // Документ ООН A/57/273–S/2002/875 от 6 авг. 2002 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/512/99/IMG/N0251299.pdf?OpenElement>
34. Резолюция Совета Безопасности ООН 748 (1992) от 31 марта 1992 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/012/55/IMG/NR001255.pdf?OpenElement>
35. Резолюция Совета Безопасности ООН 1269 (1999) от 19 окт. 1999 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/303/94/PDF/N9930394.pdf?OpenElement>

Т.В. Астишина

Е.В. Маркелова

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С МОШЕННИЧЕСКИМИ ДЕЙСТВИЯМИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

В статье рассматриваются особенности раскрытия и расследования мошенничества, связанного с использованием мобильных телефонов (средств сотовой телефонной связи).

Ключевые слова: преступление, мошенничество, средства сотовой связи, раскрытие и расследование.

Мошенничество является одним из самых распространенных криминальных проявлений на территории Российской Федерации. Прежде всего, это связано с тем, что российское законодательство придает особое значение проблемам усиления ответственности за различные виды мошеннических действий. В период с 2003 по 2011 гг. в ст. 159 УК РФ внесены значительные изменения и дополнения, усиливающие уголовную ответственность за данный вид хищения. В 2012 году на основании Федерального закона от 29 ноября № 207-ФЗ в Уголовный кодекс введены шесть новых видов мошеннических действий, в том числе:

- ст. 159.1 – мошенничество в сфере кредитования;
- ст. 159.2 – мошенничество при получении выплат;
- ст. 159.3 – мошенничество с использованием платежных карт;
- ст. 159.4 – мошенничество в сфере предпринимательской деятельности;
- ст. 159.5 – мошенничество в сфере страхования;
- ст. 159.6 – мошенничество в сфере компьютерной информации.

В соответствии со ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, мошенничеством признается хищение чужого иму-

щества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. [1] При мошенничестве обман или злоупотребление доверием является способом завладения чужим имуществом. Особенностью такого вида хищения, как мошенничество, является то, что в результате обмана потерпевший сам передает преступнику имущество, при этом добровольность передачи имущества является мнимой, поскольку обусловлена совершенным в отношении потерпевшего обманом, введением его в заблуждение. Любая форма обмана и злоупотребления доверием, в целом, сводится к тому, что виновный путем своих действий создает у потерпевшего уверенность в правомерности или выгоды для него передачи имущества или права на него.

С развитием человеческого общества, появлением прогрессивных технических возможностей, научными открытиями и изобретениями, к сожалению, все чаще выявляются новые виды мошеннических действий, которые в последнее время активно совершенствуются. Мошенничество – это общественно опасное деяние, которое причиняет не только имущественный вред гражданам, но и подрывает доверие между людьми, разрушает нравственные устои общества в целом.

Как показывает практика, за последнее время нашел активное распространение такой вид преступления, как мошенничество с использованием средств сотовой телефонной связи.

С 2008 года данный вид мошенничества начал активно совершенствоваться и получил достаточно широкое распространение на территории Российской Федерации. Среди большого многообразия видов мошенничества данный вид получил название «телефонное» мошенничество, поразив практически все регионы России.

«Телефонное» мошенничество можно охарактеризовать как мошенничество, при котором деньги похищаются у потерпевшего под различными предложениями: путем обмана или введения в заблуждение последнего, с помощью средств сотовой телефонной связи.

По данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», в структуре преступности за период 2008-2012 гг. мошенничество занимает примерно 6-7%, что составляет шестую часть от всего объема хищений. Особо следует отметить, что в 2012 году произошел рост рассматриваемых видов преступлений на 9,8%, несмотря на предпринимаемые меры противодействия.[2]

Анализ материалов уголовных дел показывает, что существует множество разнообразных способов хищения денежных средств путем мошенничества, связанного с использованием средств сотовой связи. К основным из них можно отнести следующие:

- злоумышленник (мошенник) звонит или отправляет короткое текстовое сообщение с помощью сотового телефона (далее –SMS (от англ. Short Messaging Service) – «служба коротких сообщений» – технология, позволяющая осуществить прием и передачу коротких текстовых сообщений с помощью сотового телефона) на мобильный телефон абоненту, представляется сотрудником банка, коммерческой организации или рекламной фирмы и сообщает потерпевшему о том, что на его имя выпал крупный «выигрыш» (автомобиль, бытовая техника, теле-видео-аудиоаппаратура и др.), и предлагает перечислить «налоговые

выплаты» за выигранный приз либо деньги за доставку приза, указывая при этом номер счета в банке, на который необходимо перечислить денежные средства;

- мошенник звонит на стационарный телефон абонента и, вводя его в заблуждение (чаще всего это граждане преклонного возраста), представляясь близким родственником (сыном, внуком и т.п.), либо представляясь сотрудником правоохранительных органов (следователем, сотрудником ГИБДД и т.п.), сообщает о совершенном их членом семьи преступлении или правонарушении (дорожно-транспортное происшествие, причинение телесных повреждений, хищение и др.) либо сложившейся критической ситуации у родственников потерпевшего и предлагает заплатить определенную денежную сумму для решения вопроса по существу, то есть «откупиться» от преследования правоохранительных органов. Позже к месту получения денег, как правило, прибывает таксист, выступающий в роли курьера, забирает деньги и в дальнейшем передает инициатору преступления либо путем перевода денежных средств через знакомых (родственников) осужденного лица, либо путем передачи их через иных лиц, рекомендованных преступником при разговоре по телефону;

- мошенник звонит или отправляет SMS на телефон абонента, сообщая о том, что его банковская карточка или счет мобильного телефона заблокированы, и, представляясь сотрудником банка или сотовой компании, предлагает набрать определенную комбинацию из цифр на банкомате или мобильном телефоне, чтобы разблокировать их. В результате таких нехитрых действий деньги перечисляются на счет мошенника или его знакомых, которым он доверяет;

- хищение денежных средств с использованием так называемых электронных мобильных кошельков (электронных расчетных счетов), на которые потерпевший, будучи введенным в заблуждение мошенником, перечисляет денежные средства, которые впоследствии будут обналичены преступником.

Анализ уголовных дел указанной категории свидетельствует о том, что в большин-

стве случаев мошенниками являются лица, осужденные и отбывающие наказание в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации, расположенных на территории Новосибирской, Самарской областях, Краснодарском крае и Республики Коми, а потерпевшими – самая уязвимая группа граждан – люди пожилого возраста. Для совершения мошенничества преступники используют сотовые телефоны, сим-карты, зарегистрированные на подставных лиц, компьютерные базы абонентов телефонной связи, хотя в соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений использование технических средств связи осужденными категорически запрещено.[3]

Не следует забывать, что преступники, как правило, совершают не одно преступление, а серию однотипных мошеннических действий. Следовательно, для оперативного реагирования, своевременного раскрытия и качественного расследования преступлений указанной категории необходима активная деятельность следственно-оперативной группы по «горячим следам», надлежащее взаимодействие между подразделениями и службами органов внутренних дел в ходе расследования, а также создание специализированных следственно-оперативных групп для расследования дел указанной категории.

Каким же может быть алгоритм действий следователя и оперативного сотрудника при получении сообщения о «телефонном» мошенничестве?

Несмотря на имеющиеся проблемные вопросы, возникающие при расследовании уголовных дел указанной категории, связанные со спецификой совершения преступлений, уже наработана положительная практика расследования «телефонного» мошенничества.

На первоначальном этапе расследования необходимо подробно допросить потерпевшего. Сложность проведения такого допроса, как правило, связана с самими потерпевшими, чаще всего лицами пожилого возраста. Центральными обстоятельствами, подлежащими выяснению в ходе допроса,

являются: дата и точное время поступления телефонного звонка; детали разговора с абонентом; особенности речи мошенника (голос, темп речи, манера говорить, признаки заикания и другие речевые дефекты), а также иные характеристики речи и голоса звонившего. Удачный допрос потерпевшего позволит провести опознание голоса злоумышленника.

Существенную роль в раскрытии и расследовании рассматриваемого вида мошенничества играет организованное на должном уровне взаимодействие следственных и оперативных подразделений; своевременное представление сотрудниками уголовного розыска информации в соответствии с требованиями, установленными Инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [4] и Законом «Об оперативно-розыскной деятельности». [5] Благодаря оперативному сопровождению уголовного дела, расширяется круг свидетелей, устанавливаются другие соучастники преступления («таксисты», курьеры). При содействии Бюро специальных технических мероприятий (БСТМ) МВД России необходимо проводить сопоставление сведений по абонентским номерам и имей-номерам телефонов на предмет установления совпадений в контактах абонентов, чему способствуют программы, позволяющие проводить такое сопоставление в автоматическом режиме. В ходе расследования в качестве доказательств приобщаются детализации телефонных соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами с определением базовых станций и расшифровкой адресов местонахождения абонентских номеров в момент осуществления звонков (см. ст.186.1 УПК РФ).

На основании постановления суда целесообразно проводить прослушивание телефонных переговоров злоумышленников с абонентами. В дальнейшем при получении фонограмм телефонных переговоров отбираются образцы голосов подозреваемых (обвиняемых) и назначаются фоноскопические экспертизы, позволяющие подтвердить принадлежность голосов.

В основу уголовного преследования мошенников могут лечь и результаты выемки (обыска) мобильных телефонов, которые осматриваются, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела, помогая подтвердить причастность к совершению преступлений.

В отделениях Сбербанка России и иных банковских учреждениях необходимо получить сведения о номерах счетов, на которые потерпевшими осуществлялись денежные переводы, а также данные о лицах, их получивших.

Следует отметить, что по результатам проведенного расследования необходимо принимать меры профилактического характера путем внесения представлений в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу об устранении причин и условий, способствующих совершению мошеннических действий (см. ч. 2 ст. 158 УПК РФ). В целях предупреждения аналогичных преступлений необходимо проводить комплекс профилактических мероприятий, направленных на проведение разъяснительной работы, которая включает в себя: выступления перед населением в средствах массовой информации освещением наиболее распространенных видов мошеннических действий с использованием средств сотовой связи; разъяснения типичных ситуаций и схем действия преступников; оформления наглядных стендов и размещение плакатов, предостерегающих население от опасности стать жертвой мошенников.

Проблема мобильного мошенничества достаточно серьезна. С каждым новым днем преступники придумывают все новые способы обмана с использованием средств сотовой связи, чтобы отобрать денежные средства у доверчивых граждан. Борьба с данным видом мошенничества ведется на всех уровнях, но искоренить его пока не удается. Цель правоохранительных органов защитить граждан от мошенников и свести потери от такого рода преступных посягательств к минимуму. Деятельность органов внутренних дел должна постоянно

совершенствоваться, основываясь на видоизменяемых мошенниками схемах обмана, с учетом современных методик раскрытия и расследования указанных видов преступлений.

Представляется, что достигнуть положительных результатов противодействия преступным посягательствам на собственность посредством сотовой связи возможно только благодаря продуманной системе организации работы органов внутренних дел. Необходимо помнить о тесном взаимодействии органов предварительного следствия и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с телефонными мошенничествами, а также об уже имеющемся положительном опыте в раскрытии и расследовании данного рода уголовных дел, применении зарекомендовавших себя форм и методов.

Было бы целесообразно внести очередные изменения в Уголовный кодекс РФ, дополнив его статьей 159.7 следующего содержания: «Мошенничество с использованием средств сотовой связи»:

ч.1 мошенничество с использованием средств сотовой связи, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, совершенное с использованием сотового (мобильного) телефона путем обмана и (или) введения в заблуждение абонента;

ч.2 то же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину;

ч.3 деяние, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, совершенное с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере;

ч.4 деяние, предусмотренное частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере, -

установив при этом санкции, позволяющие отнести данный вид мошеннических действий к категории не ниже средней тяжести.

Добиться результата в борьбе с мошенниками возможно только при помощи совместных усилий полиции и всех заинтере-

сованных структур и организаций, причем совершение таких преступлений в современных условиях требует со стороны государства адекватных уголовно-правовых мер

воздействия, которые позволят обеспечить на должном уровне защиту интересов граждан, пострадавших от мошеннических действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп. на 01.01.2014 года).
2. Состояние преступности за 2008-2012 гг. Сборники ФКУ «ГИАЦ МВД России».
3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Минюста России от 3 ноября 2005 г. № 205 (в ред. от 12.02.2009 г., с изм. от 07.02.2012 г.).
4. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД РФ, МО РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФТС РФ, СВР РФ, ФСИН РФ, ФСКН РФ, СК РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68.
5. Федеральный закон РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (по сост. март 2014 г.).

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Причинение тяжкого вреда здоровью (п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ). Макет уголовного дела: учебно-практическое пособие / [Ф.К. Зиннуров и др.]; под ред. доктора педагогических наук, доцента Ф.К. Зиннурова. – Казань: КЮИ МВД России, 2014. – 366 с.

Настоящее учебно-практическое пособие представляет собой макет уголовного дела по факту преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ. Данное пособие является наглядным примером составления процессуальных и иных документов, находящихся в уголовном деле при расследовании причинения тяжкого вреда здоровью, совершенного группой лиц, с момента его возбуждения до направления прокурору с обвинительным заключением.

Фабула, все личные данные участников уголовного судопроизводства, события, время и иные сведения специально разработаны авторским коллективом для учебно-практического пособия, любое сходство является совпадением.

Данное учебно-практическое пособие предназначено для курсантов, студентов и слушателей, обучающихся в юридических вузах, преподавателей, а также сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование.

М.М. Мифтахова

ЯВЛЕНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ
КАК ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН

В статье рассматривается проблематика прецедентности в информационном пространстве, даётся обзор научных работ, освещающих различные аспекты прецедентных единиц, описываются и характеризуются тематические группы прецедентных феноменов.

Ключевые слова: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентная ситуация.

Сегодня, когда особая постмодернистская эстетика пронизывает буквально все сферы науки и творчества, само понятие прецедентности является не столько стилистическим приемом, сколько условием, формой и даже мерой истинности всего, что связано с человеческой деятельностью.

За последние тридцать лет в лингвистике наблюдается повышение интереса исследователей к явлению интертекстуальности и к прецедентным феноменам. В связи с этим неизбежно возникает вопрос, так что же представляет собой явление прецедентности и какова её функция?

В данной статье мы попробуем охарактеризовать категорию прецедентности и описать тематические группы прецедентных единиц.

Согласно последним исследованиям лингвистов, любой современный текст представляет собой интертекст, так как ни одно произведение не является изолированным творением: оно неизбежно включено в контекст мировой литературы. Произведение, не обладающее свойством интертекстуальности, не имеет шансов выжить в информационное пространство, литературу, науку и культуру.

Широкое распространение интертекстуальности наблюдается не только в сфере литературно-художественного творчества, но и в массовой коммуникации: в телевидении, в прессе, электронных средствах массовой информации.

Категория интертекстуальности тесно

взаимодействует с категорией прецедентности. Термин «прецедентность» (от лат. *praecedens* – «случай, имевший ранее место и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода») был предложен и теоретически обоснован в 80-е годы XX столетия исследователем Ю.Н. Карауловым, который впервые упомянул понятие «прецедентный текст», понимая под ним тексты, «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, 2) имеющие «сверхличностный характер», т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности». И далее: «В самом общем смысле можно было бы сказать, что состав прецедентных текстов формируется из произведений русской, советской и мировой классики, имея в виду, что сюда входят и фольклорные шедевры» [8, С.216]. К этому понятию ученый относил цитаты, имена персонажей, авторов, а также тексты невербальной природы.

Определение «прецедентности», данное Карауловым, настолько обширно, что не ограничивается только текстами художественной литературы, оно также применимо к произведениям музыки, архитектуры и живописи. Прецедентные единицы в тексте отражают специфику современного

состояния конкретного общества: его ценности, мировосприятие и культуру. Прецедентные тексты выходят за рамки словесного искусства и становятся фактом культуры, составляют общекультурный фонд языка.

Продолжая теорию Ю.Н. Караулова, А.А. Евтюгина пишет, что «прецедентный текст является минимальным культурным знаком, выполняющим специализированную прагматическую функцию, регулирующую отношения данного письменного текста к отсутствующему тексту, культурную память о котором хранит прецедент, попавший в новую текстовую среду». [6, С. 4]

Согласно мнению Г.Г. Слышкина, помимо текстов, предназначенных для широкого круга, существуют тексты, предназначенные для узкого круга людей – для малых социальных групп (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы). *Прецедентным* может быть текст любого объёма: от пословицы до эпоса.

Среди учёных существует множество различных подходов к разграничению понятий *интертекстуальность* и *прецедентность*. В.В. Красных отмечает, что основное различие между этими категориями заключается в объекте исследования: теория интертекстуальности «анализирует художественный текст, объект внимания концепции прецедентности – тексты, порождаемые в процессе непосредственной коммуникации» [9, С. 137-138].

Действительно, теория интертекстуальности складывалась главным образом в ходе изучения интертекстуальных связей в текстах художественного дискурса. Однако сфера применения данного учения не ограничивается этой областью. Границы интертекстуальных исследований постепенно расширяются. Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова под прецедентностью понимают «наличие в тексте элементов предшествующих текстов» [11, С. 7]. Данное определение сближает термин прецедентности с понятием интертекстуальности.

Теория прецедентных феноменов, созданная Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.В. Багаевой [5, 9 С. 120], рассматривается как очередной этап в исследовании прецедентности.

Д.Б. Гудков определяет прецедентные феномены как единицы, которые «знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи». [5, С.102]

Опираясь на точку зрения Гудкова, среди прецедентных феноменов можно выделить следующие тематические группы: *прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентная ситуация*.

Далее описание тематических групп ПФ будет дополняться наиболее интересными случаями использования данных феноменов в современном информационном пространстве. Отметим, что все прецедентные единицы, взятые нами для анализа, представляют собой заголовки публицистических статей таких журналов, как «Огонёк» и «Русский репортер».

Итак:

1) *Прецедентный текст* (ПТ) – это текст, который понимается как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли) предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [5, С. 106]. Прецедентные тексты представляют собой определённый тип образцовых текстов национальной культуры, изучение которых необходимо при социализации личности в национально-лингвокультурном сообществе, обращение к которым постоянно возобновляется в данном сообществе.

К прецедентным текстам относят: а) *произведения художественной литературы*:

К примеру, в журнале «Огонёк» [1] мы встречаем статью со следующим заглавием: «*Человек и футляр*» – автор отсылает нас к рассказу А.П. Чехова «Человек в футляре». Или «*Счастье от ума*» – комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума». Следующее заглавие: «*Старьё и “Море”*» – отсылка к знаменитой повести Э. Хемингуэя «Старик и море». Также интересен следующий заголовок «*Преступление и нагнетание*». Здесь автор статьи отсылает читателя к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В статье речь идёт о преступлении, которое было совершено по отно-

шению к ребенку, убийцами которого признаны её родители. Отсылку к роману Ф.М. Достоевского можно найти и в журнале «Русский репортер»[2]: «Размножение и наказание». Статья о специальных колониях для беременных женщин, приговорённых к тюремному сроку.

б) *тексты песен*: «Ребята с нашего двора» – отсылка к песне группы «Любэ» – «Ребята с нашего двора», или «И тигры у ног его сели» – заглавием текста стали строки из песни «Дрессировщик» («Огонёк»).

в) *тексты рекламы, анекдотов и т.д.*: «Шок – это по-нашему» – отсылка к рекламному тексту «Шок – это по-нашему».

Корпус ПТ отражает и формирует ценностные ориентации, модели социального поведения, которые поощряются или осуждаются в данном обществе.

Таким образом, ПТ образуют прототексты национальной культуры, ту основу, на которую опираются все другие тексты, даже если отрицают их. К ним обращается любой носитель языка при восприятии и создании текста. Без знания этих текстов невозможно полноценное понимание текстов той или иной культуры, как, впрочем, и самой культуры.

2) *Прецедентная ситуация* (ПС) – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с определёнными ассоциациями, включающая представление о действии и о его участниках, входящее в когнитивную базу лингвокультурного сообщества. Хрестоматийным примером ПС служит история предательства Иудой Христа, которая стала рассматриваться как «эталон» предательства вообще. Соответственно, любое предательство начинает восприниматься как «модель», вариант изначальной и «идеальной» ситуации предательства. Отличительные признаки указанной ПС (например, подлость человека, которому доверяют, донос, награда за предательство) становятся универсальными, а атрибуты ПС (например, поцелуй Иуды, 30 сребреников) становятся символами ПС. Само имя Иуда относится к прецедентным именами, а также имеет статус имени-символа.

В журналах «Огонёк» и «Русский репортер» были обнаружены следующие ПС: «Проверены “Фукусимой”» – отсылка к

аварии на АЭС «Фукусима –1». Интересен и следующий заголовок: «*Марш не согласных друг с другом*» – заглавие статьи заставляет читателя актуализировать воспоминания о «Марше несогласных», то есть об уличных акциях, которые проходил в крупных городах России с 2006 по 2008 гг.

3) *Прецедентное высказывание* (ПВ) – это репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица; прецедентное высказывание многократно употребляется в речи носителей языка. За прецедентным высказыванием всегда стоит прецедентный текст и/или прецедентная ситуация, которые играют важную роль в формировании смысла высказывания.

Прецедентные высказывания отличаются разнообразием семантики и формы, существуют различные классификации ПВ на разных основаниях. Например, ПВ можно классифицировать по признаку автономности. Согласно этому признаку все ПВ можно разделить на 2 группы:

1. ПВ, жёстко связанные с опорным текстом, при этом текст-источник является прецедентным в настоящее время.

2. ПВ, не связанные с каким-либо текстом. Здесь можно выделить две подгруппы: а) ПВ, потерявшие связь с текстом-источником и перешедшие или переходящие в разряд автономных. Средний носитель языка помнит само ПВ, но не знает, к какому тексту оно относится; б) ПВ, изначально передающие весь текст, то есть когда текст представлен одним высказыванием.

В первую группу входят канонические ПВ, то есть высказывания, не подвергающиеся изменениям, выступающие как строгая цитата. Например: «*Гулять так гулять!*» – поговорка «Гулять так гулять, работать так работать» («Русский репортер»). Ко второй группе относятся преобразованные ПВ, узнаваемые, несмотря на его изменения: «*Восстановись, мгновение!*» – автор отсылает читателя к высказыванию героя трагедии Гёте (Фауст произносит фразу: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!»). Следующий заголовок – «*Ленин будет жуть*» – отсылает нас к коммунистическому лозунгу «Ленин жил, Ленин жив, Ленин

будет жить», который представлен в усечённом виде. «Быстрее, выше, позже» – здесь автор использует для заголовка предварительно видоизменённый олимпийский девиз: «Быстрее, выше, сильнее!».

Специфика ПВ как прецедентного феномена, а также отличие от простого высказывания заключается в наличии фиксированной структуры, которая не порождается в каждом новом акте коммуникации, но производится в готовом виде. Другими словами, ПВ обладает свойством шаблонности, воспринимается как существующее в готовом виде и воспроизводится без существенных изменений. Использование ПВ всегда «отсылает» к фоновым знаниям, формирующим когнитивный уровень сознания.

4) *Прецедентное имя* (ПИ) – это широко известное имя собственное, которое используется не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города) в тексте, сколько в качестве символа определенных качеств, событий, судеб. Среди ПИ существуют такие, которые связаны с определённым прецедентным текстом или ситуацией, например, *Илья Муромец*, *Обломов*, *Шапокляк*, а также те, которые не связаны с текстами или ситуациями, но обладающие при этом всеми признаками прецедентности, например, *Софья Ковалевская*, *Моцарт*, *дядя Стёпа*. Общим для них является наличие общенационального инвариантного представления, стоящего за каждым из этих имён. Инвариантное восприятие прецедентных феноменов включает в себя:

а) дифференциальные признаки соответствующего феномена. Например, заголовок «*Русский паганини*» – отсылка к авторитету выдающегося итальянского скрипача Николо Паганини. Нет никаких сомнений в том, что заголовок «*Бин и она*» является отсылкой к авторитету Ким Чен Ына. Интересным примером является заголовок «*Кира Каренина*» – здесь можно отметить вариацию интерпретации: 1 – отсылка к прецедентному тексту (Л.Н. Толстой «*Анна Каренина*»); 2 – отсылка к героине романа Л.Н. Толстого «*Анна Каренина*»; 3 – отсылка к авторитету британской актрисы Киры Найтли, исполнившей роль героини романа Толстого («*Огонёк*»).

б) атрибуты, связанные с данными феноменами, но не являющиеся необходимыми для его сигнификации («*Урлашов и его команда*» – «Тимур и его команда» («*Огонёк*»)).

в) оценку хорошо / плохо.

Особенностью семантики, отличающей ПИ от имён собственных, является то, что эти имена обладают не только денотацией, но и сигнификацией и коннотацией. ПИ всегда отличаются ярко выраженной аксиологичностью и экспрессивностью.

Прецедентное имя – лингвокультурологическая единица, обладающая экспрессивной, символической, коннотативной функциями, она способна передавать культурную информацию. [5, С. 106-108]

Подводя некоторые итоги, отметим, что в статье рассматривалось явление прецедентности, называемое как прецедентные феномены (или тематические группы ПФ).

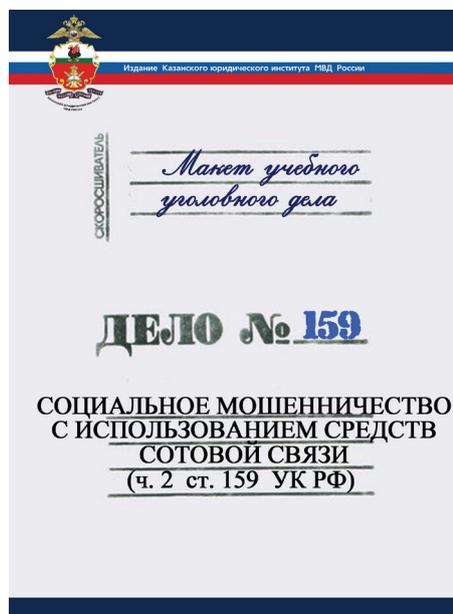
Мы определили, что интертекстуальность – важнейшее свойство любого современного текста. Именно на основе понятия интертекстуальности возник термин «прецедентность», на базе которого, в свою очередь, была создана теория прецедентных феноменов. Также мы установили, что среди прецедентных феноменов выделяют: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя и прецедентную ситуацию.

В данной статье мы попытались описать и охарактеризовать каждую тематическую группу. Анализ выявленных примеров показал, что все перечисленные феномены тесно взаимосвязаны, между ними нет жёстких границ. С одной стороны, прецедентное высказывание, отделяясь от текста-источника и становясь автономным, может перейти в разряд прецедентных текстов, то есть прецедентный текст может «этимологически» восходить к прецедентному высказыванию. С другой стороны, если прецедентный текст выражается одним или несколькими высказываниями, то он может выступать как прецедентное высказывание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Огонек. 2012. №1-51.
2. Русский репортер. 2012. №1-50.
3. Аникина Э.М. Интертекстуальность в дискурсе СМИ (на материале англо-американской прессы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа, 2006. 233 с.
4. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном творчестве (1924) // Вопросы литературы и эстетики. М.: Искусство, 1975. С. 6-71.
5. Гудков Д.Б. и др. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вест. Моск. ун-та. 1997. № 4. С.106-118.
6. Евтюгина А.А. Прецедентные тексты в поэзии В.Высоцкого: (к пробл. идиостиля) : автореф. дис ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995. 18 с.
7. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М.: Искусство, 1986. С.98-107.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С.216, 230.
9. Красных В.В. и др. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер.9, Филология. 1997. № 3.
10. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2007. 207 с.
11. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Социальное мошенничество с использованием средств сотовой связи (ч. 2 ст. 159 УК РФ). Макет учебного уголовного дела: учебно-практическое пособие / [Ф.К. Зиннуров и др.]; под ред. докт. педагог. наук, доцента Ф.К. Зиннурова. – Казань: КЮИ МВД России, 2014. – 199 с.

Учебно-практическое пособие включает в себя объединенные в макет уголовного дела образцы процессуальных документов с момента возбуждения уголовного дела и до составления обвинительного заключения, где на основе типичной следственной ситуации по делам о социальном мошенничестве составлен алгоритм действий следователя.

Фабула, все личные данные участников уголовного судопроизводства, события, время и иные сведения специально разработаны авторским коллективом для учебно-практического пособия, любое сходство является совпадением.

А.В. Буланова

ПРИМЕНЕНИЕ НАГЛЯДНОСТИ КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ МОТИВАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Статья посвящена определению роли наглядности при обучении русскому языку как иностранному. В статье рассматриваются факторы использования средств наглядности, которые способствуют формированию коммуникативных умений, позволяют осуществлять контроль усвоения материала и направлять речевые высказывания иностранных слушателей.

Ключевые слова: Наглядность, средства наглядности, мотивация, коммуникативность.

Процесс коммуникации - это целый комплекс весьма сложных проблем, как лингвистических, так и педагогических. Построение рациональной методики преподавания русского языка как иностранного во многом зависит от правильного понимания того, как происходит процесс речевой коммуникации, поскольку уже сама специфика языка как средства общения предопределяет коммуникативную направленность обучения.

Как утверждает современная методика преподавания, “реализация методического принципа коммуниктивности предполагает органический сплав речевых навыков и умений, творческий характер речевой (коммуникативной) деятельности, использование всех психологических резервов личности”. [1, С.10-11] «Коммуникативные качества являются элементом профессиональной культуры. В связи с этим особую роль в формировании профессиональной культуры сотрудника играет процесс обучения». [2, С.103-104]

Коммуникативность в качестве основополагающей категории методики преподавания русского языка как иностранного “предполагает использование изучаемого языка с самых начальных стадий обучения в естественных для общения целях и функциях” [3, С.14]. Коммуникативная направленность обучения определяет все стороны методической и педагогической деятельности. Прежде всего коммуникативность в преподавании предполагает создание высокой мотивации обучения. Известно, что учебная деятельность протекает наиболее успешно там, где она максимально мотивирована. Важнейшим фактором, стимулирующим процесс иноязычного речевого

общения, следует считать мотивацию усвоения иностранного языка.

Под мотивацией понимается система побуждающих импульсов, направляющих учебную деятельность, в случае положительной установки преподавателя, на более глубокое изучение русского языка как иностранного, его совершенствование и стремление развивать потребности познания иноязычной речевой деятельности. [4, С.42]. Мотивация стимулирует иностранного слушателя на высказывание на русском языке собственных. Это и является коммуникативной мотивацией. Коммуникативная мотивация - это способ обеспечения инициативного участия у иностранных слушателей в общении на занятиях по русскому языку и вне его, а ситуативная реальность жизни служит той основой, которая вызывает потребность в общении.

Коммуникативная мотивация возникает на основе необходимости взаимодействия субъекта с объективной действительностью, что вызывает потребность высказать мысль, то есть коммуникативная мотивация зависит от содержания мыслительной деятельности слушателей. Чем интенсивнее это содержание, тем интенсивнее потребность в его выражении. Стремление к общению часто занимает ведущее место среди мотивов человека, которые побуждают его к совместной практической деятельности. “Человек говорит на родном языке тогда, когда испытывает потребность выразить мысль. Эту ситуацию следует поддерживать при обучении русскому языку как иностранному. Уже с первых занятий необходимо включать иностранного слушателя в активную речевую деятельность”. [5, С.64-

66] Иностранных слушателей необходимо учить не только произношению, словам и правилам комбинирования этих слов в языке, но и самому способу формирования и формулирования мысли.

Конечной целью обучения любому иностранному языку должно стать формирование творческой способности выражать мысль средствами иностранного языка, “включение обучаемого в обмен информацией”. [6, С.209]

Сама ситуация учебного речевого общения воздействует на мысли и чувства обучаемого. При этом речь (устная и письменная) является лишь одним из средств возбуждения мысли. [7, С.36-37]

Уровень ситуативной мотивации в решающей степени определяется тем, как создаются речевые ситуации, какой используется материал, приемы и т.д. Учебная коммуникация воспитывает у слушателей на занятиях по русскому языку и вне его потребности в общении. Для развития речи иностранных слушателей преподаватель использует ситуационную организацию обучения, которая дает широкие возможности для создания естественной коммуникации слушателей. Одним из способов создания такой коммуникации является прием использования принципа наглядности.

Проблема наглядности в обучении иностранным языкам была актуальной во все времена. Общеизвестно, что эффективность обучения зависит от степени привлечения к восприятию всех органов чувств человека. Чем более разнообразны чувственные восприятия учебного материала, тем более прочно он усваивается. Эта закономерность нашла свое выражение в дидактическом принципе наглядности. Принцип наглядности вытекает из сущности процесса восприятия, осмысления и обобщения обучаемыми изученного материала. Наглядность - специально организованный показ языкового и экстралингвистического материала с целью облегчения его объяснения, усвоения и использования в речевой деятельности. Многие преподаватели русского языка как иностранного используют прием наглядной семантизации, когда значение слова поясняется не путем перевода, а путем показа обозначаемого этим словом предмета или картинки с его изображением. [8, С.41]

Применение наглядности для управления процессами формирования коммуника-

тивных навыков способствует организации познавательной деятельности иностранных слушателей.

Известно, что существует четыре основных вида речевой деятельности: аудирование, чтение, письмо и говорение. Правильно подобранные средства наглядности мотивируют слушателей высказать свое мнение, т.е. формируют навыки и умения говорения. Иностранному слушателю, изучая русский язык, должен уметь:

- понимать высказывания собеседника;
- правильно определять коммуникативные намерения собеседника в пределах определенного набора ситуаций;
- самостоятельно продуцировать связные высказывания.

Одним из специфических признаков обучения говорению и через него устному иноязычному общению является коммуникативная мотивация. В ее основе лежит потребность двух видов: потребность в общении как таковая, свойственная человеку как существу социальному (общая коммуникативная мотивация), и потребность в совершении данного конкретного речевого поступка, потребность включиться в данную речевую ситуацию (ситуативная мотивация).

Наглядность имеет психологическое воздействие на слушателей в процессе обучения и помогает решать следующие учебные задачи:

- активизировать внимание и запоминание материала;
- повышать речемыслительный процесс слушателей;
- стимулировать интерес к предъявляемой и закрепляемой иноязычной информации;
- обеспечивать разнообразие способов деятельности слушателей;
- давать возможность мотивировать речевые действия слушателей, повышать коммуникативную значимость упражнений;
- создавать ощущение реальной языковой среды;
- отвлекать от языковых трудностей.

Существенный результат применения наглядности достигается при соблюдении следующих факторов:

- системная направленность применения на протяжении всего курса;
- целесообразное и целенаправленное использование на каждом этапе обучения и в конкретной ситуации;
- мотивированность применения;

- доступность для понимания;
- высокий уровень исполнения.

Эти факторы способствуют созданию атмосферы коммуникации на занятиях. В зависимости от этапа обучения (введение нового материала, закрепление, контроль) преподаватель использует разные виды наглядности: тесты, схемы и таблицы, карточки, картинки и т.д.

Например, при отработке конструкции “вопрос – ответ” каждый слушатель получает карточку с изображением предмета, ситуации, места, профессии и т.д. Преподаватель спрашивает, а слушатель отвечает согласно ситуации и контексту. Затем слушатели задают подобные вопросы друг другу и отвечают на них [9, с.61].

В методике преподавания русского языка как иностранного принято выделять следующие виды наглядности:

- звуковая наглядность;
- моторная наглядность;
- зрительная наглядность. [10, С.97-101]

Звуковая наглядность используется на всех этапах обучения русскоязычному общению. Основным способом реализации звуковой наглядности является аудиозапись. Звукозапись выполняет важную дидактическую функцию, она представляет собой речевой образец, произносимый носителями языка. Прослушивание аудиозаписи способствует формированию правильной интонации, произношению, постановке правильного ударения, запоминанию речевых образцов.

Применение данного вида наглядности на практике целесообразно посредством представления слушателям аудиозапись диалога, телефонного разговора и т.д. Перед аудированием слушателям дается целевая установка («Слушайте!», «Запоминайте!», «Отвечайте на вопросы»). Первый раз аудиозапись прослушивается для ознакомления с сюжетом. Слушатели стараются понять услышанный материал. Второе прослушивание – контрольное, слушатели готовятся отвечать на вопросы, которые написаны на доске. Во время прослушивания важно не прерывать диктора замечаниями, пояснениями и комментариями. Слушатель должен сконцентрироваться на работе и правильно понять иноязычные высказывания. После прослушивания аудиозаписи преподаватель проводит беседу со слушателями, определяет уровень понимания услышанного материала. Составляя собственные выска-

зывания, слушатели используют речевые обороты, полученные как из аудиотекста, так и из ранее изученного материала. Такая работа с аудиозаписями носит коммуникативный характер.

Моторная наглядность передается через мимику, жесты, движения, экспрессивную интонацию. Этот вид наглядности служит для передачи смысла с помощью актуальных невербальных средств общения, движений, мимики, интонации, которые понятны слушателям и могут быть применены на уровне слова. К примеру, для объяснения глаголов движения (идти, бежать, лететь, прыгать, заходить, выходить, ходить, ехать и т.д.) преподаватель может выполнить ряд действий, которые будут понятны слушателям, а именно: зайти или выйти из класса, встать или сесть и т.д. Для объяснения прошедшего, настоящего и будущего времени глаголов русского языка, преподаватель может жестами указать, в каком времени строить предложение. Жест руками вперед означает, что слушатель должен употребить глагол в будущем времени; опустив ладони к полу, преподаватель указывает на настоящее время, а показав руками назад, дает понять, что глагол должен быть использован в прошедшем времени.

Моторная наглядность эффективна только в том случае, если жесты, движения и мимика будут четко представлены. Моторная наглядность создает благоприятную психологическую атмосферу, мотивирует коммуникативную активность слушателей, делает учебную ситуацию более естественной, заставляет собеседника эмоционально реагировать и снимает языковой барьер.

Зрительная наглядность широко применяется на всех этапах обучения русскому языку как иностранному. К средствам зрительной наглядности относятся таблицы, схемы, карточки.

В преподавании русского языка большое распространение получили динамичные, “подвижные” пособия. Это демонстрационный материал, расширяющий возможности планомерной, систематической работы над учебным материалом. Для достижения поставленных коммуникативных задач предлагается следующий вид работы, который позволит использовать наглядность как средство создания коммуникативной мотивации. Прежде всего, необходимо определить ряд картинок, которые помогут ввести

новый учебный материал или будут способствовать закреплению уже изученного. Работа с ними должна мотивировать учащихся к личному высказыванию. Преподаватель раздает слушателям картинки, которые соответствуют теме занятия, дает время на ознакомление с содержанием наглядного материала, а затем предлагает следующие задания: “Рассмотрите картинки. Ответьте на вопросы: “Как взаимодействуют люди, изображенные на них?”, “Согласны ли вы с утверждением” и т.д. Затем слушателям дается время на то, чтобы сформулировать свое мнение и подготовиться к тому, чтобы выразить его. Далее преподаватель предоставляет возможность высказаться всем. После этого преподаватель предлагает высказаться остальным слушателям, акцентируя внимание на лексике, которая написана на доске”. “Подготовьте свое собственное высказывание по рассматриваемому материалу. Если необходимо, подберите дома дополнительный иллюстративный материал”.

Таким образом, используя средства наглядности, преподаватель создает коммуникативную мотивацию у слушателей. Результатом работы становится формирование способности выражать свое мнение по пройденному материалу, используя изученную лексику в процессе говорения на русском языке.

С помощью средств наглядности создаются учебные ситуации, в которых отрабатывается устная коммуникация и осваивается речевая реакция на жизненные ситуации.

Средства наглядности помогают созданию образов, представлений, мышление же превращает эти представления в понятия. Иллюстрации способствуют развитию внимания, наблюдательности, эстетического вкуса, культуры мышления, памяти и повышают интерес к изучению русского языка, тем самым мотивируя слушателя к коммуникации на русском языке.

В процессе преподавания языка необходимо создавать такие речевые ситуации, которые будут мотивировать иностранных слушателей к коммуникации. Принцип наглядности способствует приобретению осознанных знаний, обеспечивает прочность их усвоения, вызывает познавательную активность обучаемых, оказывает положительное эмоциональное воздействие и способствует успешному решению развивающих, практических, коммуникативных, образовательных и воспитательных задач.

С помощью средств наглядности снимается дополнительная нагрузка на память учащихся, создается наиболее рациональная возможность для создания типичных ситуаций, провоцирующих требуемые высказывания.

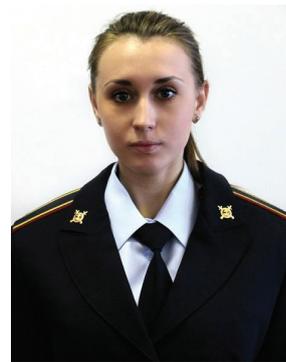
Несомненное достоинство наглядности состоит в психологическом воздействии на слушателей. Она оживляет занятия, активизирует слушателей, повышают их интерес к работе, усиливают внимание, делает изучение чужого языка интересным и увлекательным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А.А. Психологические основы обучения русскому языку как иностранному/ В кн.: Методика. М., 1977. С. 4-11.
2. Деккерт Д.В. Особенности формирования коммуникативной составляющей как элемента профессиональной культуры сотрудников ГПС МЧС России // Вестник КЮИ МВД России. 2012. № 2 (8). С.103-104.
3. Митрофанова О.Д. Основные положения методики обучения/ В кн.: Методика. М., 1977. С.12-21.
4. Васильева М. М. Условия формирования мотивации при изучении иностранного языка // Иностр. языки в школе. 2001. № 2. С.40–44.
5. Гала М.В. Коммуникативная направленность обучения русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. 1985. №5. С.64-66.
6. Шубин Л.Э. Языковая коммуникация и обучение русскому языку как иностранному. М.: Наука, 1972. С.351.
7. Правдин М.Н. Процесс речевой коммуникации // Тезисы докладов XVI Международного семинара преподавателей русского языка из стран Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока и Латинской Америки. М., 1976. С. 30-37.
8. Прокофьева В.Л. Наглядность как средство формирования коммуникативной мотивации при обучении устному иноязычному общению // Иностранные языки в школе. 1990. № 5. С.41.
9. Фридман Л. М. Наглядность и моделирование в обучении. М.: Знание, 1984. 80 с.
10. Стежко И.О. Возможности использования средств наглядности при обучении иностранных курсантов языку специальности // Материалы 21-й межвузовской научно-методической конференции. К.: Мин. обороны РФ. С. 97-101.

И.М. Усманов

Е.А. Коротина

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Нормы социального государства закреплены в ст. 39 Конституции РФ. В статье рассматриваются проблемы реализации подзаконных правовых актов, принятых на основании ст. 39, направленных на реализацию социальной политики в Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция РФ, социальное государство, российское законодательство.

В 2013 году Конституция Российской Федерации отметила 20-летний юбилей. В ней впервые в истории нашей страны зафиксирована законодательная норма о социальном государстве. Согласно Конституции, «Российская Федерация – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7 п. 1).[1]

Зорькин В.Д. отмечает, что «государство можно назвать действительно социальным лишь тогда, когда главной его задачей становится решение проблемы создания надлежащих условий воспроизводства жизни человека как биологического существа и как субъекта различных видов общественной жизнедеятельности, когда создана и функционирует адекватная правовая система защиты социальных интересов личности и когда на решение социальных проблем сориентированы экономика, политика и духовная жизнь общества».[2] Однако необходимо отметить, что на современном этапе не происходит полноценной реализации основ Конституции РФ в вопросах, касающихся обеспечения «достойной жизни» всех категорий граждан.

Процесс возникновения и становления социального государства имеет долгую и сложную историю, которая берет начало еще и в царской России. Так, императри-

цей Екатериной II в 1775 году были введены «Учреждением о губерниях» приказы общественного призрения для управления и развития приютов и учреждений народного образования (устройство и заведование народными школами, сиротскими домами, больницами, аптеками, богадельнями, работными и смирительными домами). Для увеличения финансирования приказов им было разрешено принимать вклады на хранение и выдавать ссуды под недвижимость и государственные процентные бумаги».[3] Традиция меценатства и заботы о нуждающихся являлась одним из компонентов государственности. В XIX-XX вв. широко были распространены заведения, в которых оказывали бесплатную помощь нуждающимся и к которым следует отнести богоугодные заведения для самых нищих слоев общества Российской империи.

Забота о нуждающихся, малоимущих и незащищенных слоях населения является официальным принципом государства, провозгласившего себя социальным. Социально-неадаптированные люди (инвалиды, малоимущие, пенсионеры, больные) часто являются нетрудоспособными и не могут обеспечить свое проживание.

Часть 1 статьи 39 Конституции РФ гласит: «Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для

воспитания детей и в иных случаях, установленных законом». В данном положении четко определены субъекты возникающих отношений. Целью нашей работы является изучение проблемы реализации подзаконных правовых актов, принятых на основании ст. 39, четко содержащие в себе положения, направленные на обеспечение данных категорий материальными благами.

Не стоит отрицать весомый факт, что за двадцать лет после принятия Конституции было разработано и реализовано множество подзаконных актов, регулирующих положение незащищенных слоев населения. Мы полагаем, что в России начинают развиваться лишь зачатки социальности, ведь, согласно опыту предшествующих поколений, формирование социального государства – долгий процесс, в котором принимает исключительное участие само гражданское общество. В качестве примера более длительного осуществления функций социального государства можно привести опыт зарубежных стран, которые после окончания второй мировой войны провозгласили себя таковыми: Федеративная Республика Германия с 1949 г., Франция с 1958 г., Испания с 1978 г. и другие государства мира.

Обратимся к современному состоянию российского законодательства, регулирующего права граждан на социальное обеспечение, главным аспектом которого является пенсионное обеспечение. В настоящее время система законодательства, регулирующая пенсионное обеспечение, представлена Федеральными законами «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и другими актами. Однако общеизвестно, что российские пенсионные выплаты на 2014 год составляют всего 26% от заработной платы гражданина до пенсии, что в четыре раза сокращает его достаток в сравнении с получением бывшей заработной платы. Оказавшись в такой ситуации, лица пенсионного возраста с трудом могут обеспечить свое проживание. Данная ситуация усугубляется повышением оплаты жилищно-коммунальных услуг (в 2014 году – на 8%), а также цен на необходимые товары (в 2014 – на 7,3%). В сравнении с высокими показателями уровня жизни населения зарубежных стран,

в частности США, где пенсия составляет 50% от заработной платы, Японии – 60%, Польше – не менее 50%, российская пенсия уступает в два раза.

Таким образом, заложенное в Концепции долгосрочного социально-экономического развития на период до 2020 г. «Положение о повышении уровня пенсионного обеспечения всех категорий пенсионеров» (повышение среднего размера трудовых пенсий по старости к 2016-2020 годам должно достичь величины, обеспечивающей не менее 2,5-3-х прожиточных минимумов пенсионера), по всей видимости, будет существовать лишь на бумаге.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что до принятия Конституции РФ в 1993 г. действовала Декларация прав и свобод человека и гражданина, утвержденная Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. [4], статья 26 которой гласит: «Пенсии, пособия и другие виды социальной помощи должны обеспечивать уровень жизни не ниже установленного законом прожиточного минимума» [5], при этом ни в Конституции РФ, ни федеральном законодательстве не содержится подобной нормы. Законодательство, как правило, не учитывает современную юридическую доктрину, поэтому нормативные акты в сфере регулирования социальных прав имеют пробелы и противоречия.

Несмотря на то, что Президентом и Правительством Российской Федерации принимаются меры по повышению размера пенсии, минимального размера оплаты труда, тенденция экономического роста уровня жизни пенсионеров не отвечает росту цен на жилищно-коммунальные услуги, продукты питания, медикаменты и другие жизненно-необходимые товары и услуги. Из чего можно сделать вывод о неэффективности применения социальной политики.

Повышение эффективности пенсионного законодательства возможно при соблюдении следующих условий: распространение законодательства на всех нуждающихся, соблюдение принципа равноправия и справедливости, выполнение государством всех взятых на себя обязательств, недопущение снижения уже достигнутого уровня социальных гарантий, обеспечение прожиточного минимума нетрудоспособных.

Среди основных недостатков пенсионного законодательства можно выделить следующие: недифференцированный характер исчисления размера пенсии, в частности, ее зависимость от количества страховых взносов, несоизмеримость пенсии с трудовым доходом, существование размеров пенсии ниже прожиточного минимума.

Необходимо отметить два акта, действие норм которых связано с регулированием отношений в области социального обеспечения самых незащищенных и нуждающихся слоев населения. Первым, принятие которого связано с регламентацией основ социального обслуживания населения, является Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации».[6] В законе указаны категории лиц, обладающих этим правом (пенсионеры, больные, инвалиды, несовершеннолетние, находящиеся в трудной жизненной ситуации и т.д.). Кроме того, закон закрепил систему служб, осуществляющих социальное обслуживание, ресурсное обеспечение и т.д., тем самым законодатель обеспечил наименее защищенные категории граждан заботой.

В законе от 17 июля 1999 г. «О государственной социальной помощи» определены цели государственной социальной помощи, ее формы, перечень социальных услуг, оказываемых нуждающимся гражданам.[7] Как видно, цель принятия этих актов одна – забота о наименее защищенных категориях лиц.

Другой вопрос заключается в том, насколько в действительности защищены данные слои населения?

Рассмотрим Закон от 15 мая 1991 г. «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».[8] Анализ закона позволяет сделать вывод, что многие ежемесячные денежные компенсации на возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, гражданам составляют совсем мизерные суммы, которых не хватает даже на лечение болезней, полученных в ликвидации катастрофы 1986 г. Так, например, размер пособия, согласно вышеприведенному фе-

деральному закону на 1 января 2014 года составили: инвалидам I группы – 15486,48 рублей, II группы – 7743,25 рублей, III группы – 3097,29 рублей.[9]

Другим примером служит Федеральный закон от 12 января 1995 г. «О ветеранах», где также обращают на себя внимание вопросы ежемесячных выплат гражданам, принимавшим участие в боевых действиях Афганской войны, который стал особо актуален в свете празднования 25-летней годовщины вывода войск из Афганистана. Многие выплаты ветеранам составляют сумму в 2-3 раза меньше прожиточного минимума: 1699 руб. – ветеранам боевых действий; 1990,38 руб. – с учетом отказа от набора социальных услуг; 1239,55 руб. – при сохранении полного набора социальных услуг; 1907,31 руб. – при сохранении права бесплатного проезда на пригородном железнодорожном транспорте, а также на междугородном транспорте к месту лечения и обратно; 1412,08 руб. – при сохранении права на обеспечение по рецептам врача (фельдшера) необходимыми лекарственными препаратами; 1900,92 руб. – при сохранении права при наличии медицинских показаний на получение санаторно-курортной путевки. Размер набора социальных услуг составляет 750,83 руб., из них направляется: на обеспечение по рецептам врача (фельдшера) необходимыми лекарственными препаратами – 578,30 руб.; на оплату предоставления при наличии медицинских показаний путевки на санаторно-курортное лечение – 89,46 руб.; на оплату бесплатного проезда на пригородном железнодорожном транспорте, а также на междугородном транспорте к месту лечения и обратно – 83,07 рубля.[10]

Несмотря на вводимые поправки и предпринимающиеся попытки привести нормы Закона «О ветеранах» в соответствие с Конституцией, закрепляющей равенство граждан перед законом, в области социальной поддержки ветеранов боевых действий необходимо выделить ряд проблем, требующих своего решения: установление статуса ветерана боевых действий; распространение статуса «ветераны боевых действий» на отдельные категории граждан; перевод ветеранов военной службы из числа региональных льготников в федеральные льготники; предоставление права на льготный

проезд или соразмерную компенсацию на городском и междугородном транспорте на территории Российской Федерации для всех ветеранов войны и боевых действий.

Далее нами были проанализированы нормы Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», в котором устанавливаются следующие виды пособий: единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности (до двенадцати недель) – выплачивается в размере 515,33 руб.; единовременное пособие по случаю рождения ребенка – 13741,99 руб.; минимальный размер ежемесячного пособия по уходу за первым ребенком – 2576,63 руб. и 5153,24 руб. по уходу за вторым ребенком и последующими детьми и т.д. Учитывая рост цен на товары, в которых нуждаются молодая мама и ребенок, становится очевидным, что вышеуказанной суммы недостаточно для полноценного обеспечения молодой семьи. Максимальный размер пособия по беременности и родам составляет 624 000 рублей. [11]

Обобщая изложенное, необходимо от-

метить, что в Российской Федерации существует проблема реализации конституционных норм о социальной защите граждан. Прямое действие Конституции РФ означает, что ее нормы должны применяться непосредственно и не требуют наличия специального нормативного акта. Однако абстрактность формулировок конституционных норм порождает проблему того, что большинство ее норм по социальным правам не может иметь прямого действия. В отдельных случаях конституционная норма устанавливает необходимость принятия Федерального закона по видам правоотношений, касающихся отношения государства к слоям населения России, нуждающимся в материальной поддержке.

Оценивая сложившееся законодательство Российской Федерации в сфере регулирования социальных прав, следует отметить существование значительных пробелов, коллизий и противоречий, устранение которых связано как с принятием новых Федеральных законов, так и обновлением действующих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации. М.: Аст-Астрель, 2003. С. 4.
2. Зорькин В.Д. Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1 (62).
3. Приказ общественного призрения. URL:<http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 12.02.2014).
4. О Декларации прав и свобод человека и гражданина: постановление ВС РФ от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.
5. Прожиточный минимум в РФ на 1 января 2014 года составил от 5000 руб. до 7000руб. в зависимости от регионов России.
6. Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ (ред. от 23 июля 2008 г. № 160-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4872; 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3616.
7. О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 25 декабря 2009 г. 213-ФЗ) // Российская газета. 1999. № 142; 2009. № 138.
8. О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС: закон РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 (ред. от 24 июля 2009 г. № 213 ФЗ) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 21. Ст. 699; Российская газета. 2009. № 138.
9. О внесении изменений в Постановление Правительства РФ от 21 декабря 2007 г. № 914: постановление Правительства РФ от 07 июля 2009 г. № 545 // Российская газета. 2009. № 127.
10. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 25.11.2013, сизм. от 06.02.2014) "О ветеранах".
11. Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ (ред. от 02.07.2013) "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей" (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2014).

М.М. Соболева

ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье раскрываются правовые основы обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в деятельности полиции России. Проанализированы направления взаимодействия институтов гражданского общества с органами внутренних дел. Рассмотрены отдельные проблемы указанного взаимодействия.

Ключевые слова: права человека, гражданское общество, полиция

Деятельность полиции сопутствует реализации значительной части прав и свобод. В связи с этим имеются определённые основания для изучения взаимодействия различных субъектов правоохранительной системы в сфере обеспечения прав и свобод граждан относительно органов внутренних дел. [4]

Обеспечение прав и свобод граждан в узком смысловом значении направлено на создание необходимых благоприятных условий (гарантий) для самостоятельной правомерной, качественной и полной реализации гражданами своих личных прав и свобод и является приоритетным направлением правоохранительной деятельности в условиях правовой государственности.

Деятельность в сфере указанного обеспечения неоднородна и включает следующие направления [4]:

- социальное обслуживание населения, выраженное в оказании гражданам различного рода услуг: розыск пропавших без вести лиц, помощь пострадавшим от преступлений, стихийных бедствий или несчастных случаев, информационные услуги, консультации и т.п.;

- охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, гарантирующих такие права, как право на неприкосновенность личности, право на охрану чести и достоинства, право на охрану здоровья, право на безопасный проезд на транспорте, право на безопасный отдых, право на помощь при возникновении стихий-

ных бедствий и другие субъективные права;

- обеспечение личной безопасности граждан, создающей атмосферу комфортности, состояние защищенности жизненно важных интересов граждан от внутренних и внешних угроз;

- профилактику правонарушений, осуществляемую с целью предупреждения (выявления и устранения) различных причин и условий, которые могут породить эти правонарушения, или другие препятствия для полноценной реализации гражданами своих прав и свобод.

Следствием укрепления рыночных и демократических основ современного российского общества стало интенсивное формирование в нем институтов гражданского общества и рост их влияния на различные стороны общественной жизни, включая политико-правовую сферу и правоохранительную деятельность. Однако процесс формирования в стране гражданского общества идет непоследовательно и противоречиво, что снижает возможности складывания и использования созидательного потенциала гражданского общества. Как свидетельствует отечественный и зарубежный опыт, правоохранительные органы не в состоянии сами, в одиночку, без широкой и активной общественной поддержки, противостоять преступности, сведя ее к социально терпимому уровню. Такая поддержка особенно необходима сегодня органам внутренних дел (полиции). [3]

Находящимся с середины 90-х годов XX века в стадии реформирования органам внутренних дел не удалось еще разрешить весьма острое противоречие между потребностями общества в общецивилизованном уровне безопасности и способностью органов внутренних дел, всей правоохранительной системы государства обеспечить эту безопасность.[4]

Для рассмотрения правовой основы механизма взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в сфере защиты личных прав и свобод человека обратимся к ФЗ «О полиции» (далее – Закон). В соответствии с ч.1 ст.1 указанного закона «полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее также - граждане; лица)...», ч.3 ст.1 гласит: «Полиция в пределах своих полномочий оказывает содействие...органам местного самоуправления, иным муниципальным органам (далее также - муниципальные органы), общественным объединениям, а также организациям независимо от форм собственности (далее - организации), должностным лицам этих органов и организаций (далее - должностные лица) в защите их прав».

В соответствии со ст. 2 ФЗ «О полиции» деятельность полиции направлена на защиту личности, общества, государства от противоправных посягательств. Недостатком указанной статьи является отсутствие отдельного направления по защите прав и свобод граждан. Получается, что назначение полиции и направления ее деятельности в соответствии с законом не вполне совпадают. Для устранения недостатка предлагаем дополнить ст.2 п. 13 – «защита конституционных прав и свобод граждан в пределах полномочий».

Гарантированность и защита личных прав и свобод человека становится в настоящее время одной из приоритетных задач не только в рамках государства, но и на международном уровне. Социальные конфликты, экологические катастрофы и другие негативные факторы создают постоянную угрозу для жизни человека, нарушают

его неотъемлемые права, в частности, право на жизнь и неприкосновенность личности, поэтому постоянный поиск новых форм гарантированности и защиты личных прав и свобод, а также совершенствование уже созданных и функционирующих является одним из наиболее важных вопросов современности. [11]

Исследованием международных актов в сфере реализации личных прав и свобод человека, их взаимодействия с национальным законодательством, а также проблем реализации занимаются многие российские ученые - А.Н. Бабай, И.Л. Бачило, И.И. Лукашук и др.

По мнению некоторых ученых, сегодня в мире происходит кризис «традиционных универсалистских представлений о правах человека». Этот конфликт связан, во-первых, с попытками применения таких представлений о правах человека к религиозным меньшинствам или иным мультиэтническим обществам. Второй проблемой этого конфликта является то, что общая риторика защиты прав человека сталкивается с противоречиями ее практического воплощения через применение оружия и насильственных действий.

Третьим фактором, как считают П.П. Баранов и А.И. Овчинников, является отсутствие моральности и духовности в общественной жизни. Нормативный массив все нарастает, а порядка, согласия, стабильности в общественной жизни не наблюдается [1].

Следующей проблемой являются непосредственно реализация и защита личных прав и свобод человека. Как указывает А.П. Мовчан [6], важны не только гарантии, всеобщее признание и законодательное закрепление прав и свобод, но и реальный режим их соблюдения и защиты, а для того чтобы права и свободы не оставались декларативными, необходим государственный механизм реализации международных стандартов в этой сфере. Формирование такого механизма остается одной из актуальных проблем совершенствования российского законодательства, особенно в связи с недавно принятым Федеральным законом «О полиции». [2]

Важнейшей задачей является обеспечение единства понимания и применения Федерального закона «О полиции», направленного на создание основ деятельности органов правопорядка в Российской Федерации. Необходимость повышения уровня правовой культуры населения, значительная часть которого видит в уголовном праве лишь карательное начало и не учитывает позитивного содержания норм, требует коренного изменения правового мышления работников правоохранительных органов. [8]

Законом «О полиции» предусмотрено комплексное решение задач по устранению несогласованности норм, содержащихся в различных нормативных правовых актах Российской Федерации, а также пробелов в правовом регулировании деятельности полиции. Полиция должна сосредоточить основные усилия на закреплении партнёрской, а не доминантной модели взаимоотношений полиции и общества, на защите прав и свобод человека и гражданина в соответствии с международными стандартами.

В Федеральный закон «О полиции» включены в адаптированном виде нормы ряда международных документов, касающихся полицейской деятельности: Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, Декларации о полиции, Европейского кодекса полицейской этики, Всеобщих стандартов борьбы с коррупцией в полицейских ведомствах и органах.

Кроме того, в Законе реализован положительный международный опыт в области строительства полицейских институтов, а также сохраняются отечественные традиции регулирования деятельности органов правопорядка.

Например, в соответствии с положениями Декларации о полиции, принятой в 1979 году Парламентской ассамблеей Совета Европы, и рекомендациями Европейского Суда по правам человека, в новый Закон включена норма, согласно которой лица, находящиеся под стражей, должны содержаться в условиях, исключающих угрозу их жизни и здоровью.

Для усиления гарантий соблюдения прав и свобод человека и в соответствии с Евро-

пейским кодексом полицейской этики новым Законом предусматривается ведение реестра лиц, подвергнутых задержанию. В целях реализации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных и в соответствии с требованиями Федерального закона "О персональных данных" установлены полномочия полиции по сбору и обработке данных о гражданах. Основания и условия применения оружия ограниченного поражения разработаны на основе Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятого Генеральной Ассамблеей ООН, установлены гарантии личной безопасности вооружённого сотрудника полиции. [7]

Закон «О полиции» призван соответствовать принципам правового государства, способствовать созданию системы эффективной профилактики преступлений и правонарушений, повышению уровня открытости и взаимного доверия между полицией и гражданами. По мнению генерала Сергея Булавина, «открытость формирует доверие, доверие порождает уважение, уважение ведет к содействию и помощи со стороны населения». [2] Под открытостью подразумевается не просто предоставление обществу значительного числа информации о деятельности полиции, требуется готовность к предметному диалогу, способность воспринимать от институтов гражданского общества и населения конструктивные предложения по обеспечению правопорядка.

Требования современного общества, вступивший в силу закон «О полиции» и сама идеология правоохранительной деятельности предполагают формирование новых подходов в подаче информации и коммуникации с гражданами, постоянное повышение качества их реализации за счет включения различного рода интерактивных технологий.

Основными направлениями деятельности органов внутренних дел по обеспечению реализации, охране и защите конституционных прав, свобод и законных интересов граждан России являются[5]:

а) защита человека, его жизни, здоровья,

прав, свобод и законных интересов независимо от пола, возраста, национальности и т.д.;

б) недопущение в своей деятельности незаконных ограничений и нарушений прав, свобод и законных интересов граждан;

в) непосредственная охрана декларируемых Конституцией Российской Федерации прав, свобод и законных интересов граждан;

г) обеспечение необходимых условий реализации гражданами соответствующих видов прав, свобод и законных интересов.

Исследование проблем взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества и населением посредством технологий связей с общественностью обусловлено принятием Федерального закона «О полиции» и формированием института полиции, деятельность которого предполагает большую информационную открытость, интенсивный информационный обмен с различными категориями общественности и установление с ней более тесных и эффективных форм сотрудничества. [9]

Стоит отметить, что каждый институт гражданского общества имеет свою специфику взаимодействия с полицией. Однако объект и задачи настоящего исследования предполагают исследование взаимодействия полиции и гражданского общества в целом. Вместе с тем считаем важным сделать акцент на тех институтах гражданского общества, которые чаще взаимодействуют с полицией в сфере защиты личных прав и свобод. На наш взгляд это, прежде всего, некоммерческие организации (НКО) и средства массовой информации (СМИ).

До настоящего времени в России отсутствуют столь необходимые концептуальные документы по государственной политике Российской Федерации в сфере защиты прав граждан, взаимодействию полиции и гражданского общества. При этом в рамках имеющихся исследований, в материалах круглых столов, конференций по исследуемой проблематике можно найти некоторые рекомендации по таким документам.

Существующая в США и других странах Запада партнёрская модель взаимодействия общества и органов внутренних дел является привлекательной и для России. Однако её

реализация требует длительной, кропотливой социальной инженерии [10].

Гражданское общество является не только саморазвивающейся системой естественно-искусственного типа, обладающей общими и специфическими признаками, но и самоуправляющейся системой, организуемой на основе принципов и методов социинженерного подхода.

В связи с этим, учитывая сказанное выше, поиск модели взаимоотношений, обеспечивающей баланс интересов, является актуальной задачей. В частности, нужно выработать критерии оценки деятельности полиции общественным мнением на основе источников вневедомственной социологической информации.

В заключение можно предложить ряд направлений совершенствования механизма поддержки институтов гражданского общества:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы взаимодействия полиции и гражданского общества, в том числе принятие закона «О неправительственных организациях», концепций взаимодействия полиции и гражданского общества на федеральном и региональном уровне.

2. Усиление эффективности работы общественных и консультативных советов при органах внутренних дел, отход от имитационной составляющей в их деятельности.

3. Пересмотр функций и порядка формирования Общественной палаты РФ, отказ от влияния на её формирование государства.

4. Создание благоприятных условий для правозащитных НКО для контроля за деятельностью полиции.

5. Развитие народной правотворческой инициативы, продолжение практики всенародного обсуждения законопроектов в сети Интернет.

6. Поощрение добровольческих инициатив, волонтерского движения.

7. Развитие системы государственных грантов для некоммерческих организаций, создание налоговых льгот.

8. Проведение регулярных форумов в формате «государство–гражданское общество».

9. Развитие местного самоуправления

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов П.П., Овчинников А.И. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления. Ростов, 2006. С.137.
2. Булавин С.П. Оказание эффективной помощи конкретному человеку // Российская газета. 2011. 25 мая.
3. Воронкова Н.В. Социально-политические аспекты взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества и населением в охране общественного порядка в современной России: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2007. С.4.
4. Головкин А.В. Взаимодействие органов внутренних дел с другими субъектами правоохранительной системы в сфере обеспечения прав и свобод граждан: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2000. С.4.
5. Дондоков Ц.С., Лупенко И.Ю. Особенности реализации конституционно-правовых норм органами внутренних дел в деятельности по охране правопорядка и обеспечению законности // Вестник ЧитГУ. 2010. № 1 (58). С.68-70.
6. Мовчан А.П. Права человека и международные отношения. М., 1981. С.7.
7. Мухина Г.А. Федеральный закон «О Полиции» как один из гарантов защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации// Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2013. № 4. С.13.
8. Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2011. С.13.
9. Рецензия на монографию М.С. Ворониной, С.В. Егорышева «Взаимодействие органов внутренних дел с населением на основе технологий public relations (связей с общественностью)»// Вестник ВЭГУ. 2012. № 3. С.179-180.
10. Соколов А.Н., Сердобинцев К.С. Российское государство – регулятор взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества// Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2011. № 3. С.50.
11. Шафикина Е.Н. Проблемы Взаимодействия международного и национального права в области реализации и защиты личных прав и свобод. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 28 (161). С.27-29.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Макет учебного уголовного дела: учебно-практическое пособие / [Ф.К. Зиннуров и др.]; под ред. докт. педагог. наук, доцента Ф.К. Зиннурова. – Казань: КЮИ МВД России, 2014. – 290 с.

Настоящее учебно-практическое пособие представляет собой макет уголовного дела по факту преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Данное пособие является наглядным примером составления процессуальных и иных документов, находящихся в уголовном деле при расследовании квартирной кражи с момента его возбуждения до направления прокурору с обвинительным заключением.

Фабула, все личные данные участников уголовного судопроизводства, события, время и иные сведения специально разработаны авторским коллективом для учебно-практического пособия, любое сходство является совпадением.

Данное учебно-практическое пособие предназначено для курсантов, студентов и слушателей, обучающихся в

юридических вузах, преподавателей, а также сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование.

З.И. Тагиров

**РЕГИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КОМПОНЕНТ
КАК АКТУАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ВЕДОМСТВЕННОЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ**

В статье освещаются юридико-педагогические проблемы подготовки специалистов в образовательных организациях МВД России, возникшие на современном этапе реформы ведомственной системы образования.

Ключевые слова: региональное право, право субъектов Российской Федерации, федеральное право, федеративное право, региональный компонент, юридическое образование.

Неоспоримым достоинством федеративной системы государственного устройства является степень самостоятельности её элементов (субъектов). Самостоятельная (автономная) устойчивость отдельных элементов любых кибернетических систем является законом общей устойчивости управления в таких системах. В государственно-правовых системах степень такой самостоятельности определяется, как правило, конституционными правовыми актами.

Конституция Российской Федерации 1993 года в статьях 71-73 разграничивает предметы (сферы) ведения между федерацией и её субъектами.[1] В части 1 статьи 72 Конституции РФ содержится не менее 40 вопросов совместного ведения Российской Федерации и её субъектов. Кроме того, существует множество различных сфер общественной жизни, находящихся вне пределов совместного ведения, при регулировании которых, в соответствии со статьёй 73 Конституции РФ, субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти.

Применительно к нашему исследованию среди предметов совместного ведения стоит отметить вопросы, в наибольшей степени влияющие на оперативно-служебную деятельность территориальных ОВД: это обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; административное и административно-процессуальное законодательства; общие вопросы воспитания; защита семьи, материнства, отцовства и детства; кадры правоохранительных органов (последняя сфера в качестве предмета совместного ведения закреплена скорее декларативно).

1. Опираясь на опыт Республики Татарстан в данной сфере, можно отметить, что влияние региональных норм права субъекта РФ на деятельность территориальных ОВД существенно. Например, в Республике Татарстан на служебную деятельность сотрудников полиции (подразделений по охране общественного порядка) оказывают определенное влияние Кодекс Республики Татарстан об административных правонарушениях [2] вместе с нормами о соблюдении режима тишины и благоустройства территорий, законодательства Республики Татарстан об охране общественного порядка, об охране прав несовершеннолетних, об ограничении продажи алкогольной продукции, об исполнении задержания транспортного средства, оказывает влияние исполнение республиканской Программы профилактики правонарушений, также существует множество иных сфер влияния. Заметим, для справедливости, что в интересах органов внутренних дел объем и пределы, а также степень влияния региональных норм права (здесь и далее будут рассматриваться как синонимы понятия «регион» и «субъект РФ», «региональное право» и «нормы права, издаваемые субъектами РФ в пределах их компетенции») на деятельность территориальных ОВД научным исследованиям, к сожалению, пока не подвергались и, безусловно, должна быть изучена в будущем.

В отечественной юридической науке среди первых публикаций, посвященных региональному праву, можно выделить работы В.В. Толстошеева [3], А.Н. Кокотова [4] и М.Ф. Маликова. [5] В специальной

литературе предмет и пределы правового регулирования субъектов Российской Федерации подвергались анализу во множестве диссертационных исследований по конституционному праву, и уже высказаны некоторые дискуссионные идеи о сущности регионального и *федерального* права как структурных частей *федеративного* права [6], о межотраслевых системных взаимосвязях регионального права [7], высказываются диаметрально противоположные мнения о признании системы региональных норм отраслью права. [8]

Тем не менее, некоторые из региональных нормативных правовых актов прямо возлагают определенные обязанности на органы внутренних дел, которые в своей деятельности обязаны руководствоваться законами субъектов Российской Федерации по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, изданными в пределах компетенции субъектов РФ (часть 2 статьи 3 ФЗ «О полиции»). Например, согласно части 2 статьи 8.1 Кодекса Республики Татарстан об административных правонарушениях от 19.12.2006 № 80-ЗРТ, должностные лица органов внутренних дел составляют протоколы об административных правонарушениях по ряду статей данного кодекса. Так, например, в 2013 году в Республике Татарстан сотрудниками ОВД по КоАП РТ было составлено 24527 протоколов, а по КоАП РФ (ст.ст. 6.10, 14.7, 20.1, 20.8, 20.11-20.13, 20.20-20.22) в тот же период 158931 протоколов. [9]

В последние годы во многих регионах в деятельности представительных органов субъектов Российской Федерации отчетливо прослеживаются тенденции к расширению сферы правового регулирования указанных вопросов, некоторые авторы справедливо замечают, что в настоящее время в данной сфере в региональном законодательстве наблюдается даже период относительной стабилизации правового регулирования (по сравнению с последним десятилетием прошлого века). [10]

Таким образом, в качестве гипотезы можно предположить, что изучение регионального компонента правового регулирования деятельности органов внутренних дел – это современная объективная потребность системы подготовки кадров в МВД России,

в которой в последние годы наметились определенные тенденции.

Во-первых, в кадровой политике реформируемой системы МВД России ширится использование механизмов создания резерва руководящих кадров и их горизонтальной ротации между региональными территориальными органами. В контракт, заключаемый с рядом руководящих сотрудников ОВД, для которых предусмотрена ротация, включается положение о возможности перевода сотрудника на иную равнозначную должность, в том числе в другую местность. [11] Предлагается перемещать по службе между субъектами Российской Федерации, в том числе, начальников территориальных органов МВД России на районном уровне. [12] При этом переход на службу в другой субъект РФ требует от руководителя знания многих особенностей регионального законодательства, имеющего отношение к деятельности ОВД, и положительного правоохранительного опыта, накопленного в регионе.

Во-вторых, сокращение числа организаций высшего профессионального образования МВД России (24 организации без учета филиалов в 2010 году) повлекло укрупнение оставшихся (18 организаций без учета филиалов с 2011 года) и расширение представительства в них курсантов и слушателей, направленных на учебу из большего количества субъектов РФ, в которых выпускники по окончании обучения должны продолжить службу. Ряд образовательных организаций преобразован в институты повышения квалификации, в которых будут получать дополнительное профессиональное образование по различным должностным категориям сотрудники ОВД всей страны.

В-третьих, в системе МВД России расширяются тенденции к профессионально-специализированной ориентации ведомственных образовательных организаций. Предполагается, что за каждым вузом МВД России будет закреплена подготовка специалистов определенных должностных категорий сотрудников ОВД (у ряда вузов МВД России такой профиль в настоящий момент уже сложился). Соответственно, в такие профессионально-специализированные вузы для получения образования по конкретной специализации будут направляться абитуриенты и сотрудники из

различных субъектов РФ.

В-четвертых, в рамках создания механизма, совершенствующего комплектование и обеспечивающего непосредственное участие образовательных организаций МВД России в предварительном отборе кандидатов на обучение, на базе Воронежского института МВД России с 2012 года проводится эксперимент по «прямому набору» – комплектованию обучающихся без направления из территориального органа внутренних дел. При этом личное дело кандидата оформляется непосредственно в вузе, с которым абитуриент заключает контракт о службе в ОВД, военно-врачебная комиссия организована там же, после окончания вуза выпускники будут распределены по плану-разрядке МВД России в любой регион страны (на основе кадровой потребности в соответствующих специалистах без учета мнения выпускника).[13]

Выявленные актуальные тенденции системы подготовки кадров в МВД России определяют необходимость повышения профессионально-специализированной компетентности (готовности) современных выпускников образовательных организаций МВД России к службе в различных субъектах РФ. В недалеком будущем настанет время, когда выпускники вузов МВД России должны будут быть более мобильны в горизонтальном перемещении по службе. В этом аспекте знание регионального законодательства субъектов РФ в сфере внутренних дел будет для них необходимым условием профессиональной компетентности.

Заметим, что обучение в МВД России основано на примерных программах, утверждаемых Департаментом государственной службы и кадров МВД России, общеобязательных для всех ведомственных вузов. Такие программы подготовки специалистов не дифференцированы по спецификам правового регулирования в субъектах РФ. Рабочие учебные программы, разрабатываемые вузами МВД России, как правило, приближены к юридической практике того региона, в котором находится вуз, и в значительной степени оторваны от юридической практики регионов, из которых комплекуются и направляются на учебу курсанты и слушатели вузов МВД России. Зачастую положительная правоприменительная

практика деятельности различных территориальных органов МВД России при подготовке рабочих учебных программ по соответствующим дисциплинам и при обучении в ведомственных вузах учитывается слабо.

Наиболее наглядно данная проблема проявляется при изучении учебных тем административной направленности (административное и административно-процессуальное законодательство, муниципальное право, защита прав и свобод человека и гражданина и др.), а также при изучении большого количества специальных дисциплин, в различных аспектах изучающих обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; защиту семьи, материнства, отцовства и детства; разностороннюю административную деятельность ОВД. Большинство спецдисциплин отнесено к вариативной части программ подготовки, по которым в системе МВД России имеется возможность вносить необходимые коррективы в учебные планы, связанные с особенностями будущей службы и потребностями заказчиков обучения (комплекующих органов).

В образовательных организациях системы МВД России в сравнительно-региональном анализе отечественную правовую систему, как правило, не изучают. В рамках одной из тем в курсе дисциплины «Сравнительное правоведение» (2 академических часа практического занятия) к изучению предусмотрены вопросы истории развития российской правовой системы (основные этапы формирования и особенности), правовая система РФ и романо-германская семья, источники российского права, тенденции развития современного российского законодательства. Тематическим планом данной учебной дисциплины сравнительный анализ законодательства субъектов Российской Федерации в сфере внутренних дел не предполагается. [14]

Стоит заметить, что изучение законодательных и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в сфере внутренних дел предусматривается в рамках правовой профессиональной подготовки практических сотрудников ОВД. [15] Однако включение в тематические планы правовой подготовки соответствующих региональных правовых актов в конкретном ОВД в большей степени является усмотре-

нием сотрудника, планирующего данный вид деятельности, и не является обязательным, а виды и наименования изучаемых в рамках данной правовой подготовки региональных источников права на сегодняшний день не обобщаются.

На сегодняшний день сравнение отдельных правовых норм, действующих в субъектах РФ по конкретным сферам регионально-правового регулирования, осуществляется крайне редко и преимущественно по вопросам, не относящимся к деятельности ОВД [16]. Обзоры регионального законодательства в субъектах Российской Федерации, подготавливаемые для справочно-правовых систем («Гарант» и «КонсультантПлюс»), формируются исключительно по хронологически-региональному методу, однородные нормы права между субъектами РФ не анализируются. [17] В доступных источниках и в СМИ подобного рода обзоры однородных норм права публикуются редко.

Представляется, что вслед за реформой системы высшего образования, утверждением новейших ФГОС и реформой системы правоохранительных органов, в настоящий момент объективно назрела насущная потребность повышения качества подготовки специалистов для МВД России с учетом региональных особенностей их службы. В целях устранения описанных проблем, связанных со слабым учётом региональных особенностей правового регулирования сферы деятельности органов внутренних дел, в ведомственном юридическом образовании МВД России можно предложить внедрение одной из трех вариативных педагогических моделей:

1. интеграция в тематические планы существующих дисциплин учебных тем (вопросов), раскрывающих общие и отличительные черты региональных норм права и положительный опыт в сфере внутренних дел;

2. соответствующая корректировка тематического плана дисциплины «Сравнительное правоведение» с целью изучения общих и отличительных черт региональных норм права в сфере внутренних дел;

3. внедрение в учебный процесс дисциплины «Региональное право в деятельности ОВД» или более широкой по рассматриваемому кругу учебных вопросов дисциплины «Региональные нормы права и положительный опыт в деятельности ОВД».

В любом из вариантов реализации указанной задачи подготовка специалистов для МВД России предполагает расширение интегративной проектно-кластерной модели и педагогических условий для формирования правоохранительных профессионально-специализированных компетенций выпускников образовательных организаций системы МВД России. [18]

Изучение отдельной дисциплины возможно факультативно в качестве эксперимента в одной из образовательных организаций МВД России. По содержанию в общей (теоретической) части предлагаемая к нововведению дисциплина может быть приближена к сравнительному правоведению или основана на ней, но в специальной части такая дисциплина должна иметь отличительные особенности, связанные с региональной спецификой нормативного регулирования практической деятельности территориальных органов МВД в различных субъектах Российской Федерации.

В качестве положительного результата, вызванного процессом реализации методического обеспечения данных педагогических моделей, прогнозируются качественное повышение профессионально-специализированной компетенции выпускников образовательных организаций высшего профессионального образования МВД России и дальнейшее укрепление сотрудничества профессорско-преподавательского состава вузов с территориальными органами внутренних дел, так как содержание учебных вопросов неразрывно связано с практической деятельностью региональных ОВД. Изучение обозначенного круга вопросов будет способствовать дальнейшему усилению практической направленности обучения в вузах МВД России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата публикации: 26.02.2014) // Собрание зако-

нодательства РФ. 2014. № 9. Ст. 851.

2. Кодекс Республики Татарстан об административных правонарушениях от 19.12.2006 № 80-ЗРТ (принят ГС РТ 16.11.2006) (ред. от 28.02.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Толстошеев В.В. Региональное право России: проблемы становления и развития // Государство и право. 1998. № 11. С.8-14.

4. Кокотов А.Н. Конституционное (уставное) право субъектов Российской Федерации как составная часть конституционного права Российской Федерации // Конституционное право субъектов Российской Федерации / отв. ред. В.А. Кряжков. М., 2002. С.33.

5. Маликов М.Ф. Региональное право: учеб. пособие: В 5 т. Уфа: Изд-е Башкирского унта, 2002.

6. Потапов М.Г. Научно-теоретические и методологические проблемы исследования регионального права // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 5. С. 518-527.

7. Жунусканов Т.Ж. О статусе регионального права в системе правовых норм Российской Федерации (некоторые вопросы и проблемы) // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 2. С.14-17.

8. См., например: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. С.61-62; Толстошеев В.В. Региональное экономическое право России: учебно-практическое пособие. М.: Издательство БЕК, 1999. С.4-5, 23.

9. Статистика/Административная практика/Выявлено нарушений КоАПРТ/Сведения по Татарстану//Справочный информационный фонд МВД по РТ. Режим доступа [ограниченный], информационный ресурс сети ЕИТКС ОВД РФ: [URL:<http://10.144.1.134/>] (дата обращения 15.05.2014).

10. Казанцев М.Ф. Региональное законодательство: трудности роста // Вестник Уральского отделения РАН. 2009. № 2 (28). С.32.

11. Часть 4 статьи 23 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа [свободный] URL:<http://www.pravo.gov.ru>, (дата публикации: 01.12.2011) // Российская газета. 2011. 7 декабря.

12. Пункт 2.5.6. решения коллегии МВД России от 15 марта 2012 г. N 2км, объявленного приказом МВД России от 23.03.2012 № 211 // СТРАС «Юрист 3000». Режим доступа [ограниченный: ведомственный ресурс]

13. Институт приглашает на обучение абитуриентов из всех регионов России, готовых заключить контракт // Официальный интернет-сайт ФГКОУ ВПО «Воронежский институт МВД России». Режим доступа [свободный] URL: <http://www.vimvd.ru/> (дата обращения: 27.03.2014).

14. Сравнительное правоведение: рабочая учебная программа дисциплины для направления подготовки (специальности) 030501.65 Юриспруденция / Сост. А.А. Микерин. Казань: КЮИ МВД России, 2012. 21 с. // Режим доступа [ограниченный]: локальный сетевой ресурс КЮИ МВД России (дата обращения 27.03.2014) \\ Kui \ Grandserver \ Кафедра-обучающемуся \ Очное отделение \ Каф. Гос.-пр. дисц \ УМК \ УМК Сравнительное правоведение 030501.65 \ Обязательная часть \ РУП Срав.прав. юриспруд.КЮИ 2012.doc

15. п.77 Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 03.07.2012 № 663 // М.: Российская газета, 2012. 31 августа.

16. См. например: Кадникова Е.И. Обзор законодательства субъектов Российской Федерации, входящих в состав Уральского федерального округа, в сфере государственной гражданской службы // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2010. № 3. С. 24-27; Шевердяев С.Н. Обзор регионального законодательства, регулирующего порядок предоставления гражданам информации // Законодательство и практика масс-медиа. 2006. №12.

17. См.: официальные интернет-сайты СПС «КонсультантПлюс» URL:<http://www.consultant.ru/law/review/reg> и СПС «Гарант» URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/region> [режим доступа свободный] (дата обращения: 27.03.2014).

18. Кубасов О.П. Формирование правоохранительной профессионально-специализированной компетенции у курсантов (слушателей) Казанского юридического института МВД России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. №1 (15). С.77-83.

З.М. Гильметдинова

ЛОББИЗМ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ

Лоббизм имеет конкретную цель – продвижение частных интересов в решения органов власти и ему, как процессу свойственна конкретность и технологичность.

Лоббизм стал одной из своеобразных черт политической системы в большинстве стран западной демократии и в России. Зародившись более 200 лет назад, он стал причиной того, что в принимаемых законах отражаются интересы наиболее пробивных, корыстных общественных сил, но одновременно, лоббизм стал своеобразным институтом общественно-го контроля за деятельностью государственных институтов, инструментом связи между обществом и законодателями. Поэтому его следует признать как объективное явление общественной практики со своими плюсами и минусами.

Ключевые слова: лоббизм, продвижение интересов, законотворческий процесс, Конституция, саморегулируемые организаций, конгрессмены, законодательная инициатива.

Сегодня о лоббизме очень много говорят и пишут. Зародившись впервые в США, традиции лоббизма устоялись в Канаде, Великобритании, Исландии и других странах, где лоббизм получил законодательное закрепление, хотя не во всех странах есть закон, регулирующий отношения лоббизма, но отношения в сфере лоббистской деятельности, несомненно, существуют.

Разработанное в Великобритании понятие лоббизма подразумевает внешние группы интересов или индивидов, пытающихся оказать влияние на государственную политику. [1]

Само явление лоббизма известно с XVIII-XIX вв., когда в США появились люди, использовавшие практику покупки голосов конгрессменов в коридорах власти в США. [2] Лоббистами в XIX в. называли просителей, приходивших в государственные учреждения, но в залы заседаний их не допускали.

Под термином лоббизм (от англ. коридор, кулуары) понимается оказание давления на парламентариев путем личного или письменного обращения или другим способом со стороны каких-либо групп или частных лиц с целью добиться принятия или отклонения какого-либо законопроекта, назначения или отказа в назначении лица на

какой-либо государственный пост, замещение которого производится с санкции парламента. [3]

Еще более точное определение понятия «лоббист» дает А.П. Любимов. Лоббист, по его мнению, это посредник между бизнесом и властью, получающий вознаграждение за свою работу и имеющий поэтому свой личный интерес в продвижении того или иного закона. [4]

В настоящее время принято считать в качестве лоббиста посредника между бизнесом и властью, цель которого – продвигать его интересы и получать за это вознаграждение. В качестве лоббистов могут быть физические лица (в Канаде), физические и юридические лица (в Польше), только юридические лица – например в ФРГ.

Есть мнение, что лоббизм – это одна из форм коррупции, сращивание властных структур с финансово-промышленными группировками. Иногда лоббизмом называют определенные своеобразные формы продвижения интересов в деятельности органов власти.

Но бесспорным является тот факт, что такая возможность влияния интересов граждан в деятельность органов власти пред-

усмотрена нормативно-правовыми актами. Конституция РФ предусматривает право на обращение, которое реализуется как индивидуально, так и коллективно в форме петиции или народной правотворческой инициативы. Существует еще такая форма, как всенародное обсуждение законопроекта. Представители общественности могут на парламентских слушаниях выражать свои позиции относительно принимаемых властью мер. Непосредственно этим занимается Общественная палата Российской Федерации.

В законотворческом процессе коммерческие и некоммерческие организации также могут продвигать частные интересы путем участия их представителей в качестве экспертов, членов, специалистов в различных внутриведомственных структурах, экспертных советах. Им возможно поручение проведения экспертизы законопроектов, в результате чего также возможно продвижение частных конкретных интересов.

В последнее время весьма популярными стали встречи Президента РФ с представителями бизнеса, предпринимателями, чиновниками высокого ранга, во время которых также возможно представительство частных интересов.

В российском законодательстве предусмотрены и иные формы выражения частных интересов: конституционное право граждан на собрания, митинги, пикетирования, посредством которых можно опротестовывать действия (бездействия) и решения органов власти. Оглашать частные интересы также возможно через средства массовой информации, публичные обращения представителей бизнес-сообщества к органам власти по поводу принятия правовых актов и иные формы продвижения частных интересов.

Однако закрепленные законодательством формы продвижения интересов вряд ли можно назвать лоббизмом. Эти формы являются конституционными политическими правами, конечная цель которых – не продвижение частного интереса, а выражение власти позиций общества по поводу проведения этой властью государственной политики. Инициатива привлечения к выражению

частных интересов почти всегда исходит не от самих заинтересованных частных лиц, а от органов (кроме обращений граждан).

Если исходить из духа Конституции, то из закрепленного в ней права граждан на участие в управлении делами государства тоже можно вывести формулу лоббизма. Но лоббизм – это и механизм «обратной связи», предназначенной для выявления позиций граждан относительно их удовлетворенности в проводимой политикой. Однако лоббизм имеет конкретную цель – продвижение частных интересов в решения органов власти, и ему, как процессу, свойственна конкретность и технологичность. [5]

Лоббизм следует признать как объективное явление общественной практики со своими плюсами и минусами. Его вряд ли можно назвать конституционной ценностью, проявлением демократии. Лоббизм необходимо рассматривать как процесс вовлечения бизнеса, некоммерческих организаций и других групп граждан в решение общественно-полезных задач. К числу явного негатива в лоббизме следует отнести преференции, которые создаются для одних групп давления перед другими в ущерб общегосударственным интересам. Сама природа лоббизма такова, что он, как правило, зарождается и развивается вне правового воздействия.

Лоббизм не может развиваться сам по себе. Здесь как нигде необходим межличностный контакт власти и бизнес-групп. Заинтересованные коммерческие организации для продвижения своих интересов используют различные механизмы. Входят в контакт с чиновниками и через них воздействуют на принятие властных решений. Направляют пожертвования в избирательный фонд кандидата в депутаты представительного органа во время избирательной кампании, заручившись его поддержкой. Нередки прямые легальные вознаграждения за оказанные лоббистские услуги, легальное вознаграждение может выражаться в оказании чиновнику различных услуг, финансировании деятельности политических партий. Очень часто коммерческие организации для продвижения своих интересов используют бывших сотрудников по соответствующей

отрасли экономики, перешедших на работу в органы государственной власти и местного самоуправления. Иногда компания принимает на работу бывшего работника государственного аппарата, имеющего нужные связи. Объектами лоббирования являются Президент РФ, Администрация Президента, Правительство, Государственная Дума, совет Федерации, Генеральная Прокуратура, судебные органы, Центральный банк, Центризбирком, Счетная палата. Основным ресурс лоббирования – доступ к чиновнику.

Несмотря на то, что в России лоббизм официально не признан, неверно было бы признать, что в стране полностью отсутствуют пути, по которым бизнес легитимным путем может оказывать влияние на власть.

Постановлением Правительства РФ от 2.06.2004 г. № 263 утверждено Положение о Совете по конкурентоспособности и предпринимательству при Правительстве РФ, который является постоянно действующим органом, образованным для обеспечения практического взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, предпринимательского сообщества и научной общественности в целях повышения конкурентоспособности и развития предпринимательства в Российской Федерации. [6] В состав Совета входят представители федеральных органов исполнительной власти и предпринимательского сообщества. Таким образом через этот орган у бизнеса есть возможность легально представлять свои интересы перед представителями власти.

Еще один путь, по которому российский бизнес может представлять свои интересы в органах власти, – это создание и деятельность саморегулируемых организаций. В некоторых областях деятельности, урегулированных федеральным законом, предусмотрено создание таких саморегулируемых некоммерческих организаций, одной из функций которых является представление интересов своих членов в отношениях с органами государственной власти и органами местного самоуправления. [7] Система подобных организаций могла бы направить лоббизм в России в правовое русло. Выше уже были перечислены такие формы ле-

гального продвижения интересов в органы власти, как подача обращений в органы власти, участие представителей бизнеса в рабочих группах и иных консультативных органах при органах власти и проч. И, как было отмечено, в России по отношению к этим способам термин «лоббизм» не применяется, они являются допустимыми нормами лоббирования интересов, регламентированные в том числе в зарубежных странах.

Конгресс США в 1946 г. принял Закон о регулировании лоббизма, согласно которому любое лицо, которое за вознаграждение занимается деятельностью, имеющей целью воздействовать на принятие или отклонение Конгрессом США какого-либо законодательного акта, должно перед тем, как приступить к каким-либо действиям по достижении указанной цели, зарегистрироваться у клерка Палаты представителей и секретаря Сената и представить письменное заявление с фамилией и адресом учреждения регистрируемого лица, фамилии и адреса лица, которое он нанимает и в чьих интересах оно выступает, сроки найма, сумму вознаграждения и цели выданных на расходы средств. [8]

В XX веке, особенно во второй его половине, лоббизм получил широкое распространение. После принятия соответствующего закона, в 1987 г. в Конгрессе США было зарегистрировано 23 тыс. лоббистов. Для ведения лоббистской деятельности привлекаются огромные средства. По данным Американского центра за ответственную политику, в 2006 г. рынок лоббистских услуг составил около 2,5 млрд долларов. [9]

В первом квартале 2008 г. американский фармацевтический производитель «Pfizer Inc» потратил на лоббирование в Правительстве США 2,8 млн долларов. [10]

Однако лоббисты проводят расходы не только в органах власти, а на благотворительность, маркетинг, PR и др. По данным американской прессы, за последний выборный цикл 905 кандидатов в палату представителей, 102 кандидата в Сенат и 22 кандидата в президенты получили деньги от игорных заведений в виде пожертвований в свои фонды. [11]

Как отмечают юристы, в США занятие лоббистской деятельностью – один из видов бизнеса. Лоббисты действуют в своих интересах или в интересах клиентов и пытаются убедить власть принимать те решения, которые принесут им или их клиентам выгоду, и отклонять заведомо нежеланные для них решения.

В свою очередь, практика лоббистской деятельности показала, что конгрессмены сами часто обращаются к лоббистам, чтобы те способствовали обеспечению известности в предвыборной компании, хотя сами лоббисты не нуждаются в услугах конгрессменов.

Т. Ремингтон подчеркивает, что в США лоббисты обычно являются экспертами в отраслях, которые они представляют, т.к. депутат не может быть специалистом во всех вопросах и ему необходима при принятии решения та информация, которой владеет лоббист. [12] Он представляет интересные цифры, подтверждающие, что только в Вашингтоне существует несколько десятков тысяч компаний, зарегистрированных как лоббистские организации. Есть влиятельные организации, представляющие интересы пенсионеров, владельцев оружия.

Однако не следует представлять лоббизм только как хождение в парламентские коридоры. Так, в США, в соответствии с Конституцией (первая поправка), граждане могут обращаться к правительству с петициями. Во Франции интересы определенных слоев населения учитываются в специальных законодательно учрежденных органах – Экономическом и Социальном комитетах. В их состав входят представители предпринимателей, профсоюзов, различные ассоциации и организации. В соответствии с Конституцией Италии (ст. 99) учрежден национальный совет экономики и труда, основанный на корпоративной основе и являющийся консультативным органом парламента и правительства. Совету предоставлено право законодательной инициативы по экономическим и социальным вопросам.

Одной из форм лоббизма является приглашение организацией конгрессмена на прием или игру в гольф: не заводя разговор о деле, но побывав в такой неформальной

обстановке, конгрессмен будет знать, что, когда у компании возникнет необходимость, она сможет обратиться к конгрессмену. [13]

Как указывает Т. Ремингтон, в ряде стран западной демократии лоббисты тесно взаимодействуют с политическими партиями, результатом чего становится исключение политической конкуренции, без которой немислимо само существование демократического общества и демократических институтов и самого лоббизма. Так, в 1995 г. республиканцы, получив большинство мест в парламенте, взяли под контроль все лоббистские фирмы в Вашингтоне, соответственно денежные потоки между лоббистами и конгрессменами стали проходить через республиканцев, и компания могла нанимать лоббистов, принадлежащих только республиканской партии. Таким образом, эта система стала коррумпированной и избиратели на следующих выборах отдали предпочтение демократам. [14]

В некоторых странах наряду с «внутренним» лоббизмом существует также лоббизм в интересах иностранных корпораций и иностранных правительств и политических партий. Так, в США эта деятельность регулируется Законом о регистрации иностранных агентов 1938г. Основной целью Закона при принятии были защита внутренней безопасности, обороны и международных отношений США, раскрытие подрывной деятельности. В соответствии с законом деятельность физических и юридических лиц, ведущих работу в пользу или от имени иностранных правительств и иностранных политических партий, должна быть легальной.

Однако в 1966 г. в закон были внесены поправки, в соответствии с которыми Закон был переориентирован на регулирование лоббистской деятельности в пользу зарубежных правительств и политических партий. [15]

В США существует еще один «вид» лоббизма – президентский, или правительственный. Возникновение такого лоббизма предопределяет сама Конституция США, которая закрепляет максимальное разделение и самостоятельность двух ветвей власти – законодательной и исполнительной. Поэтому в законодательном процессе меж-

ду Президентом и Конгрессом складываются своеобразные отношения и Президенту иногда приходится оказывать некое «давление» на парламентариев, чтобы добиться от Конгресса необходимых для главы государства решений. В юридической литературе такая деятельность Президента расценивается как правительственное лобби. [16]

Таким образом, лоббизм стал одной из своеобразных черт политической системы

в большинстве стран западной демократии и в России. Зародившись более 200 лет назад, он стал причиной того, что в принимаемых законах отражаются интересы наиболее пробивных, корыстных общественных сил, но одновременно лоббизм стал своеобразным институтом общественного контроля за деятельностью государственных институтов, инструментом связи между обществом и законодателями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сырунина Т. Цивилизованный лоббизм: основные элементы правоотношения // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4 (61). С. 15.
2. Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005. С.11.
3. Конституционное право. Словарь/ под ред. В.В. Маклакова. М., 2001. С. 252.
4. Любимов А.Д. Указ. соч. С.13.
5. Васильева С. Не стоит искать лоббизм там, где его нет: к вопросу о правовом понимании этого института в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1 (162). С. 141.
6. СЗ РФ. 2004. № 23.
7. ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ» от 29.07. 1998. (ред. от 5.02.2007)// СЗ РФ. 1998 № 31. Ст. 3813.
8. Конституционное право зарубежных стран: учебник/ под. ред. Б.А. Страшуна. М.: Норма, 2007. С.578.
9. Кашин В., Цуканов И., Рожкова М. 300000 \$ за визу: как американские лоббисты зарабатывают деньги на россиянах? // Ведомости. 2007. 18 апреля.
10. Власова И. Лоббистские инвестиции растут // Газета. 2008. 18 июня.
11. Сулькин О. Дань азарту // Итоги. 2008. С.66.
12. Ремингтон Т. Лоббирование и представительство интересов в законодательных и исполнительных органах власти // Сравнительное конституционное право. 2008. № 1 (62). С.151.
13. Ремингтон Т. Указ. соч. С.152.
14. Ремингтон Т. Указ. соч. С.154.
15. Шумилов В.М. Правовая система США. М.: Международные отношения, 2006. С.41.

ЯКОВУ ИЛЬИЧУ ГИЛИНСКОМУ -80 ЛЕТ!

Гишинский Яков Ильич – основатель российской девиантологии, доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры РФ; зав. кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им.А.И.Герцена, декан юридического факультета Балтийского института экологии, политики и права, член Нью-Йоркской Академии наук (NYAS), Европейского общества криминологов (ESC), Международной социологической ассоциации (ISA), РОС, редакционного совета «Вестника Казанского юридического института МВД России». Автор более 450 научных трудов, в том числе 18 монографий. Свыше 100 работ изданы на английском, венгерском, итальянском, немецком, норвежском, польском, французском, японском и др. языках.

Яков Ильич родился в Ленинграде 16 июня 1934 в семье врача-невропатолога, ученого, впоследствии фронтовика, доктора медицинских наук Ильи Яковлевича Гишинского. В детстве были и пионерия, и тимуровская команда, и комсомол, и голодные, холодные, полные ужаса блокадные дни и ночи северной столицы (125 грамм хлеба в сутки на человека при отсутствии других продуктов, студень из финского столярного клея). Мальчику из блокадного города повезло: он не умер от голода и не погиб от бомбежки (в трамвай, в котором он ехал с мамой, попала во время немецкого налета фугасная бомба). Еще подростком он стал не по годам целеустремленным и рассудительным. В своей биографической книге «Я в мире, мир во мне» он спустя время напишет: «Я жил во взрослом окружении, впитывал разговоры взрослых..., до всего старался дойти сам». Учеба давалась Якову легко: неслучайно школьный библиотекарь как в воду глядел, предрекая его будущее: «Мальчик, ты будешь доктором или профессором».

Определяя профессиональную стезю, молодой человек остановился на выборе между философским и юридическим факультетами. Однако в 52-м году, когда велась борьба с «безродными космополитами», «убийцами в белых халатах», преследовались М. Зощенко, А. Ахматова, философская школа Александрова, ученые генетики, абитуриенту с фамилией Гишинский «соваться» в ЛГУ им. А.А. Жданова было бессмысленно. Но судьба оказалась сильнее преходящих обстоятельств, и Яков

Гишинский сначала поступает на заочный геофак пединститута, затем переводится в Юридический институт и, наконец, после ликвидации последнего становится студентом юридического факультета ЛГУ. В 1957 году он получает диплом с «отличием».

Яков Ильич с благодарностью вспоминает и чтит своих школьных учителей и университетских педагогов. Он тепло отзывается о лекциях главы Ленинградской уголовно-правовой школы профессора Михаила Давидовича Шаргородского, профессоров старой питерской школы Измаила Федоровича Случевского, Ивана Филипповича Крылова, Полины Соломоновны Элькинд и многих других больших ученых.

Трудовая карьера Я.И. Гишинского, не считая студенческие подработки, началась с должности секретаря 7-го участка Октябрьского районного народного суда Ленинграда. Затем была адвокатская практика.

В 1967 году Яков Ильич защищает кандидатскую диссертацию. С 1969 года Гишинский по приглашению Льва Ивановича Спиридонова переходит на научную работу в НИИ комплексных социальных исследований (НИКСИ) при ЛГУ. Выходят его первые социологические работы: «Отклоняющееся поведение как социальное явление»(1971), «Некоторые проблемы отклоняющегося поведения»(1971) «О системном подходе к преступности»(1980) и др. В этот период своей карьеры Гишинский впервые в стране проводит эмпирические исследования социальных феноменов самоубийства, пьянства, преступности и других негатив-

ных проявлений девиантности в контексте социально-экономических и демографических факторов. Он приобретает колоссальный опыт эмпирических исследований, закладывает основы отечественной школы социологии девиантности и социального контроля (девиантологии). В 1986-м в Институте государства и права АН СССР Я.И. Гишинский блестяще защищает докторскую диссертацию на тему «Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений (вопросы теории и методики)».

Затем наступают годы плодотворной работы по развитию отечественной социологии преступности и девиантологии в ленинградском филиале Института социологии АН СССР (Социологический институт РАН). Выходят знаковые работы «Творчество – норма или патология» (1990), «Человек человеку волк?» (1995), «Социология девиантного поведения и социального контроля» (1998), «Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии» (1999), «Социальная патология в современной цивилизации» (2000), «Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль» (2002).

Яков Ильич готовит и издает фундаментальный труд «Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других "отклонений"» (2004), который выдерживает несколько изданий. В последнее время Гишинский публикует интересные феноменологические работы: «Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор» (2009), «Конструирование преступности» (2009), «Конструирование девиантности» (2008, 2011) и многие другие.

Профессор Гишинский Я.И. привлекает к девиантологии внимание опытных и молодых криминологов и социологов, организует и проводит знаменитые девиантологические семинары, секции в рамках Первого и всех последующих российских социологических конгрессов, возглавляет сектор социологии девиантного поведения и социального контроля в ССА-РСА. Под его руководством защищается целый ряд талантливых исследователей-девианто-

гов и криминологов социологической ориентации.

Гишинский Я.И. представляет научное сообщество страны на Европейских и всемирных научных форумах социологов, девиантологов и криминологов. Он участник большого числа международных научных мероприятий в Польше, Финляндии, Швеции, Норвегии, Испании, Германии, США, Канады, Японии, Австралии, не говоря уже об Эстонии, Латвии, Литве. Его хорошо знают и высоко ценят отечественные и зарубежные ученые. Его вклад в оценен 5 отечественными медалями, именной Международной медалью (2000) «Лидеры нового столетия», несколькими почетными знаками.

Сегодня благодаря бескорыстному, подвижническому труду профессора Я.И. Гишинского создана не только российская девиантологическая школа, но и в широком смысле девиантологическое движение. Девиантология успешно развивается в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Краснодаре, Уфе, Тюмени, Красноярске и многих других городах страны.

Яков Ильич неутомим: он успешно сочетает научную и педагогическую работу в БИЭПП, РГПУ, Санкт-Петербургском юридическом институте Академии Генеральной прокуратуры РФ. Его окружают близкие: жена, дочери и внуки, «старые» и молодые коллеги. Он создал динамичный научный мир вокруг себя, его отличает и богатый философско-девиантологический мир в себе. Он любит и ценит жизнь, науку, близких, животных, путешествия.

От души поздравляем Вас, дорогой Яков Ильич, с юбилейной датой и желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, приятных и новых впечатлений, талантливых учеников и научных достижений.

С уважением и благодарностью, казанские девиантологи:

д.с.н., профессор Ю.Ю. Комлев,

д.с.н. профессор А.Л. Салагаев

д.ф.н., профессор Н.С. Фатхуллин, а также члены редакционного совета «Вестника Казанского юридического института МВД России»

НАУКА ТРЕБУЕТ ВСЕГО ЧЕЛОВЕКА:

к 55-летию со дня рождения
доктора педагогических наук, доцента генерал-майора полиции
Фоата Канафиевича Зиннурова

Известный русский писатель Максим Горький когда-то сказал: «Наука требует всего человека, без задних мыслей, с готовностью всё отдать и в награду получить тяжёлый крест трезвого знания». Эти слова в полной мере можно отнести к Фоату Канафиевичу Зиннурову.

Он полностью отдается науке – психологии, педагогике (теории управления, воспитания, предупреждения правонарушений). Его научная позиция всегда концептуальна и строится на безупречной методологии. При наличии своего научного взгляда он способен объективно и достойно оценивать взгляды других. Не случайно его книги сразу становятся учебниками для курсантов, студентов, будущих юристов, психологов, педагогов. Именно поэтому он видит и может эффективно решать многие проблемы не только научного, но и делового характера. Именно поэтому он имеет авторитет человека ученого, психолога, педагога, руководителя, юриста, авторитет человека чести, порядочности, принципиальности, интеллигентности. Именно поэтому он входит в список самых известных ученых России - энциклопедию «Ученые России».

Фоат Канафиевич Зиннуров родился 10 мая 1959 г. в Высокогорском районе Татарской АССР. Закончив среднюю школу и поработав слесарем-инструментальщиком на производственном объединении «Вакууммаш», прошел службу в пограничных войсках КГБ СССР на территории Карельской АССР, на границе с Финляндией.

После окончания юридического факультета Казанского госуниверситета в 1984 году Фоат Канафиевич поступил на службу в органы внутренних дел старшим инспектором по кадрам и профессиональной подготовке Автозаводского РОВД г. Брежнева ТАССР.

За время службы прошел путь от старшего инспектора группы анализа, планирования и контроля УВД г. Брежнева (ныне Набережные Челны) до заместителя начальника - начальника отдела кадров УВД г. Набережные Челны. В 1999 году был назначен начальником Управления по кадровой и воспитательной работе МВД Татарстана. В 2004 году стал заместителем министра внутренних дел по Республике Татарстан - начальником Управления кадров.

В 2005 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата психологических наук.

7 октября 2008 года Указом Президента Российской Федерации Д.А. Медведева № 1449 был назначен начальником Казанского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. 16 октября 2008 г. состоялось официальное представление коллективу института нового начальника. Церемонию проводил министр внутренних дел России генерал армии Р.Г. Нургалиев. В совещании принимали участие Президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев и министр внутренних дел по Республике Татарстан генерал-лейтенант милиции А.А. Сафаров.

Является почетным сотрудником МВД РФ, почетным сотрудником МВД РТ, заслуженным сотрудником органов внутренних дел Республики Татарстан, награжден государственными наградами Российской Федерации и Республики Татарстан, в том числе Орденом Почета, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, орденом Серебряная звезда «Общественное признание», медалью РТ «За доблестный труд» и ведомственными наградами, в их числе наградным именованным оружием.

В 2012 г. он блестяще защитил докторскую диссертацию на тему «Педагогическая профилактика и коррекция девиантного по-

ведения подростков в условиях социокультурной среды».

Ф.К. Зиннуров – автор многочисленных монографий, учебно-методических пособий, статей, опубликованных в российских и зарубежных изданиях.

Одним из первых Ф.К. Зиннуров обратил внимание на то, что политические, экономические, социально-культурные, поликультурные изменения, происходящие в начале XXI века, обусловили вызов сложившимся концепциям существующих социально-педагогических систем: изменилась социально-культурная среда. Эти изменения в первую очередь связаны с процессами формирования постиндустриального общества, глобализации, снижением роли государств и увеличением роли «скрытых» субъектов социального управления. Все это оказывает существенное влияние на нормы поведения, общения, всей жизнедеятельности, в том числе учебной и профессиональной и детерминирует потребность «выхода» за рамки существующих норм: в этом случае фактической нормой становится выход за пределы нормы.

Нормативный подход связан с характерными чертами «вчерашнего» (советского) общества (стабильностью и определенностью), и, соответственно, это нашло отражение в образе «идеальной личности» – с четким набором личностных качеств, которые давали ей возможность эффективного включения и достаточно комфортного существования в социуме.

В своих статьях и монографиях Ф.К. Зиннуров подчеркивает, что в советский период четкие представления о том, что ждет общество и личность «завтра», служили основанием для создания стройной системы образования, что в итоге делало достаточно успешной психолого-педагогическую практику в форме конкретно структурированного, хорошо организованного и эффективно управляемого учебно-воспитательного процесса. Институт образования представлял собой целостную систему. При этом бесспорным центром образовательного процесса была школа. Именно там молодой человек по максимуму получал необходимые

знания о мире, именно там закладывались основы мировоззрения, смысло-жизненные ориентации, осуществлялось усвоение социально-ролевых установок, именно там действовали реальные общественные институты (пионерская, комсомольская организации), в рамках которых создавались условия для организации ведущего типа деятельности подростков – социально признаваемой и одобряемой деятельности (Д.И. Фельдштейн). Разнообразные формы ведущего типа деятельности, широко представленные в советской школе, давали возможность подросткам удовлетворить свои базисные потребности: потребность в самоутверждении, стремлении войти в мир взрослых, расширить свои права, добиться общественного признания своей ценности, уважения к своей личности.

Ф.К. Зиннуров обращает внимание на то, что изменения образа человека в культуре, в первую очередь, транслировались на подростков, столкнувшихся с непонятными им нормами, ценностями, требованиями к поведению в семье, образовательных учреждениях, обществе. Следствием этого стал угрожающий рост девиантности в поведении не только подростков, но и детей дошкольного возраста. Особую значимость в новых социально-культурных условиях стала приобретать воспитательная работа, направленная на организацию культурно-досуговой деятельности в учреждениях общего и специального (для подростков девиантного типа поведения) образования. Редуцированный характер общения, неконтролируемый рост ненормативного, отклоняющегося поведения, правонарушений среди учащихся, распространение как гиперактивности, так и заторможенности у детей и подростков спровоцировали обострение девиантности не только в общеобразовательной, но и в дошкольных учреждениях и сделали проблему повышения эффективности педагогической системы профилактики девиантного поведения, охватывающую все непрерывное образование, особо значимой. Построение современной педагогической системы, ориентированной на социально-культурную среду XXI века,

приобретает стратегический характер. Новая социально-культурная среда требует новых педагогических систем, технологий, средств организации социокультурной (в том числе досуговой) деятельности.

Большая теоретическая значимость исследований Ф.К. Зиннурова состоит в том, что учёный существенно обогащает теорию и практику организации социально-культурной деятельности для подростков девиантного типа поведения на основе полипарадигмального подхода, что выразилось:

- в разработке концепции построения педагогической системы профилактики девиантного поведения подростков, углубляющей существующие в педагогической науке представления о сущности, принципах и функциях работы с трудными детьми посредством использования средств социокультурной деятельности;

- в углублении понятий «педагогическая система профилактики девиантного поведения подростков», «социально-культурная деятельность подростков девиантного типа поведения», «лично-развивающая, субъектно-ориентированная технология», уточнении их сущностных, структурно-содержательных и функциональных основ, обогащающих педагогическую теорию новыми научными представлениями о педагогических средствах профилактики девиантного поведения подростков в условиях социокультурной деятельности, учитывающей особенности региональной социально-культурной среды (двуязычие, межкультурный диалог, профессиональные, религиозные отношения и др.);

- в разработке принципов организации системной профилактической работы с подростками девиантного типа поведения, а также в выявлении и обосновании ключевых функций системной работы, в совокупности своей выступающих в качестве теоретической основы для ее проектирования и реализации в различных региональных условиях России.

Практическая значимость исследований Ф.К. Зиннурова состоит в том, что разработанные им теоретико-методологические положения в настоящее время реализуются

в общеобразовательных учебных заведениях, специальных (для детей и подростков девиантного типа поведения) школах, нашли отражение в различных видах учебно-методической документации (планах работы, рабочих программах, программах повышения квалификации преподавателей, планах учебных занятий и внеаудиторных мероприятий и т.п.), представлены в пяти монографиях, ряде учебных и учебно-методических пособий.

Ф.К. Зиннуров осуществляет научное руководство научно-исследовательской лабораторией, созданной на базе Республиканской специальной школы для детей и подростков девиантного типа им. Галлямова. В школе действует научно-исследовательская лаборатория профилактики девиантного поведения.

Разработанные в исследовании теоретические положения вооружают руководителей образования, психологов, социальных педагогов и учителей, работников социально-культурной сферы новыми научными представлениями о профилактике девиантного поведения подростков, о педагогической системе, модели, технологиях, критериях оценки профилактической работы в условиях социокультурной среды.

В.Ф. Габдулхаков,

*доктор педагогических наук,
профессор КФУ*

Г.Г. Чанышева,

*доктор педагогических наук,
профессор КЮИ МВД России*

**ИТОГОВАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИНСТИТУТА
«ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»**

5 июня в институте состоялась всероссийская научно-практическая конференция – Вторые юридические чтения «Проблемы национальной безопасности: вопросы теории и практики».

Организаторами конференции выступили сотрудники научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, кафедры института.

На пленарном заседании присутствовали начальник института генерал-майор полиции доктор педагогических наук Фоат Канафиевич Зиннуров, заместители начальника института Сергей Николаевич Миронов, Фарид Равилевич Хисамутдинов, начальники кафедр, руководители структурных подразделений института, профессорско-преподавательский состав, слушатели, повышающие свою квалификацию на факультете профессионального обучения и дополнительного профессионального образования, из 27 регионов Российской Федерации.

На пленарном заседании выступили ведущие ученые института, чьи научные исследования получили широкое распространение в республике и стране в целом. Во вступительном слове начальник института доктор педагогических наук Ф.К. Зиннуров отметил, что вопросы национальной безопасности сегодня особенно актуальны в связи с присоединением Крыма и положением на Украине в целом. Осложнение отношений со странами НАТО, введение санкций против России ставят перед российскими учеными и сотрудниками правоохранительных органов новые задачи, решение которых необходимо в ближайшее время. Сегодня существует широкий спектр внешних и внутренних угроз безопасности страны. Поскольку безопасность является многоаспектной категорией, не имеющей линейного разрешения существующих проблем, в целях усиления национальной безопасности Российской Федерации в ближайшие годы необходимо предпринять целый комплекс организационных, социальных и правовых мер, направленных на поднятие степени защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства на принципиально новый уровень.

В русле этого выступления прозвучал доклад доктора юридических наук, профессора В.П.

Малкова, в котором были подробно рассмотрены проблемные вопросы обеспечения национальной безопасности России, дана правовая оценка Федеральному закону «О безопасности» от 28 декабря 2010 № 390-ФЗ, уделено особое внимание вопросам обеспечения прав и свобод гражданина.

Доклад доктора юридических наук Р.Р. Алиуллова был посвящен правоохранительному потенциалу Кодекса РФ об административных правонарушениях, вопросам реформирования административного законодательства.

В совместном докладе доктора педагогических наук Ф.К. Зиннурова, доктора медицинских наук В.И. Красильникова и аспирантки А.М. Гайфутдиновой «Социально-экономические аспекты пропаганды законопослушного поведения и здорового образа жизни несовершеннолетних как основополагающие факторы национальной безопасности России» были рассмотрены проблемы организации законопослушного поведения подростков и вопросы его коррекции, проанализированы причины девиантного поведения несовершеннолетних, исследован комплекс эффективных профилактических мер, препятствующих разрастанию социально-негативных явлений в подростковой среде.

Доктор педагогических наук, профессор Г.Г. Чанышева в докладе о психолого-педагогических аспектах социальной безопасности субъектов образования подняла серьезную проблему развивающейся национальной агрессии. В выступлении была обоснована необходимость разработки методов, приемов, средств, психологического инструментария и дидактического содержания технологии предупреждения национальной агрессии в процессе профессиональной подготовки.

Вопросы досудебного урегулирования разногласий в аспекте медиативных соглашений были затронуты в докладе доктора экономических наук, доцента И.В. Жуковской. Было отмечено, что медиация в современных гражданско-правовых отношениях является довольно новой формой конструктивного взаимодействия сторон. Представляя собой альтернативную процедуру урегулирования досудебных споров и конфликтов, она дает определенные преимущества участникам этого процесса, а также разгружает судебную систему.

Работа пленарного заседания конференции показала высокое качество и широкий спектр научных исследований, проводимых в институте. Фактически каждое выступление вызывало вопросы и желание продолжить дискуссию.

Далее состоялись секционные заседания конференции по следующим направлениям: «Национальная безопасность России: историко-правовые, гражданско-правовые и социально-экономические аспекты»; «Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности: уголовно-правовые, административно-правовые и криминологические аспекты»; «Уголовно-процессуальные, криминалистические и оперативно-розыскные проблемы обеспечения национальной безопасности»; «Научно-методическое обеспечение преподавания в юридических вузах системы МВД России».

Отметим, что проведение подобных конференций способствует межвузовскому и межкафедральному сотрудничеству, позволяет создать площадку для обмена мнениями, вынести для обсуждения научные проблемы, требующие своего разрешения.

Старший научный сотрудник НИиРИО
кандидат социологических наук, доцент
Ю.Ю. Бурмистрова

ABSTRACTS AND KEY WORDS**Zinnurov F.K., Krasilnikov V.I., Gaifutdinova A.M. Pedagogical correction in an deviant behavior of teenagers**

The analysis of genesis, conditions, tendencies, specifics and reasons of manifestation of an initial stage of deviant behavior of teenagers is carried out. The importance of obtaining social skills by them, which help to adapt with society safely, updating of process social self-determination, resocialization system, moral rehabilitation and aiding timely help to them is determined.

Keywords: deviant activities, behavior, teenagers, prevention, delinquency, offence, complexes.

Urazayeva G.I. Professional deformation of police officers in aspect of emotional burning out: social and psychological conditions, mechanisms, features, factors

The article is devoted to a syndrome to «professional deformation», understudied as manifestation in the police officers personality, as a result of the influence of extreme conditions of professional activity, such psychological changes which negatively influence both on the implementation of this activity and also on the psychological structure of the personality. Source of formation of the syndrome, as system personal change, is the adverse mental state of emotional burning out which, repeating over time and being supported, amplifies, generalized and causes deformation of the personality as a whole.

Keywords: professional deformation, emotional burning out, police officer, extreme conditions of professional activity, mechanisms of professional deformation, feature of professional deformation of police officers, factors of emotional (professional) burning out.

Andreev M.V. Conceptual bases of comprehension of peculiarities of cross-cultural dialogue in the political and justice doctrine of Western Europe and the USA

In the article actual aspects of social and political doctrine about cross-cultural dialogue are considered. The attention is concentrated on actual issue for European countries and the USA- cross-cultural dialogue, its efficiency in various areas: migratory processes, communications, science, culture, education, sport, etc. In the article the special attention is paid to interreligious dialogue as leading part of cross-cultural dialogue and social and political aspects. European basis documents, particularly White paper of the Council of Europe are considered in this article.

In this article the conclusion about need of updating of some aspects of cross-cultural dialogue, institutionalization of interreligious dialogue in the form of a special forum for coordination of common views on actual problems of development of the international relations in the conditions of globalization is drawn.

Keywords: interaction of cultures, people and religions, cross-cultural dialogue.

Fedorovich D.U. Issues of improvement of interstate cooperation in the sphere of fight against the conventional crimes which are encroaching on a personal freedom.

In article specific legal and organizational issues of interstate cooperation in the fight to conventional crimes infringing on individual liberty, and suggestions for improvement are considered.

Key words: conventional crimes against personal freedom, kidnapping, traffic in human beings, slave labor, interstate cooperation.

Varygin A.N. On the «situational» criminality and its features

In article are considered system and situational approach in science, including at study of criminality, are analysed existing at present in criminologies of the reason for categorization type to criminality; stands out such reason for categorization of criminality as situational completion of the crime and is analysed such type to criminality as situational criminality and problems of her(its) warning.

The Keywords: criminality system in criminality, situational approach in criminologies,

categorization type to criminality, situational criminality, particularities of the warning to situational criminality.

Bytko S.U. On the manifest and latent functions of criminal law

The article gives an overview of theoretical vision with regard to the functions of criminal law and of their content. Substantiated point of view, according to which they can be explicit, due to the goals and objectives of criminal law, the content of individual criminal regulations, and implicit arising from the practice of application of the criminal legislation, the actual role that performs the criminal law in the system of social regulation. It is shown that the effectiveness of legal regulation depends on the effective implementation of certain criminal-legal functions.

Keywords: the function of criminal law, prevention of crime, the effectiveness of criminal-legal influence, the regulatory function, the restorative function, the educational function

Shalagin A.E. Current directions of preventive activity of the bodies of internal affairs at the present stage

In the article the concept of prevention and the prevention of crimes and administrative offences. Special attention is paid to the activity of the bodies of internal Affairs in this sphere. Contents and proposed classification of basic preventive measures. The particularities of General, special and individual prevention of crimes. Statistical figures of the Ministry's activity in recent years.

Key words: warning, prevention of crime, the activities of the bodies of internal Affairs, administrative offence, suppression, prevention, preventive measures.

Galakhov S.S., Kubyakin E.O. Specifics of youth consciousness and social and group self-organization in the mechanism of formation of youth extremism

The views of scientists on the problem associated with the emergence of youth extremism and mechanism of formation of this social phenomenon in the consciousness of young people and social-group self-organization. The directions to counter the emergence of youth extremism.

Keywords. Youth extremism, group consciousness, culture, extreme type of consciousness, self-organization of youth.

Demidova-Petrova E.V. Current state and tendencies of crime of minors as one of types of crime in the Russian Federation

In article the crime of minors in the general system of crime is considered. It is noted that minor criminals – it the persons making illegal actions at early age, later, as a rule, give in to correction much more difficultly and as a result make the main reserve for adult and recurrent crime. The special attention is paid to that crime of minors has a number of distinctive features which are shown first of all in a causal complex and motivation of formation of criminal behavior and, as a result, in its level and development tendencies. The author own definition of crime of minors is offered.

Key words: minor, family, crime, criminology, juvenile delinquency

Grachev S.I., Tovashov A.V., Zavyalov A.I. Problems and features of informational propaganda factor in anti-terrorism system

At the organization of information counteraction it is necessary to know all mechanisms of information propaganda, which have an influence on mass consciousness of people, to carry out scientific reasonable and practical effective information policy, where purposes of this counteraction are identification, prevention and neutralization of information propaganda impact on electorate and change for benefit of society of ratio of moral propaganda stability of the parties, its maintenance at the level necessary for successful carrying out anti-terrorist activity

Keywords: terrorism, anti-terrorism, extremism, information propaganda counteraction.

Shaidullina E.D. Criminal law measures against illegal production and turnover of alcoholic products in foreign countries

The article considers experience of fighting crime in the sphere of illegal manufacture and turnover of alcohol produce in foreign countries. A comparative analysis of criminal legislature of Anglo-Saxon, Scandinavian, Roman-Germanic and Islam countries of the problems of legal counteraction to illegal manufacture and turnover of alcohol produce.

Key words: illegal manufacture and turnover of alcohol produce, criminal legislature, criminal liability, punishment in the form of imprisonment, smuggling of alcohol produce.

Yunusov A.A., Neganov D.A. Law enforcement in stage of criminal proceedings

The article concedes theoretical issues of rights and interests of participants of process within of legality in a stage of initiation of criminal proceedings.

Keywords : legality, initiation of criminal proceedings, Directorate of Public Prosecutions, judicial control, complainant, criminal prosecution, the departmental control.

Fatkullin R.R., Mirolyubov S.L. Current issues of initiation of criminal proceedings on a penitentiary crime

The problem-solving questions of the order of excitement of the criminal deal are Considered on crimes, made in penal institutions. The causes and reason are analysed for excitement of the criminal deal with account of specifics of the institutions Federal service of execution of punishment Russia.

The keywords: excitement of the criminal deal, causes and basis, penal institutions, preliminary check, registration of the statements and reports on crime, subjects forbidden to turn.

Mingazizova G.G. Educational opportunities of multimedia technologies in development of communicative competence of students

The paper deals with the problem of development students' communicative competences. The author gives theoretical justification of educational opportunities of multimedia technologies in teaching of foreign languages.

Key words: multimedia educational technologies, communicative competences, educational opportunities of multimedia technologies

Gracheva V.V. The United Nation charter as the legal base of the international cooperation in fight against terrorism

The article is dedicated to the study of the particularities of the Charter of the United Nations which condition its fundamental role in assuring international cooperation in combating terrorism.

Key words: UN Charter, international cooperation, maintaining international peace and security, combating terrorism, fundamental principles of international law, institutional mechanism of the UN.

Astishina T.V., Markelova E.V. Problems of investigation of crimes connected with fraudulent actions with use of cellular communications

This article discusses the features of detection and investigation of fraud associated with the use of mobile phones (Cellular Equipment).

Keywords: crime, fraud, money cellular detection and investigation.

Miftakhova M.M. Precedent as language phenomenon

The article discusses the problems of precedent in the information space, provides an overview of scientific papers covering various aspects of case units and it characterized by thematic groups of precedent phenomena.

Keywords: case text, case statement, case name, case situation.

Bulanova A.V. Application of visualization as means of creating a communicative motivation in teaching Russian as foreign language

Application of visualization, as a means of creating a communicative motivation in teaching Russian as a foreign language. The article is dedicated to the role of visualization, in teaching Russian as a foreign language. The article considers the factors of use of means of visualization, which contribute to the formation of communicative skills, allow for the control of mastering of the material and send the speech patterns of foreign students.

Keywords: Visualization, media visibility, motivation, communication.

Usmanov I.M., Korotina E.A. Issues of realization of the constitutional norms in social state

State social norms enshrined in art. 39 of the Constitution of the Russian Federation. This article discusses the realization of sub-legal acts adopted on the basis of art. 39 aimed at the realization of social policy in the Russian Federation.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, the social state, the Russian legislation.

Soboleva M.M. Providing and protection of the rights and freedom in russian police activity: problems in interaction between police and civil society

The article describes the legal basis of ensuring and protection of rights and freedoms of man and citizen in the activity of the police of Russia. Analyzed directions of interaction of civil society with the bodies of internal Affairs. Consider some of the problems mentioned interaction.

Key words: human rights, civil society, the police

Tagirov Z.I. Region legal component as actual need of departmental training in educational organizations of ministry of internal affairs of Russia

In the article described a legal and a pedagogical problems of training in educational organizations of Ministry of internal affairs of Russia at the present stage of reform of departmental education system.

Keywords: regional law, law of the Russian Federations subjects, federal law, state law, regional component, legal education.

Gilmetdinova Z.M. Lobbying in russian and foreign practice

Lobbying has a specific purpose: the promotion of private interests in the decisions of the authorities and as a process it is characterized by specificity and manufacturability inherent to any specific process and technology. Lobbying has become one of the peculiar features of the political system in most countries of Western democracy in Russia. Originated over 200 years ago, it was the reason that the adopted laws reflect the interests of the most powerful, mercenary social forces, but at the same time, lobbying has become a kind of institution of public control over the state institutions activity, an instrument of communication between the public and legislators. Therefore, it should be recognized as an objective phenomenon of social practice with its pros and cons.

Keywords: lobbying, promotion of interests, legislative process, Constitution, self-regulatory organizations, Congressmen, legislative initiative.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астишина Т.В. – заместитель начальника кафедры ОРД ОВД Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений им. генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева ВИПК МВД России, подполковник полиции

e-mail: tanja05970@yandex.ru

Андреев М.В. – доктор юридических наук, профессор Казанского юридического института МВД России

e-mail: andreev01@mail.ru

Буланова А.В. – преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков КЮИ МВД России
моб. тел.: 8 917 895 45 91

Бытко С.Ю. – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

e-mail: sergej-bytko@yandex.ru

Варыгин А.Н. – доктор юридических наук профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

e-mail: van808@yandex.ru

Габдулхаков В.Ф. – доктор педагогических наук, профессор Казанского федерального университета

e-mail: goolchan@mail.ru

Гайфутдинова А. М. – аспирант кафедры социально-культурной деятельности Казанского государственного университета культуры и искусств

e-mail: likenike@bk.ru

Галахов С.С. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры ОРД ОВД Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений им. генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева ВИПК МВД России, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации

e-mail: junior86@rambler.ru

Гильметдинова З.М. – соискатель Института экономики, управления и права (г. Казань)

e-mail: rozasl@mail.ru

Грачев С.И. – доктор политических наук, профессор, заведующий научно-исследовательским центром изучения проблем национальной и международной безопасности Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

e-mail: sig-nur@mail.ru

Грачева В.В. – аспирант Украинского госуниверситета финансов и международной торговли (г. Киев)

e-mail: usu.nauch@gmail.com

Демидова-Петрова Е.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России, майор полиции

e-mail: demidova.liza@gmail.ru

Завьялов А.И. – аспирант Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

e-mail: sig-nur@mail.ru

Зиннуров Ф.К. – доктор педагогических наук, доцент, начальник КЮИ МВД России, генерал-майор полиции

e-mail: vestnikkui@mail.ru

Коротина Е.А. – курсант КЮИ МВД России

e-mail: ww95@mail.ru

Красильников В. И. – доктор медицинских наук, профессор КЮИ МВД России

e-mail: vikrasilnikov@mail.ru

Кубякин Е.О. – доктор социологических наук, начальник кафедры философии и социологии, Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции
e-mail: tsproz@yandex.ru

Маркелова Е.В. – преподаватель кафедры ОРД ОВД Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений им. генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева ВИПК МВД России, подполковник полиции
e-mail: tanja05970@yandex.ru

Мингазизова Г.Г. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков КЮИ МВД России
e-mail: gulnara.sadykova@mail.ru

Миролюбов С.Л. – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики КЮИ МВД России, майор полиции
e-mail: mirolubov2008@yandex.ru

Неганов Д.А. – кандидат юридических наук, старший оперуполномоченный отдела «К» МВД по РТ, майор полиции
e-mail: axatuk@rambler.ru

Соболева М.М. – адъюнкт кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России
e-mail: afeena@mail.ru

Тагиров З.И. – соискатель, преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки КЮИ МВД России, капитан полиции
e-mail: 89053121275@mail.ru

Товашов А.В. – аспирант Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
e-mail: sig-nur@mail.ru

Уразаева Г.И. – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России, полковник полиции
моб. тел.: 8 917 880 43 22

Усманов И.М. – преподаватель кафедры ОРД КЮИ МВД России, майор полиции
e-mail: ilgiz-kgs@mail.ru

Фатхуллин Р.Р. – кандидат юридических наук, доцент (УФСИН РФ по РТ)
e-mail: mirolubov2008@yandex.ru

Федорович Д.Ю. – кандидат юридических наук, старший инспектор по особым поручениям БКБОП, подполковник полиции
e-mail: dianafed@mail.ru

Чанышева Г.Г. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно исполнительного права КЮИ МВД России, подполковник полиции
e-mail: goolchan@mail.ru

Шайдуллина Э.Д. – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса КЮИ МВД России, капитан полиции
e-mail: elya-hi@bk.ru

Шалагин А.Е. – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права КЮИ МВД России, подполковник полиции
моб. тел.: 8 904 667 52 08

Юнусов А.А. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института экономики, управления и права (г. Казань)
e-mail: axatuk@rambler.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Журнал издается раз в квартал, срок представления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).
3. К статье соискателя, адъюнкта должна быть приложена внешняя рецензия, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующего учреждения.
4. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), контактная информация (e-mail, телефон);
 - заглавие публикуемого материала;
 - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи;
 - примечания (сноски), оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
5. Объем статьи – 10-15 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
6. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое -2,5см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - сноски концевые.
7. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов, аспирантов и соискателей должна стоять также подпись их научного руководителя.
8. Перед подписью автора и научного руководителя в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел. (843) 2777-800, электронный адрес vestnikkui@mail.ru).